

З. ПЕРЕЛЬМАН

**ИСТОРИЯ
ТРЕД-ЮНИОНИСТСКОГО
ДВИЖЕНИЯ
В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 • 9 • 2 • 7

опб
Сз 116

Пе 349

АМТЕР, И.
РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
В СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Стр. 88

Ц. 40 к.

САЙМОНС, А. М.
СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ
В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Стр. 227

Ц. 1 р. 50 к.

САЙМОНС, А. М.
КЛАССОВАЯ БОРЬБА В АМЕРИКЕ

Стр. 55

Ц. 10 к.

БРИССЕНДЕН, П. Ф.
ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАБОЧИЕ МИРА
I. W. W.

Перевод с английского Л. Раевского

Стр. 164

Ц. 1 р. 10 к.

Содержание: Часть первая. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД. Гл. I. Предтечи промышленных рабочих мира. Гл. II. Нарождение организации (1905 г.). Гл. III. П. Р. М. против американской федерации труда. Часть вторая. „ПОДЛИННЫЕ“ П. Р. М. Гл. IV. Первые шаги в области экономической борьбы. Гл. V. Переворот „пролетарской черни“ (1906 г.). Гл. VI. Стремление к активному союзу. Гл. VII. Борьба за существование. Гл. VIII. Стачка в Гольдфильде. Гл. IX. Доктринеры против сторонников прямого действия (1908 г.). Гл. X. Детройтские П. Р. М. (1908 — 1915 гг.) Часть третья. АНАРХО-СИНДИКАЛИСТЫ. Гл. XI. Свобода слова и саботаж. Гл. XII. Стачка в Лауренсе. Гл. XIII. Дуалистический юнионизм и централизация. Гл. XIV. Тенденции последнего времени.

РИД, ДЖ. и АМТЕР И.
КАПИТАЛИЗМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ
В АМЕРИКЕ

Стр. 57

Ц. 30-к.

7-271
447
104

ЗЕЛИГ ПЕРЕЛЬМАН
ПРИВАТ-ДОЦЕНТ ВИСКонСИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ф5
Сз
Пе

ИСТОРИЯ ТРЕД-ЮНИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО Л. И. РАЕВСКОГО
С ПРЕДИСЛОВИЕМ Е. БРАУДЕРА

1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

361-37

П-99218

2007336041

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта книга представляет наиболее обстоятельную и хорошо написанную общую историю американского тред-юнионистского движения, поскольку возможно было эту историю кратко описать в одном томе. В данном труде очерчены кратко главные линии тред-юнионистского движения, начиная с первых лет XIX столетия вплоть до конца мировой войны. Он будет чрезвычайно ценен для всех тех, которые ясно понимают, что современный американский тред-юнионизм присваивает себе такую же гегемонию в мировом реформизме, какую усвоил себе американский империализм среди мировых капиталистических держав.

Американский тред-юнионизм складывался под влиянием многих сил. Некоторые из них таковы же или весьма похожи на те силы, которые вызвали появление европейского тред-юнионизма, другие являются особенностью Америки. Совокупные действия всех этих сил породили «гомперсизм», — специфически американскую форму довоенного тред-юнионизма, связанную за последнее время с идеей трудовых банков, тред-юнионистского капитализма и т. д.

Автор книги, Зелиг Перельман, — буржуазный профессор и совсем не марксист. Это последнее обстоятельство становится читателю особенно ясным, когда он доходит до последних глав книги. В глазах автора специфически американские черты тред-юнионистского движения являются опровержением марксизма, ибо они выражают «американские принципы». Быть может, было бы излишней тратой времени спорить против этой «американской» концепции. Но если даже мы учтем эти особенности буржуазной точки зрения, в книге все же останется много ценного материала.

Более интересно исследовать те причины, под влиянием которых американские тред-юнионы пошли по иному пути развития, чем их ближайшие родственники, британские тред-юнионы, и благодаря которым американское рабочее движение, несмотря на величайшие достижения промышленной техники, оказалось одной из самых примитивных и отсталых секций мирового рабочего движения.

Несмотря на то, что американские тред-юнионы зародились почти одновременно с британскими, они не достигли ни тех количественных

размеров, ни той солидарности, ни той силы традиций, ни той сознательности, какие характеризуют эти последние. Факт этот объясняется различной социально-экономической обстановкой, а не «облагораживающей силой» декларации Независимости, отделившей Соединенные Штаты от Англии, как полагает г. Перельман.

Англия XIX столетия была главнейшей капиталистической страной, территориально об'единенной, изолированной вследствие своего островного положения и расположенной в непосредственной близости к европейскому континенту. Она играла первую роль в развитии машинной индустрии, господствовала над мировой торговлей и создавала заокеанскую империю, основанную на сильнейшей эксплуатации подчиненных рас (Индия).

Наоборот, Соединенные Штаты за это время тратили все свои силы на заселение и консолидацию своих обширных территорий, простирающихся от Атлантического до Тихого океана и разделенных тысячами миль водной пустыни от остального капиталистического мира.

Из положения этих двух стран вытекали совершенно различные последствия для рабочего класса. В Англии рабочие были прикреплены к определенной местности и введены в определенные социальные рамки; в Америке долгое время рабочий класс непрерывно выбрасывал из городов наиболее энергичные, беспокойные и развитые элементы к пограничным и свободным землям, покидавшие промышленность ради сельского хозяйства и переходившие на положение мелкой и средней буржуазии.

Из этой обстановки вытекало также и другое характерное различие. После чартистской бури британское рабочее движение вступило в долгий период совместного строительства британской империи; высокая степень индустриального развития и небольшие территориальные размеры островного королевства способствовали укреплению рабочего движения, но зато соблазнительные мечты об участии рабочих в колониальных сверхприбылях притупляли в рабочем классе дух борьбы. «Чартистская» фаза американского движения распространилась по огромной территории всей страны и принимала самые различные формы, в зависимости от степени экономического развития того или другого округа: после периода «Рыцарей труда» и вплоть до мировой войны оно характеризовалось духом «воинствующего оппортунизма» или «оппортунистической воинственности», благодаря которому постепенно возникла более или менее прочная система тред-юнионов, колебавшаяся между самым грубым классовым сотрудничеством, с одной стороны, и резкой классовой борьбой, доходившей до гражданской войны, с другой стороны (стачки в Гомстэде, на Пульмановских предприятиях, в Лудлоу и в Западной Виргинии). Эти противоречивые фазы американского тред-юнионизма до мировой войны отражали в себе противоречия неровного и бурного развития американской промышлен-

ности, между тем как в Англии эти противоречия в значительной степени кристаллизовались в одно основное противоречие между метрополией и заокеанскими колониями.

Все эти факторы привели к недостаточному развитию классового сознания и к примитивному интеллектуальному и организационному уровню американских тред-юнионов. Постоянные внутренние перемещения, происходившие внутри рабочего класса, отлив наиболее активных его элементов мешали рабочему классу в целом освоить результаты его богатого опыта. Рабочий класс не мог образовать крепко спаянную группу вождей, тесно соединенных с рабочими и воплощающих в себе и классовые стремления и классовый опыт. Этим американское рабочее движение резко отличается от британского тред-юнионизма, создавшего такую рабочую классовую организацию и таких лидеров, которые до мировой войны в смысле своей прочности и устойчивости занимали первое место в мире (в этом отношении поспорить с ним могла бы только германская социал-демократия).

Иногда возражают, что американские тред-юнионы далеко превзошли британские по части прочности организаций и преемственности руководства; в обоснование этого взгляда ссылаются на тот факт, что Самюэль Гомперс в течение более чем сорока лет руководил американскими тред-юнионами, — факт беспримерный в истории британского тред-юнионизма. Но этот аргумент по существу совсем не является доказательным. Господствующее положение Гомперса является лишь выражением общей слабости американского тред-юнионистского руководства. Гомперс создал иллюзию сильного руководства именно потому, что вожди тред-юнионов в целом были чрезвычайно слабы как с точки зрения своей классовой сознательности, так и с точки зрения интеллектуального развития. Одной из причин его влияния являлось также то обстоятельство, что он упрямо поддерживал устаревший цеховой тред-юнионизм, бывший возможным лишь вследствие слабости классового сознания и недостаточной связи вождей с массами. Влияние Гомперса объясняется не силой американского тред-юнионизма, а, наоборот, внутренней слабостью этого последнего.

Следует заметить, что в первый период своего развития американское рабочее тред-юнионистское движение не боялось скомпрометировать себя связью с международным движением. Из настоящей книги читатель увидит, какое глубокое влияние оказывал на американское рабочее движение Карл Маркс и I Интернационал. В 80-х и 90-х гг. последнего столетия американское рабочее движение, несмотря на географическую изолированность от Европы, внимательно следило за международным движением пролетариата и поддавалось его идеям и влияниям.

Эта ориентация по международному пролетарскому движению совпадала с периодом чрезвычайно быстрой механизации промышлен-

ности, серьезнейших сдвигов в социальной жизни, консолидации национального рынка и национального хозяйства путем подавления восстания Южных Штатов и создания единой транспортной системы (железнодорожные линии, каналы и т. д.). Международная ориентация американского рабочего движения исчезла в более поздний период, когда Соединенные Штаты, укрепившись политически и экономически, выступили в роли мировой державы (война с Испанией в 1898 г.) и в свою очередь начали строить заокеанскую колониальную империю (Филиппинские острова, Гавайские острова и т. д.) и вступили на монополистскую стадию промышленного развития (организация стального треста в 1901 г., организация компании Стандарт-Ойл в 1900 г. и т. д.).

Американская федерация труда образовалась как раз в тот период, когда капитализм консолидировался (1897 — 1905 гг.). Но в эту же эпоху произошло и событие, оказавшее решающее влияние на будущий ход ее развития: стальной трест, представлявший позднейшую и наиболее типичную фазу индустриального развития, разбил тред-юнионы и совершенно изгнал их из своих предприятий. На железных дорогах прочно организованы были только аристократические независимые «братства» (пользовавшиеся влиянием благодаря союзу их с предпринимателями против массы полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих). Из основных отраслей промышленности только в угольной индустрии довоенный «оппортунистически-воинствующий» тред-юнионизм стоял на крепкой почве. Что касается остальных отраслей, то Американская федерация труда состояла главным образом из квалифицированных рабочих (тред-юнионы строительных рабочих, типографчиков и т. д.). За это время тред-юнионистское движение было выражением рабочей аристократии. Следует отметить, что именно в эту эпоху в Великобритании к рабочему движению начали примыкать полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие и выступать в качестве активной силы британского тред-юнионизма.

До этого момента число рабочих в тред-юнионах было настолько мало, что они не играли решающей роли в борьбе и являлись разве только симптомом будущих возможностей. Правда, в эпоху борьбы неквалифицированных масс за гегемонию («Рыцари труда», 1886 г.) рабочая аристократия одержала победу, но все же за нею стояла сравнительно весьма небольшая часть рабочих. Около 1905 г., когда число членов профсоюзов достигло двух миллионов, гегемония квалифицированных рабочих была прочно утверждена.

1905 год отметил приостановку роста цеховых профессиональных объединений, которые вплоть до мировой войны продолжали развиваться медленно. Но в это же время революционные элементы рабочего класса начали организовывать массы неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих, не входивших в цеховые союзы. Первой попыткой в этом направлении была организация «Рыцарей труда»

(1886 год), находившаяся целиком под руководством реформистов; вторая попытка, сделанная Даниэлем де-Леоном и социалистической рабочей партией (1895 год), носила революционный характер и привела к образованию Социалистического союза ремесл и труда, вскоре, впрочем, залюбшего и никогда не проявлявшего какой бы то ни было жизненности. Третья попытка была сделана в 1905 году, — была создана организация Индустриальных Рабочих Мира («I. W. W.»). Надо заметить, что эта организация заслуживает большего внимания, чем ей уделяется в настоящей книге, главным образом потому, что в течение шестнадцати лет она господствовала над умами всех сознательных и революционных рабочих и определяла их деятельность. Она отвлекала от тред-юнионов все те элементы, которые могли противопоставить гомперсовской бюрократии группу рабочих руководителей и придать тред-юнионистскому движению более левое направление. В организационном отношении Индустриальные Рабочие Мира проявили полное банкротство. Эта фаза американского движения очень слабо освещается Перельманом. Единственный автор, уделивший ей значительное внимание, это — Вильям Форстер (см. его брошюру «Банкротство американского рабочего движения»). Впрочем, вопрос этот относится скорее к области революционной тактики, чем к тому направлению, которое приняли в настоящее время американские тред-юнионы.

Начиная с первых годов XIX века и кончая периодом мировой войны, американские тред-юнионы реагировали на сменяющиеся промышленные циклы совершенно одинаково. Тред-юнионы росли и расширялись в периоды промышленного подъема и, наоборот, в периоды промышленных кризисов погибали или прозябали, в то время как рабочие устремлялись к политической или кооперативной деятельности. Так, например, во время длительной депрессии, охватившей страну накануне гражданской войны 1861 — 1865 гг., тред-юнионы были почти начисто уничтожены. Военный подъем 1862 года снова вызвал их рост и процветание. До 1873 г. продолжали образовываться национальные тред-юнионы, при чем развитие это прервалось вследствие кризиса лишь на один год — в 1867—1868 году. После великого финансового краха 1873 года почти все эти организации опять погибли, и рабочее движение приобрело характер главным образом политического движения, выступавшего в союзе с фермерами и требовавшего удешевления валюты (так называемое движение в пользу «зеленых бумажек» ¹⁾). После подъема 1886—1887 года опять началось усиление политической и кооперативной деятельности, хотя на этот раз разрушена была только организация «Рыцарей труда», Американская же федерация труда удержалась.

¹⁾ «Зеленая бумажка» — ассигнация в три доллара. Прим. ред.

жала свои позиции. Так происходило неизменное чередование подъема и упадка тред-юнионов, в зависимости от хозяйственных колебаний, вплоть до 1921 года, на котором заканчивается даваемая книгой история американского тред-юнионизма. Но как раз после 1921 года американский тред-юнионизм резко уклоняется от своего прежнего пути.

От 1922 до 1926 года американская промышленность переживала период величайшего благополучия. Исходя из уроков прошлого, можно было бы ожидать, что это вызовет необычайное расширение тред-юнионистского движения. Однако этого не произошло. Потеряв в 1921—1922 году более миллиона своих членов (число членов тред-юнионов, включая Американскую федерацию труда и независимые тред-юнионы, упало с более чем 5 миллионов до менее чем 4 миллионов), тред-юнионистское движение не смогло восстановить свои силы в последующие годы благополучия и продолжало терять и своих членов и свое влияние, хотя, правда, более медленным темпом. Раз американское рабочее движение не реагирует попрежнему на общую народно-хозяйственную ситуацию, то оно, очевидно, вступило в какой-то новый период. Внутри профсоюзов и вне их действуют новые силы и намечается новая линия развития.

Этот резкий поворот в ходе американского тред-юнионистского движения следует подчеркнуть в связи с настоящей книгой. В своей истории Перельман рисует исторический фон американского рабочего движения, помогает нам понять его формы, его методы работы, его философию и его мышление. Однако все это не объясняет того направления, которое приняло движение после 1921 года. Для этого требовалось бы исследование той новой мировой ситуации, в которой очутились Соединенные Штаты после войны, и тех глубоких внутренних изменений в американской социальной и промышленной жизни, которые были вызваны мировой войной. Позднейшую фазу американского тред-юнионистского движения мы поймем лишь в том случае, если будем представлять ее не как продолжение и развитие прошлых традиций, а как новую историческую фазу, как резкий поворот в истории труда. Поворот этот, конечно, не находится вне зависимости от прошлого, но в то же время его нельзя объяснить одними только данными этого прошлого.

Находящиеся в моем распоряжении время и место позволяют мне только вкратце очертить некоторые из главных особенностей этого нового периода. Мои замечания неизбежно будут носить чрезвычайно схематический характер, поскольку в данном случае их нельзя дать в более разработанном виде.

Прежде всего отмечу изменения американской экономики, происшедшие в результате войны. Изменения эти сводятся главным образом к следующему:

1) Из страны-должника Америка превратилась в страну-кредитора; произошло огромное расширение ее иностранного рынка; во внешней торговле главная роль перешла от сельского хозяйства к промышленности;

2) во внутренней экономической жизни сельское хозяйство подчинилось промышленности; во всех главных отраслях промышленности установилась монополия; концентрация предприятий и увеличение производительности проявились в неслыханных размерах;

3) расширение производства уже не сопровождается увеличением числа рабочих; наоборот, на-ряду с этим расширением происходит сокращение рабочего персонала обрабатывающей промышленности. Возникает обширная и постоянная армия безработных и до чрезвычайности увеличивается число лиц непроизводительных профессий (коммерческие служащие, конторские служащие и т. д.);

4) возможное повышение производительности далеко превосходит емкость внутреннего рынка и наличных внешних рынков. Центры производства в отдельных отраслях промышленности перемещаются (текстильные предприятия переходят из Новой Англии на юг, угольная промышленность — с среднего запада, где имеются сильные тред-юнионы, на юг, где тред-юнионы почти отсутствуют, и т. д.).

Перейдем теперь к тем последствиям, какие оказывают эти перемены на рабочий класс и тред-юнионы. Последствия эти таковы:

1) Быстрый прогресс массового производства, система конвейеров, механизация, чрезвычайно ускоренная войной, — все это приводит к замене квалифицированных рабочих рабочими полуквалифицированными. Реальная заработная плата понижается. Старая аристократия труда отчасти разрушается, и уменьшается пропасть между максимально и минимально вознаграждаемыми секциями рабочего класса.

2) В профессиональные союзы входит гораздо большее количество полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих; одновременно с этим квалифицированные рабочие отчасти теряют свою цеховую монополию.

3) Между руководящей бюрократией союзов и предпринимателями, государством и т. д. устанавливается тесная связь, благодаря чему профсоюзная бюрократия откалывается от входящих в тред-юнионы масс.

4) Отмеченные выше факторы вызывают две противоположных друг другу линии развития: с одной стороны, профсоюзная бюрократия и остающаяся аристократия труда усиливают и систематизируют движение в сторону классового сотрудничества (трудовые банки, страхование, тред-юнионистский капитализм и т. д.), с другой стороны, широкие массы членов тред-юнионов впервые организуют постоянное, действующее по всей Америке революционное левое крыло (тред-юнионистская Лига воспитания и т. д.). Среди предпринимателей, на-ряду с вой-

ной против тред-юнионов, широко распространяется движение в пользу так называемых «дружественных тред-юнионов» («company unions»), участия служащих в прибылях предприятия и т. д.

Сравнивая развитие Соединенных Штатов с развитием Европы, мы находим, что революционное движение рабочего класса в Америке далеко отстает от Европы и потому находится под сильным идеологическим влиянием европейского революционного движения и пока еще лишь в очень небольшой мере содействует успеху этого последнего. И в смысле капиталистического наступления и в смысле реформистской капитуляции Америке принадлежит в мире руководящее место. В Германии, Англии, Франции и т. д., в обоих этих лагерях — и у предпринимателей и у оппортунистических тред-юнионистских вождей — лозунг дня — «американизация».

Сущность нового «американского плана» тред-юнионизма заключается в расширении старой «оппортунистической воинственности», с вычеркиванием этого последнего слова. Старая система заключалась в борьбе за привилегию сотрудничества с предпринимателями, новая система сводится к сотрудничеству с предпринимателями для предотвращения борьбы. Это — старый гомперсизм, вступивший в высшую фазу, — гомперсизм в периоде процветания американского империализма.

Совершенно естественно, что реформисты всего мира устремляют теперь все свои взоры на Америку. Америка — единственная остающаяся страна, где реформистская формула постепенного повышения уровня жизни все еще экономически осуществима в границах капитализма. Мы говорим лишь о ее теоретической осуществимости, ибо практически американским реформистам не удастся провести ее в жизнь. Формула, выработанная «теоретиками» Американской федерации труда, гласит: «приспособление заработной платы к производительности труда».

Для американского реформизма, провозглашающего принцип постепенного улучшения уровня жизни, формула эта является пока вполне «логичной», ибо в Америке капитализм все еще на подъеме и производство продолжает расти. Но что можно сказать в пользу подобной реформистской программы в Европе, где упадочное состояние капитализма превращает реформистскую формулу (связывающую заработную плату с производством) в автоматическое и «постепенное» понижение уровня жизни? Именно здесь и становится до очевидности ясной вся гнилость реформистской программы, которая в силу своей внутренней сущности ведет к неизбежной измене даже самым мелким и самым непосредственным интересам рабочего класса.

В заключение скажем несколько слов о выводах Перельмана. Прежде всего он совершенно не учитывает того факта, что с 1921 года Америка вступила в совершенно новую фазу тред-юнионистской истории. Ряд огромных «беззаконных» стачек 1919—1920 года, подавлен-

ных тред-юнионистскими лидерами в открытом союзе с предпринимателями и правительством, всеобщие стачки в Сиаттле и Виннипеге, носившие революционный характер, возникновение Лиги профпропаганды, последовавший затем расцвет трудовых банков, план Болтимор-Огайо и т. д., — или игнорируются им или обходятся одним-двумя словами. Поэтому история Перельмана отстала от времени. (Позднейшая фаза американского рабочего движения полностью описана в брошюре «Рабочая Америка», опубликованной Профинтерном.)

Во-вторых, следует отметить «экономическую интерпретацию» Перельмана, якобы «опровергающую» теории Маркса. Маркс так часто «опровергался» буржуазными профессорами, что новая попытка нас не должна удивлять. Перельман внушает нам, что линии классовой борьбы определялись не изменением методов производства, а условиями рынка. Но что же, как не паровая машина, машина для очистки хлопка и механический ткацкий станок создали базис для национального рынка и постепенно привели к механизации прочих отраслей промышленности? Правда, г. Перельман в своей экономической интерпретации дает нам несколько интересных и поучительных фактов, но все его описания экономического развития, носящие отрывочный характер, могут быть найдены у Маркса,двигающего их в общую картину капиталистического развития. Глава «Первые шаги «Рыцарей труда» и Американская федерация труда» отнюдь не может быть названа блестящей.

В главе, рассматривающей причины отсутствия в Америке рабочей партии, автор рассматривает многие факторы, имеющие отношение к этому вопросу, но при этом придает слишком большое значение сложности избирательного механизма в Америке. Во всякой стране, где возникали массовые партии рабочего класса, имелись еще большие технические трудности и практиковалось еще более прямое давление на избирателя, чем в Америке. Эти затруднения отнюдь не объясняют того, почему американский рабочий класс не выступил в политике в качестве независимой силы. Основной причиной отсутствия в Америке рабочей партии, равно как неспособности тред-юнионов возвыситься над примитивной цеховой формой, является неровный характер социально-экономического развития, равно как и многочисленные перемены в развитии рабочего движения и т. д. Другой фактор играет второстепенную роль, но становится все более и более важным: это — незрелость революционного авангарда, который часто оказывается неспособным использовать благоприятные условия и двинуть вперед образование рабочей партии. Особенно ясно это обнаружилось в злополучной судьбе Федеративной фермерско-рабочей партии, организованной по инициативе коммунистов в 1923 году, пользовавшейся, по видимому, поддержкой масс и тем не менее до сих пор не смогшей даже созвать второго конгресса.

Отметив все недостатки настоящего труда, мы всё же должны сказать, что перельмановская «История тред-юнионизма в Соединенных Штатах» является наиболее ценной общей книгой по этому вопросу. Именно теперь, когда американские реформистские лидеры тред-юнионизма являются центром притяжения для мирового оппортунизма, настоятельно необходимо лучше знать возможности, тающиеся в американском рабочем классе. В этом отношении тщательное исследование событий прошлого ясно устанавливает, по крайней мере, одно — именно, что в американском рабочем классе имеется огромная энергия, вполне соответствующая высоко развитой экономической системе. Эти возможности еще не приняли вид организованного рабочего движения. Задачей коммунистического движения в Америке и является проявление этих сил на деле.

Е. Браудер.

Москва, ноябрь 1926 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие — Е. Браудера	III
Глава I. Формы рабочего движения до гражданской войны	1
1. Начало движения (до 1827 г.)	—
2. Гражданское равноправие (1827—1832 гг.)	5
3. Период благоденствия (1833—1837 гг.)	12
4. Долгая депрессия (1837—1862 гг.)	19
» II. «Гринбекский» период (1862—1879 гг.)	28
» III. Первые шаги «Рыцарей труда» и Американская федерация труда	46
» IV. Оживление и под'ем (1879—1887 гг.)	53
» V. Победа цехового юнионизма и окончательное банкротство производственной кооперации	70
» VI. Стабилизация (1888—1897 гг.)	87
» VII. Тред-юнионизм и суды	99
» VIII. Частичное признание и новые затруднения (1898—1914 гг.)	108
1. Углекопы	111
2. Железнодорожники	119
3. Машиностроение и металлическая промышленность	123
4. Реакция со стороны предпринимателей	126
5. Законодательство, суды и политика	132
» IX. Революционный юнионизм	139
» X. Военное время	152
» XI. Эволюция последних лет	165

ИСТОРИЯ
ТРЕД-ЮНИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ФОРМЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ДО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

1. Начало движения.

(До 1827 г.)

Обычно историки считают первой стачкой в Америке стачку нью-йоркских пекарей в 1741 г. Но более внимательный анализ раскрывает, что этот взрыв явился протестом пекарей-хозяев против регулирования муниципалитетом цены на хлеб, а не стачкой наемных рабочих против предпринимателей. Первая действительно рабочая стачка в Америке произошла в 1786 г. Это была стачка печатников в Филадельфии, потребовавших установления минимума заработной платы в 6 долларов в неделю. Второй стачкой, о которой мы знаем, была забастовка филладельфийских столяров, требовавших введения десятичасового рабочего дня. Балтиморские моряки провели три успешных стачки в 1795, 1805 и 1807 г.г., добившись каждый раз увеличения своей заработной платы, но они не умели с упорным постоянством отстаивать свои права и выступали лишь спорадически. Еще более эфемерный характер носили некоторые стачки моряков, вылившиеся в форму бунтов, а также и стачка рабочих судостроительной верфи в 1817 г. в Медфорде (штат Массачусетс). Несомненно, что в течение периода, предшествовавшего 1820 году, произошло множество других подобных взрывов, но о них не осталось никаких записей.

Стачка является, несомненно, признаком недовольства. Нельзя, однако, говорить о начале тред-юнионистского движения до того, как это недовольство находит себе выражение в организации, которая продолжает существовать после стачки или в промежутке между стачками. Подобные постоянные организации существовали до двадцатых годов лишь в двух профессиях, а именно в сапожном и печатном деле.

Первой постоянной организацией наемных рабочих была организация филладельфийских сапожников, основанная в 1792 г. Но это обще-

ство просуществовало менее года и не оставило нам даже своего названия. Филадельфийские сапожники снова организовали в 1794 г. союз под названием «Федеральное общество рабочих-сапожников», которое продолжало свое существование до 1806 г. В 1799 г. общество это руководило первой организованной стачкой, продолжавшейся девять или десять недель. До 1799 г. все стачки протекали неорганизованно.

Надо, впрочем, отметить, что вплоть до тридцатых годов девятнадцатого столетия большинство стачек не имели организованного руководства.

Печатники организовали свое первое общество в 1794 г. в Нью-Йорке под названием «Типографское общество», которое продолжало существовать в течение 10 лет и 6 месяцев. Филадельфийские печатники, бастовавшие в 1786 г., не сочли нужным основать организацию, после того как они добились удовлетворения своих требований. В период между 1800 и 1805 г.г. в Филадельфии, Нью-Йорке и Балтиморе имелись постоянные организации сапожников и печатников. В 1809 г. список увеличился питтсбургскими сапожниками и бостонскими печатниками, а несколько позже альбанскими и вашингтонскими печатниками. В 1810 г. печатники организовались в Нью-Орлеане.

Отделение рабочих от хозяев, впервые нашедшее выражение в образовании этих организаций, особенно ярко выступило в позиции, занятой ими в вопросе о том, могут ли хозяева состоять членами союзов. Вопрос этот возник ввиду того, что некоторые рабочие, ставшие хозяевами, хотели оставаться членами организации. Сапожники исключали подобных членов из организации. Печатники отнеслись вначале более либерально к этому вопросу. Но в 1817 г. Нью-Йоркское общество печатников исключило их на том основании, что «интересы рабочих отличны от интересов хозяев, а в некоторых отношениях противоположны им».

Стачка была главным орудием этих первых обществ. Обыкновенно обществом избирался комитет, который должен был представить хозяевам тарифную сетку. Первая законченная тарифная сетка, предложенная хозяевам в Америке, была составлена организованными печатниками Нью-Йорка в 1800 г. Стачки возникали главным образом из-за вопроса о заработной плате и большею частью протекали сравнительно мирно. В одном только случае, в стачке филадельфийских сапожников в 1806 г., применялось насилие и угрозы. Во время этой стачки штрейк-брехеры избивались, а на хозяев стачечники стремились нагнать страх, устраивая демонстрации перед окнами мастерских и разбивая в них стекла. Филадельфийская стачка 1799 г. возникла из-за требования

повышения заработной платы для рабочих, шивших сапоги. Несмотря на то, что рабочие, шившие башмаки, не выставляли своих собственных требований, они были вынуждены бастовать в значительной степени против своей воли. Таким образом мы встречаем здесь первую стачку солидарности. В 1809 г. нью-йоркские сапожники, объявившие стачку в одной мастерской, отдали распоряжение о всеобщей стачке, когда они узнали, что данная фирма выполняла свои работы в других мастерских. Уплата взносов в стачечный фонд имела место уже во время первой установленной стачки, в 1786 г. Метод уплаты был различен в каждом обществе, но устав нью-йоркских сапожников уже в 1805 г. предусмотрел образование постоянного стачечного фонда.

Наступательное движение этих первых профессиональных обществ заставило хозяев объединиться против них. Объединение хозяев в их функции торговцев обычно предшествовало образованию обществ рабочих. Целью этих хозяйских обществ была борьба против губительной конкуренции со стороны «рекламистов» и продавцов на «публичном рынке» по низким ценам. Но по мере того, как вопрос о заработной плате принимал серьезный характер, хозяйские ассоциации стали брать на себя функцию борьбы с рабочими, в большинстве случаев стремясь при этом уничтожить тред-юнионы. Большей частью они стремились собрать достаточное количество неорганизованных рабочих путем объявлений, но часто они обращались в суды, при чем выдвигали против рабочих организаций обвинение в заговоре.

Озлобление хозяйских ассоциаций против рабочих обществ вызывалось, быть может, не столько сопротивлением последних понижению заработной платы, сколько их стремлением навязать свои «правила работы», как, например, ограничение числа учеников, минимум заработной платы и то, что теперь называется «закрытой мастерской». Процессы о заговоре главным образом вращались вокруг вопроса о «закрытой мастерской», и в этих процессах фигурировали исключительно сапожники.

За период с 1806 до 1815 г. имеются сведения всего о шести процессах по обвинению в устройстве «преступных заговоров». Один процесс состоялся в Филадельфии в 1806 г.; один—в Нью-Йорке в 1809 г.; два—в Балтиморе в 1809 г. и два в Питтсбурге,—первый в 1814 г. и второй в 1815 г. Решения суда по четырем из этих процессов были вынесены против рабочих. Один из балтиморских процессов закончился приговором в пользу рабочих. Питтсбургский процесс 1815 г. закончился тем, что сапожники были вынуждены уплатить издержки и вернуться на работу по старым ставкам. Установлено, что хозяева финансировали, по крайней мере отчасти, нью-йоркские и питтсбургские судебные иски.

Хотя и судебные приговоры по обвинению в заговоре могли задержать развитие цеховых союзов, все же гораздо более важные последствия имела промышленная депрессия, начавшаяся после окончания наполеоновских войн. Снятие эмбарго дало возможность иностранным купцам и фабрикантам бросить свои продукты на американский рынок. Недавно зародившиеся в Америке отрасли промышленности не были в состоянии противостоять губительной конкуренции. Обстоятельства ухудшились также и вследствие краха бумажной валюты.

Тред-юнионистское движение в то время прекратилось. Из рабочих обществ продолжали существовать лишь те, которые занялись взаимным страхованием. Некоторые из обществ печатников устроили благотворительные предприятия, и они помогали им теперь в значительной степени поддерживать свою организацию. С другой стороны, союзы сапожников остались до конца регулируемыми профессиональными организациями и находились в очень скверном положении.

Депрессия достигла своего максимума в 1820 г. После этого условия улучшились, вследствие чего организации рабочих некоторых отраслей промышленности снова ожили. Образовались постоянные организации среди шляпочников, портных, ткачей, гвоздочников и токарей. В этих профессиях начался ряд стачек, и впервые мы встречаем организации фабричных работников.

Начиная с 1824 г. и в продолжение 1825 г., когда цены наиболее сильно возросли, в наиболее значительных промышленных центрах произошел ряд стачек. Большинство из них возникло на почве требований о повышении заработной платы. В Филадельфии забастовали 2.900 ткачей из общего числа в 4.500 человек. Но наибольшее внимание привлекла к себе стачка бостонских столяров в 1825 г., требовавших 10-часового рабочего дня.

Бостонские рабочие-столяры выбрали наиболее удачный момент для этой стачки. Они объявили ее весной, когда вследствие недавнего пожара возник большой спрос на столяров. В этот конфликт было вовлечено около 600 рабочих. Требование рабочих о 10-часовом рабочем дне вызвало характерный ответ со стороны «занятых в строительстве джентельменов», заказчиков, хозяев-подрядчиков. Они осуждали рабочих, исходя из тех «моральных» соображений, что агитация за короткий день широко-де «откроет двери лени и порокам»; они намекали на иностранное происхождение агитации; заявляли, что все комбинации, направленные к урегулированию ценности труда путем сокращения рабочего дня, в высшей степени несправедливы и оскорбительны в отношении других классов общества; они заявили о своем решении поддержать хозяев и

совершенно прекратить всякие постройки и обязались не прибегать к услугам рабочего или подрядчика, который признает необходимость 10-часового рабочего дня. Стачка провалилась.

Возродившаяся тред-юнионистская деятельность вызвала новую серию процессов по обвинению в заговоре. В одном случае обвинялись филадельфийские хозяева-сапожники, замышлявшие понизить заработную плату, два процесса были возбуждены против рабочих-портных в Филадельфии и Буффало, а в Нью-Йорке — процесс против рабочих-шляпочников. Хозяева были оправданы, а шляпочники были обвинены в том, что они замышляли лишить не входивших в союз рабочих их средств к существованию. В процессе филадельфийских портных рабочие обвинялись в том, что они действовали путем угроз. Относительно процесса портных в Буффало известно лишь, что он закончился осуждением рабочих.

2. Гражданское равноправие.

(1827—1832 г.г.)

До сих пор мы занимались лишь профессиональными обществами, но не рабочим движением. Рабочее движение предполагает чувство солидарности, выходящее за пределы отдельной профессии и распространяющееся на рабочих других отраслей промышленности. Американское рабочее движение началось в 1827 г., когда рабочие некоторых отраслей промышленности в Филадельфии организовали «Mechanics' Union of Trade Associations», явившийся, насколько известно, первой городской центральной организацией цеховых объединений во всем мире. Этот союз, задавшийся вначале экономическими целями, превратился в течение следующего года в политическую организацию и начал кампанию, которая, пожалуй, была наиболее интересным и наиболее типичным явлением в американском рабочем движении,—борьбу за «гражданское равноправие». Оно началось благодаря сильной промышленной депрессии, разразившейся в то время. Но решительный толчок оно получило благодаря демократическому движению, которым руководил Андрию Джексон и которое возбуждало в бедных слоях городского населения не меньше энтузиазма, чем на земледельческом Западе. Этот взрыв демократического энтузиазма предоставил рабочему возможность испытать недавно приобретенную им свободу. Из промышленных штатов Массачусетс гарантировал рабочим избирательное право в 1820 г. и Нью-Йорк в 1822 г. В Пенсильвании конституция 1790 г. распространяла избирательное право на тех, кто платил какой бы то ни было государственный или окружной налог.

«Джексонизм» рабочих носил свой особый отпечаток. Если фермер или сельский торговец, прошедшие через стадию абстрактных политических стремлений во время джефферсоновского демократического движения, теперь, идя за Джексонсом, стремились к материальным преимуществам, которые могла дать политическая власть, то рабочие, будучи новичками в политике, естественно, сильнее увлекались этим демократическим движением, подчеркивавшим права человека вообще и социальное равенство в частности. Если джексонианец из средних классов общества прежде всего думал, по всей вероятности, об уменьшении долга, лежавшего на его ферме, или о возможности получить какую-либо политическую должность, и лишь потом уже искал обоснования в «Декларации независимости», то рабочий начинал с абстрактного стремления к гражданскому равноправию, как оно изложено в декларации, и лишь потом начинал искать лекарств, посредством которых можно было бы превратить идею в действительность. Таким образом стремление к гражданскому равноправию стало главным пунктом самого раннего периода рабочего политического движения. Вначале проводилась граница между богатыми и бедными, а не между функциональными классами, предпринимателями и рабочими. Последние позаботились о том, чтобы исключить из своих рядов «лиц, не живущих от какого-либо полезного занятия, как банкиров, биржевых маклеров, богатых людей и т. д.». Они не указывали при этом на предпринимателей, ремесленников и независимых «производителей».

Требования рабочих, напечатанные в филадельфийских рабочих газетах, ясно показывают, что это движение было бунтом класса недавно освобожденных пролетариев против условий, которые унижали их в их собственных глазах как полноправных граждан общества. Жалобы рабочих были разнообразны, но все они вращались вокруг обвинения в узурпировании власти «аристократией». Неопровержимое доказательство в пользу этого обвинения было найдено в специальном законодательстве, дававшем привилегии банкам и другим корпорациям. Против банков было выдвинуто обвинение по двум пунктам. Во-первых, нестабилизированные банковские бумажные деньги обманным путем лишали рабочих значительной доли покупательной силы их заработной платы. Во-вторых, банки ограничивали конкуренцию. Последнее обвинение можно понять лишь в том случае, если мы будем иметь в виду, что это был период, когда банковский кредит начал играть существенную роль в развитии промышленности, и что с проникновением торгового капитала в штаты Юга и Запада дела могли вести лишь те, которые пользовались кредитными льготами. Таким образом было неизбежно, что

банковскую систему использовали не мастер или рабочий, а купец, на которого они оба работали. Но непосвященному эта система не могла показаться чем-либо иным, как заговором, в котором участвовали привилегированные монополисты, банки, и непривилегированный монополист — купец, стремившийся сделать невозможной конкуренцию со стороны мастера и рабочего. Жалоба эта производила все более серьезное впечатление, с тех пор как все банки получили привилегии благодаря специальным законодательным актам, что делало законодательные собрания как бы участниками заговора.

Помимо того, что правительство оказывает активную помощь богачам, жаловались рабочие, оно слишком равнодушно относится к страданиям бедняков. В особенности они указывали на заключение в тюрьмы за неуплату долгов. Одно из бостонских филантропических обществ определяло в 1829 г. число ежегодно присуждаемых в Соединенных Штатах к тюремному заключению за долги в 75.000 человек. Многие из них попадали в тюрьму из-за очень ничтожных долгов. В одной из массачусетских тюрем, например, из 37 случаев 20 человек сидело за неуплату долгов, не превышавших 20 долларов. Филадельфийский типографщик и филантроп Матью Карей, отец экономиста Генри К. Карей, приводил случай в Бостоне со слепым человеком, содержавшим семью, который был посажен в тюрьму за неуплату долга в шесть долларов. Одна из рабочих газет сообщила поразительный случай с одной вдовой в Провиденсе, шт. Род-Айленд, муж которой погиб в огне, пытаясь спасти собственность человека, который позже посадил ее в тюрьму за долг в 68 центов. Физические условия в долговых тюрьмах были ужасные, согласно безусловно заслуживающим доверия современным отчетам. И подобное обращение с бедняками мало гармонировало с их недавно завоеванным гражданским достоинством.

Другая причина недовольства возникла в Пенсильвании из-за введения принудительной милиционной системы. Все граждане-мужчины были обязаны служить в милиции, и уклонение от службы наказывалось штрафом и заключением в тюрьму. Уклонявшийся от службы богат платил штраф, но уклонявшийся бедняк, не бывший в состоянии уплатить штраф, получал тюремный приговор.

Другие жалобы рабочих касались неумения правительства защищать права более бедных граждан на «жизнь», свободу и счастье». Отсутствие закона, который обеспечил бы рабочему получение его заработной платы в случае банкротства его предпринимателя, сильно чувствовалось рабочими. Одна рабочая газета в 1829 г. оценивала еже-

годную потерю заработной платы рабочих строительной отрасли не менее как в 300 — 400 тысяч долларов.

Но требования рабочих шли гораздо дальше. Это был век эгалитаризма. Западные пограничные жители требовали уравнивания в правах с богатыми восточными купцами и банкирами, и они нашли идеального выразителя своих идей в лице Андрию Джексона. Один момент казалось, что рабочие под равенством подразумевали равный раздел всего имущества. Такова была программа, временно признанная на первом митинге в Нью-Йорке в апреле 1829 г. «Равный раздел» проповедывался механиком-самоучкой, по имени Томас Скидмор, изложившим свои идеи в книге, носящей достаточно ясное заглавие: «Права человека на собственность; предложение разделить имущество поровну между взрослыми людьми нынешнего поколения и позаботиться о том, чтобы оно передавалось поровну каждому индивиду каждого следующего поколения при достижении им зрелого возраста». Книга эта была издана в 1829 г. Эта программа Скидмора более известна под названием «аграрной», вероятно, по названию одной из книг Томаса Пэна «Аграрная справедливость, противопоставленная аграрному закону и аграрной монополии», изданной в 1727 г. в Лондоне и проповедывавшей осуществление равного раздела посредством налога на наследства. Ее принятие нью-йоркскими рабочими было немногим более, чем стратегическим шагом, ибо их целью было оказание сопротивления каким бы то ни было попыткам предпринимателей удлинить рабочий день до 11 часов путем поднятия вопроса о том, «каким образом все люди получили права на свою собственность». Стратегия эта, как видно, была успешна, ибо предприниматели немедленно бросили свой проект об удлинении рабочего дня. Но несмотря на то, что рабочие вскоре после этого отказались от увлечения «аграрным вопросом», их движение в глазах их противников и всего общества было скомпрометировано.

За исключением краткого периода увлечения «аграрным» вопросом в рабочем движении главное место занимало требование бесплатного, или «республиканского», обучения. Нам, живущим в такое время, когда бесплатное обучение на счет общины считается неотчуждаемым правом каждого ребенка, представляется совершенно непонятной та ярая оппозиция, которую встретило это требование со стороны прессы и «консервативных» классов, когда оно было впервые выдвинуто рабочими. Объясняется это отчасти политической ситуацией, отчасти недружелюбным отношением к интеллигентам, выступившим в защиту рабочих, отчасти же враждебным консерватизмом платящих налоги классов, на которые должно было пасть финансовое бремя. Нет необходимости при-

водить множество доказательств того, что положение в области воспитания было плачевное. Пенсильвания имела несколько низших общественных школ, но родители вынуждены были объявить себя слишком бедными для того, чтобы посылать туда своих детей, еще раньше, чем им дали привилегию посылать их туда. К школам в Пенсильвании относились с такой ненавистью, что практически они были бесполезны, и штат занял первое место по числу детей, не посещавших никакой школы. По исчислениям одной из рабочих газет в 1837 г. в Пенсильвании из 400.000 детей школьного возраста 250.000 не посещали никакой школы. Общество начальных школ Нью-Йорка в одном из своих докладов за 1829 г. указывало, что в одном городе Нью-Йорке было 24.200 детей в возрасте от 5 до 15 лет, не посещавших никакой школы.

Для того, чтобы покончить с таким положением дела, рабочие выдвинули широкую просветительную программу. Рабочие стремились не к одному только литературному воспитанию. Идея производственного воспитания, или подготовки к какой-либо профессии, которая даже и теперь еще молода в нашей стране, была, несомненно, первоначально подана вождям раннего рабочего движения. Они требовали такой системы общественного воспитания, которая «должна была совместить знание практических искусств с изучением полезных наук». Идея производственного воспитания зародилась, очевидно, в группе, руководителями которой были два «интеллигента» — Роберт Дэл Оуэн и Френсис Райх.

Роберт Дэл Оуэн был старшим сыном Роберта Оуэна, знаменитого английского фабриканта-филантропа, отца социалистической системы, известной под названием «оуэнизма». Он родился в Шотландии, воспитывался же в Гофвиле, в Швейцарии, в школе, руководителем которой был Эммануил фон-Филленберг, единомышленник знаменитого Песталоцци. Эта школа представляла собой как бы самоуправляющуюся детскую республику. Оуэн сам говорил, что он обязан своей непреклонной верой в человеческую добродетель и социальный прогресс годам, проведенным им в Гофвиле. В 1825 г. Роберт Дэл оставил Англию, чтобы вместе с отцом проделать коммунистический опыт в «Новой Гармонии», в штате Индиана, и они вместе пережили все те неприятности, к которым привел этот опыт. Здесь он встретил Френсис Райх, первую суфражистку Америки, с которой он вступил в связь, продолжавшуюся много лет. Банкротство «Новой Гармонии» убедило его в том, что его отец не учел значения антисоциальных навыков, приобретенных членами коммуны до того, как они об'единились, и он вывел из этого заключение, что этого можно избежать только путем применения к ребенку методов

рационального воспитания. Эти выводы вместе с воспоминаниями о его опыте в Гофвиле привели его к пропаганде новой системы воспитания, которую стали называть «государственным попечением».

Государственное попечение являлось требованием об учреждении государственных школ-пансионов, где дети должны были бы получать не только одинаковое воспитание, как общее, так и производственное, но и одинаковую пищу и одинаковую одежду на общественный счет. При этой системе, говорили авторы этого проекта, общественные школы станут не «благотворительными школами, но школами нации, которые поддерживает материально весь народ, и вместо того, чтобы было почти позорным воспитываться в них, это будет считаться честью». Указывалось также, как на специальное преимущество, на то, что так как дети будут одеваться в школах на общественный счет, то тот факт, что бедные родители не смогут одевать своих детей «так прилично, как их соседи», не будет препятствовать посещению ими школы.

Государственное попечение стало боевым лозунгом значительной фракции рабочей партии в Нью-Йорке. В других местах выдвигалась более умеренная программа. В Филадельфии рабочие требовали лишь, чтобы гимназии были организованы по гофвильскому образцу, в то время как в менее крупных городах и селах штатов Пенсильвания и Нью-Йорк было выдвинуто требование о создании «литературных» дневных школ. Но главный принцип везде был один и тот же. Кандидат рабочих в конгрессе от первого избирательного округа Филадельфии в 1830 г. ясно высказал эту мысль во время избирательной кампании. Он приглашал поддержать его кандидатуру на том основании, что он — «друг и неутомимый защитник системы общего воспитания, которое поставит граждан нашей обширной республики на равную ногу; системы, которая сделает детей бедняка так же, как и богача, пригодными к роли наших будущих законодателей; системы, которая объединит детей бедных и богатых в одну компанию республиканских братьев».

В Новой Англии кампания рабочих за гражданское равноправие явилась одновременно реакцией против фабричной системы. К лозунгу республиканской системы воспитания был присоединен крестовый поход против работы детей на фабриках. Больше чем кто-либо другой привлек внимание общества к печальным сторонам фабричной системы один адвокат по имени Сет Лютер, который, по его собственным словам, целый ряд лет жил на хлопчатобумажных фабриках и работал на них. Его «Обращение к рабочим Новой Англии по вопросу о воспитании и об условиях жизни производящих классов в Европе и Америке, с особым указанием на влияние фабрик на здоровье и счастье рабочего и на

безопасность республики» получило широкое распространение и оказало, несомненно, влияние на рабочее движение этого периода. Средний рабочий день на лучших фабриках в это время равнялся приблизительно 13 часам. Таким образом дети, начинавшие работать на фабриках в раннем возрасте, были лишены возможности научиться хотя бы грамоте.

Рабочее движение в Новой Англии представляло собой стремление объединить производителей всех родов, включая не только фермеров, но и фабричных рабочих с механиками и городскими рабочими. Во многих частях штата Нью-Йорка рабочие партии включали три класса: «фермеров, механиков и рабочих», но Новая Англия прибавила четвертый класс — фабричных рабочих. Но вскоре оказалось, что движение может рассчитывать лишь на ничтожную помощь со стороны фабричных рабочих, так как большинство из них были женщины и дети.

1828, 1829 и 1830 г.г. были годами политических рабочих движений или рабочих партий. В Филадельфии появилась первая рабочая партия, затем выступили Нью-Йорк и Бостон, и, наконец, широкое движение и политические организации покрыли все три штата. В Нью-Йорке рабочие одержали самую выдающуюся свою победу, когда они собрали 6.000 голосов из общего числа в 21.000. В Филадельфии рабочие партии собрали в 1828 г. 2.400 голосов и получили таким образом в свои руки баланс городского самоуправления. Но неопытность рабочих политиков в соединении с махинациями со стороны лидеров обеих старых партий скоро лишила рабочие партии их преимуществ. В Нью-Йорке Таммани¹⁾ выставила требование закона о праве механиков на наложение запрещения и позже добилась принятия его. В Нью-Йорке положение также осложнилось благодаря французской борьбе между скидморовскими «аграрниками», оуэнистской фракцией государственного попечения и третьей фракцией, которая не признавала этих «панацей». Кроме того, оппозиционные партии и печать ухватились за «агарианизм» и оуэнский атеизм, чтобы заклеить все рабочее движение. Рабочая партия была решительно несчастлива в своем выборе «идеологов».

Было бы, однако, ошибкой сделать заключение, что политические движения, имевшие место в Филадельфии, Нью-Йорке и Новой Англии, были совершенно безрезультатными. Несмотря на неудачи в избрании кандидатов на разные государственные и городские должности, они имели

---

¹⁾ Нью-Йоркская городская организация демократической партии. Прим. переводчика.

успех в том отношении, что ознакомили широкие слои населения со своими требованиями. Гуманитаристы вроде Гораса Манна повели самостоятельную борьбу за свободное общественное воспитание и одержали победу. В Пенсильвании общественные школы с 1836 г. потеряли филантропическую окраску. В городе Нью-Йорке система общественных школ была учреждена в 1832 г. То же самое верно и относительно требования о принятии закона о праве квалифицированных рабочих на наложение запрещения, об уничтожении заключения в тюрьму за долги и о других требованиях.

3. Период благоденствия.

(1833—1837 г.г.)

С крахом рабочих партий недавно приобретенное рабочими чувство солидарности было временно утрачено, оставив только ограниченную солидарность изолированного профессионального общества. В этих пределах начался, однако, значительный прогресс. В 1833 г. в Нью-Йорке было 39 организованных профессий, в Филадельфии 21 и в Балтиморе 17. Некоторые профессии, как, например, печатники и портные в Нью-Йорке и филадельфийские столяры, которые раньше были организованы на филантропическом базисе, теперь реорганизовались в профессиональные общества. Благотворительное Нью-Йоркское типографское общество потеряло свое значение ввиду появления в 1831 г. Нью-Йоркской типографской ассоциации.

Но наибольшее значение в деле организации рабочих имел значительный под'ем цен с 1835 до 1837 г. Этот под'ем цен совпал с периодом благоденствия. Стоимость жизни удвоилась, вопрос о заработной плате стал жгучим вопросом. В то же самое время общее процветание сделало требования о более высокой заработной плате легко достижимыми. В конечном результате тред-юнионистское движение сильно выросло.

В 1836 г. в Филадельфии было 58 тред-юнионов, в Нуарке (Нью-Джерси) — 16, в Нью-Йорке — 52, в Питтсбурге — 13, в Цинцинати — 14 и в Луисвиле — 7. В Буффало ассоциация рабочих строительной отрасли промышленности включала в себе все строительные профессии. Портные Луисвилля, Цинцинати и Сент-Луиса совместно выступили против своих предпринимателей в этих трех городах.

Организационная волна захватила, наконец, и женщин-работниц. В 1830 г. известный филадельфийский филантроп Матью Карей утверждал, что в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии и Балтиморе имелось

около 20.000 женщин, которые при постоянной работе по 16 часов в сутки не могли бы выработать больше 1 долл. 25 цент. в неделю. Это были большею частью белошвейки и портнихи, сигарочницы и переплетчицы. В Нью-Йорке в 1835 г. существовала женская ассоциация, в Балтиморе — Обьединенное общество белошвеек, а в Филадельфии — по всей вероятности, первая федерация женщин-работниц в Соединенных Штатах. Женский союз работниц башмачной отрасли промышленности существовал раньше в Линне (штат Массачусетс), в 1833—1834 г.г.

Там, где движение охватило почти все профессии, вскоре обнаружались общие цели и направления, и это находило себе выражение в городских объединениях или федерациях всех организованных профессий в городе.

Первое такое объединение профессий было осуществлено 14 августа 1833 г. в Нью-Йорке. Балтимора последовала за ним в сентябре, Филадельфия — в ноябре и Бостон — в марте 1834 г. Нью-Йорк после 1820 г. стал столицей страны и также ее крупнейшим промышленным и торговым центром. В последних числах мая 1833 г. забастовали нью-йоркские столяры, потребовавшие увеличения заработной платы, и 15 других профессий обещали им свою поддержку. Из этого движения выросло Нью-Йоркское объединение профессий (New-York Trades' Union). Оно имело свой еженедельный орган «National Trades' Union», выходивший с 1834 по 1836 г., а также еженедельный «The Union», выходивший в 1836 г. Председателем объединения был избран печатник Эли Мур. Несколько месяцев спустя Мур был избран в конгресс в качестве первого представителя рабочих.

Такие объединения профессий (trades'-unions) были организованы затем в Вашингтоне, в Нью-Брунсвике и Нуарке (штат Нью-Джерси); в Альбани, Трое и Скенектеди (штат Нью-Йорк), а также и в Питтсбурге, Цинцинати и Луисвиле.

За исключением Бостона все эти объединения профессий всячески старались провести разграничительную линию между собой и политическими рабочими организациями предыдущих лет. В Филадельфии, где, как мы видели, образование аналогичной организации — «Mechanics' Union of Trade Associations» — в 1827 г. послужило как бы началом политического движения, «Всеобщее объединение профессий» приняло специальные предосторожности и вписало в свой устав пункт, согласно которому в объединении не должно было быть места дискуссии по партийным, политическим или религиозным вопросам. Официальный орган объединения «National Labourer» заявил, что «союз профессий никогда не станет политическим, так как его члены на

опыте узнали, что введение политики в их общество препятствовало их борьбе за улучшение их положения».

Отказ от активной политики не означал, однако, осуждения законодательной деятельности или отказа от хлопот в кулуарах законодательных палат. Наоборот, именно в эти годы была проведена рабочей организацией первая законодательная кампания. Это была кампания Нью-Йоркского союза профессий за уничтожение конкуренции со стороны тюремного труда. Под давлением Нью-Йоркского союза законодательные учреждения штата образовали в 1834 г. специальную комиссию по тюремному труду, при чем одним из трех членов этой комиссии был назначен председатель союза Эли Мур. В этом вопросе о тюремном труде тред-юнионисты столкнулись с «гуманитаристами», стремившимися к реформе тюрем, которые в продуктивной работе заключенных видели необходимое средство для исправления преступников и приучения их к честному труду. «Гуманитаристы» победили. После нескольких месяцев работы комиссия представила доклад, совершенно неудовлетворительный с точки зрения союза. Она одобрила систему труда в целом и лишь рекомендовала некоторые второстепенные изменения. Эли Мур подписал доклад, но открытый рабочий митинг осудил этот доклад.

Возродившаяся солидарность между различными профессиями, воплотившаяся теперь в городских союзах профессий, заметно выразилась прежде всего в движении за установление 10-часового рабочего дня.

Первое согласованное требование 10-часового дня было выставлено рабочими Балтимора в августе 1833 г. и распространилось на 17 профессий. Но стремление квалифицированных рабочих к 10-часовому дню, — быть может, самое важное духовное наследство от прежнего движения за пражданское равноправие, — не могло увенчаться успехом раньше, чем изменились общие условия промышленности. Это изменение, наконец, наступило в 1835 г., в год расцвета промышленности.

Движение началось в Бостоне. Тамошние столяры, как мы видели, потерпели поражение в своем стремлении установить 10-часовой день в 1825 г.; но они сделали еще одну попытку весной 1835 г. В этот же период они не остались одинокими, но к ним присоединились каменщики. Как и раньше, главная атака была направлена против «капиталистов», т.-е. против владельцев зданий и спекулянтов недвижимым имуществом. К предпринимателю и мелкому подрядчику рабочие относились с симпатией. «Мы не будем относиться слишком строго к нашим предпринимателям, — говорилось в циркуляре стачечников, разосланном по всей

стране, — они рабы капиталистов, подобно тому как мы являемся их рабами».

Стачка затянулась. Детали ее неизвестны, но мы знаем, что она пользовалась сочувствием по всей стране. В июне комитет посетил различные города атлантического побережья с целью просить помощи для стачечников. В Филадельфии, куда комитет прибыл вместе с делегатами от Нью-Йорка, Нуарка и Патерсона, союз профессий устроил специальный митинг, на котором была принята резолюция об оказании помощи стачечникам, которые «в подражание благородной и решительной позиции, занятой их революционными отцами, решили свергнуть иго еще более жадных тиранов, чем прежние». Многие общества вотировали различные денежные суммы на помощь стачечникам.

Бостонская стачка была проиграна, но сочувствие, вызванное ею среди рабочих различных городов, было учтено. Всюду, куда попадал бостонский циркуляр, он действовал подобно искре, попавшей в порох. В Филадельфии движение в пользу 10-часового дня приняло характер крестового похода. Не только строительные профессии, но и большинство квалифицированных рабочих были вовлечены в движение. Были устроены уличные демонстрации и массовые митинги. Печать, как дружелюбная, так и враждебная, подробно обсуждала движение. Работа была прекращена, и после кратковременной забастовки рабочие одержали полную победу. Неквалифицированные рабочие также забастовали и выставили требование 10-часового дня, и при их попытках воспрепятствовать другим рабочим занять их места произошли волнения, привлекавшие к себе внимание страны. Движение оказалось настолько сильным, что муниципальный совет объявил о введении 10-часового дня для муниципальных рабочих. Адвокаты, врачи, купцы и политики вступились за дело рабочих. 8 июня хозяева столярной отрасли промышленности гарантировали 10-часовой день, и к 22 июня победа оказалась полной.

Победа, одержанная в Филадельфии, была столь решительной, и она была так рекламирована, что ее влияние распространилось на множество меньших городов. И действительно, система 10-часового дня, которая осталась в Соединенных Штатах господствующей в квалифицированных профессиях до 90-х годов, в значительной степени ведет свое происхождение от этого движения, имевшего место в 30-х годах.

Сильный рост дороговизны в течение 1835—1836 г.г. вызвал широкое движение за увеличение заработной платы. Цены на некоторые продукты увеличились больше, чем вдвое. Большинство этих стачек начинались второпях, без предварительной подготовки. Цены росли, правда,

очень быстро, но рабочие союзы были слишком молоды и неустойчивы. Стачка в одной профессии служила примером и вызывала забастовку в другой. Но в некоторых случаях действовали более обдуманно и осторожно.

Стаечная эпидемия охватила даже девушек, работавших на текстильных фабриках. Первая стачка фабричных девушек, о которой нам известно, произошла в Довере (штат Нью-Гемпшир) в 1828 г. Стачка на фабрике в Патерсоне (штат Нью-Джерси) была, насколько известно, первой, при которой вмешалась милиция для подавления рабочих волнений. Здесь стачечники были большей частью мужчины. Но наибольшее внимание со стороны общества привлекла к себе лоуэльская стачка, развившаяся в феврале 1834 г. в виде протеста против понижения заработной платы на 15 %. Забастовка была кратковременная и закончилась неудачей, несмотря на то, что вначале 800 бастовавших девушек высказывали решимость довести свою борьбу до конца. Общественное мнение Новой Англии было, очевидно, неприятно поражено этим ранним проявлением феминизма. Другая, обратившая на себя внимание, стачка произошла в Патерсоне в июле 1835 г. Этой стачке предшествовала подготовительная организационная работа. Главным требованием был 11-часовой рабочий день. Стачка захватила двадцать фабрик и 2.000 человек. Две недели спустя предприниматели уменьшили число рабочих часов с 13½ до 12 в течение пяти дней и до 9 часов в субботу. Это сломило стачку. Движение в среде фабричных рабочих носило эфемерный характер. Еще более эфемерный характер носило движение в среде рабочих-иммигрантов, большей частью ирландцев, работавших на каналах и дорогах, принимавшее форму бунтов.

Как и в предшествующий период, агрессивность профессиональных обществ породила образование боевых ассоциаций хозяев. Эти ассоциации, подстрекаемые ограничительной практикой юнионов, в особенности требованием закрытой мастерской, обращались за помощью в суд. В 1836 г. ассоциации предпринимателей появились почти в каждой отрасли промышленности, в которой рабочие вели наступательную политику. В Нью-Йорке их было по меньшей мере восемь, а в Филадельфии — семь. В Филадельфии по инициативе хозяев-столяров и сапожников образовалась неофициальная федерация хозяйских ассоциаций целого ряда профессий.

За период с 1829 до 1842 г. нам известны восемь процессов против рабочих организаций по обвинению их в заговоре. Рабочие получили обвинительный приговор в двух случаях; в двух других случаях судьи отложили приговор; в трех случаях обвиняемые были оправданы, и в одном

случае приговор неизвестен. Наконец, в 1842 г., долгое время спустя после того, как привлеченные к суду общества прекратили свое существование под давлением безработицы и депрессии, верховный суд штата Массачусетс вынес решение, в результате которого на сорок лет прекратилось обвинение в заговоре в применении к рабочим профсоюзам.

Единство действия многих профессий, выразившееся вначале в образовании городских союзов профессий, вызвало вскоре проявление еще более широкой солидарности в форме Национального союза профессий. Он был создан в августе 1834 г. в городе Нью-Йорке по приглашению Нью-Йоркского всеобщего союза профессий. Делегаты явились от союзов профессий Нью-Йорка, Филадельфии, Бостона, Бруклина, Паукипси и Нуарка. Эли Мур, бывший тогда кандидатом со стороны рабочих в конгресс, был избран председателем. Попытка со стороны единственного присутствовавшего на с'езде «интеллигента», д-ра Чарльза Дугласа, представителя Бостонского союза профессий, внести политическую ноту была немедленно отклонена. Второй с'езд состоялся в 1835 г. и третий в 1837 г.

Национальный союз профессий сыграл значительную роль в достижении 10-часового дня для государственных рабочих и служащих. Победа принципа 10-часового дня в частных предприятиях, одержанная в 1835 г., повела к его общему признанию штатами и муниципалитетами. Однако федеральное правительство медленно следовало этому примеру, так как федеральные чиновники находились в безопасности от непосредственного политического давления, которое рабочие могли успешно производить на избираемых на местах представителей власти.

В октябре 1835 г. квалифицированные рабочие, занятые на нью-йоркских и бруклинских верфях, обратились к морскому министру с петицией об уменьшении числа рабочих часов до десяти. Морской министр передал петицию комитету морского ведомства с пометкой, что он считает убыточным для правительства удовлетворить эту просьбу. Это заставило Национальный союз профессий обратить внимание на это дело. На своем втором с'езде, в 1835 г., он решил обратиться к конгрессу с петицией о введении 10-часового дня для рабочих на государственных предприятиях. Петиция была представлена членом конгресса от Нью-Йорка Эли Муром. Конгресс, однако, кратко ответил, что это не дело законодательного собрания. Тогда рабочие возложили свои надежды на президента.

Первый шаг был предпринят летом 1836 г., когда рабочие филадельфийской верфи забастовали и выставили требование 10-часового дня и вместе с тем обратились за помощью к президенту Джексону. Они за-

явили, что не хотят больше иметь ничего общего с конгрессом, они поддерживали президента Джексона в его борьбе против банка Соединенных Штатов и теперь ждут от него также поддержки. На митинге «граждан, квалифицированных и неквалифицированных рабочих» была избрана комиссия для ознакомления президента с положением дела. Он оказался более чутким, чем конгресс, и отдал распоряжение о введении 10-часового дня.

Но этот приказ был применен лишь в тех местностях, где произошли стачки. Кроме Филадельфии и Нью-Йорка квалифицированные рабочие добились 10-часового дня в Балтиморе и Аннаполисе, но в Колумбийском округе и других местах они продолжали все еще работать по 12 или 14 часов. Другими словами, 10-часовой день был достигнут лишь там, где существовали профессиональные союзы.

Но организованное рабочее движение не успокоилось на частичном успехе. Кампания, имевшая целью давление на президента, продолжалась. Наконец, хотя и с некоторым запозданием, президент Ван Бурен выпустил 31 марта 1840 г. знаменитый приказ, устанавливающий 10-часовой день на государственных предприятиях без уменьшения заработной платы.

Победа была достигнута уже после того, как Национальный союз профессий прекратил свое существование. В начале 1837 г. началась финансовая паника. Промышленная депрессия в короткое время убила все формы рабочей организации, начиная с профессиональных обществ и кончая Национальным союзом профессий. Рабочие оказались беспомощны лицом к лицу с экономической бурей. В этом затруднительном положении они обратились к политике, как к последнему отчаянному средству.

Политическое недовольство приняло форму враждебного отношения к банкам и вообще корпорациям. Рабочие считали банки ответственными за существовавшую анархию в денежном обращении, от которой они страдали вдвойне — и как потребители и как производители. Более того, они чувствовали, что есть что-то угрожающее в корпорациях с их перманентным существованием и ограниченной ответственностью. И даже когда их внимание было занято тред-юнионизмом, рабочие интересовались вопросом о монополии. Вместе со своими хозяевами они поэтому поддерживали Джексона в его нападках на самое большое «чудовище» из всех — на банк Соединенных Штатов. Однако местные организации демократической партии не всегда оставались верны идее. При этих обстоятельствах рабочие, действуя опять вместе со своими хозяевами, часто оказывали поддержку антимонополистским кандидатам на

съездах демократической партии. Подобное возмущение имело место в Филадельфии в 1835 г. В Нью-Йорке, несмотря на то, что Таммани избрала Эли Мура, председателя Нью-Йоркского союза профессий, в конгресс в 1834 г., произошел подобный же бунт. В результате бунтовщики с триумфом вернулись в состав Таммани в 1837 г. В течение последующих двадцати семи лет Таммани была в большей степени рабочей организацией, чем когда бы то ни было в течение своего существования.

4. Долгая депрессия.

(1837—1862 г.г.)

Двадцать лет, протекавших с 1837 г. до 1862 г., образуют период деловой депрессии и промышленной дезорганизации, лишь на короткое время прерванной в течение 1850—1853 г.г. открытием золота в Калифорнии. Боевые профсоюзы тридцатых годов фактически прекратили свое существование при дезорганизованном состоянии промышленности. Тред-юнионизм или стремление поднять уровень жизни, организованная работа посредством стачек не имели под собой никакой почвы. Когда надежда на немедленное улучшение положения исчезла, то появилось место для теорий радикальных социальных реформ. Впервые в истории Америки рабочим движением стали руководить мужчины и женщины из интеллигентской среды.

Недостатка в социальных теориях, которые увлекали как интеллигентов, так и рабочих, не было. Первое место между ними занимала система Шарля Фурье, французского социалиста. Посредине между тред-юнионизмом и чистой идеалистической реформистской философией находилась производственная и потребительская кооперация. Она имела то преимущество, что являлась практической программой, наиболее подходящей для периода депрессии, и в то же время и в духовном отношении она могла удовлетворить самого требовательного интеллигента. Она явилась результатом двух наиболее могущественных факторов, которые оказывали влияние на движение в сороковых годах — давления недостаточной заработной платы на рабочего и влияния интеллигенции. Ни в какой другой период не было сделано, в сущности, так много усилий в этом направлении.

Несмотря на то, что, как мы ниже увидим, периодом широкого развития производственной кооперации были 80-е годы, идея самоуправления мастерской была всегда популярна в американском рабочем движении. Наиболее ранняя попытка, насколько нам известно, была произведена в Филадельфии в 1791 г., когда забастовавшие столяры в от-

местку своим предпринимателям предложили заключить контракты на 25 % дешевле, чем хозяева. Четырнадцать лет спустя рабочие-сапожники того же самого города, обвиненные судом в заговоре по жалобе хозяев, открыли кооперативную сапожную мастерскую и магазин. Как общее правило, рабочие занимались производственной кооперацией, когда они проигрывали стачки.

В 1836 г. множество профессиональных обществ начали проигрывать свои стачки и обратились к кооперации. Сапожники, изготавливавшие женские ботинки, начали стачку за более высокую заработную плату в марте 1836 г. и открыли три месяца спустя свою собственную мастерскую. Ткачи, работавшие на ручных станках в двух из пригородов Филадельфии, образовали к тому времени производственные ассоциации. В конце 1836 г. ткачи, работавшие на ручных станках в самой Филадельфии, имели две кооперативные мастерские и собирались открыть третью. В Нью-Брунswике (штат Нью-Джерси) рабочие-сапожники открыли мастерскую после безуспешной стачки в начале 1836 г.; точно так же поступили портные Цинцинати, Сент-Луиса и Луисвилля. В Нью-Йорке столеры сделали это уже в 1833 г., а маляры Нью-Йорка и Бруклина открыли свои мастерские в 1837 г.

С течением времени это настроение оказалось настолько заразительным, что союз профессий г. Филадельфии, городская федерация профессиональных обществ, был вынужден обратить на это внимание. В начале 1837 г. конференция, на которой присутствовало около 200 делегатов, просила все профессиональные общества дать смету расходов, требуемых для устройства мастерской, рассчитанной на 10 членов. Но дальнейшие шаги не были предприняты вследствие финансовой паники и деловой депрессии.

В течение 40-х годов произошло еще несколько подобных попыток. Когда литейщикам из Цинцинати не удалось выиграть стачку осенью 1847 г., то некоторые из их числа собрали, сколько могли, денег и организовали нечто вроде акционерной компании, которую они называли «Плавильня союза рабочих-литейщиков». Два местных филантропа выстроили здание для союза. В Питтсбурге группа пудлинговщиков пыталась собрать деньги путем продажи акций кому бы то ни было, кто заинтересовался бы их кооперативным предприятием.

Кооперативные предприятия увеличивались в числе в 1850 и 1851 г.г. вследствие того, что стачки обычно кончались неудачей, и в эти кооперативы особенно охотно вступали немецкие иммигранты. Среди немцев господствовало сильное тяготение к производственной кооперации, покоевшееся больше на общих принципах, чем на практических потреб-

ностях стачки. Недавно приехавши с арен европейских революций, они в большей степени, чем другие, предавались мечтам о переустройстве общества и в большей степени верили в честность и непогрешимость лидеров. Кооперативное движение среди немцев было связано с именем Вильгельма Вейтлинга, известного немецкого коммуниста, поселившегося в Америке в 1850 г. Это движение сконцентрировалось в Нью-Йорке и его окрестностях. В среде говорящего по-английски населения кооперативный принцип нашел распространение лишь вне больших городов. В Буффало после неудачной стачки портные образовали ассоциацию с числом членов в 108 человек, и в октябре 1850 г. они были в состоянии дать работу восьмидесяти из этого числа.

Еще один пример: после неудачной питтсбургской стачки литейщиков в 1869 г. около дюжины стачечников основали в Уллинге (штат Виргиния) кооперативную плавильню, при чем каждый из них вложил в дело 3.000 долларов. Две другие плавильни были открыты на подобных же основаниях в Стеронсвиле (Огайо) и в Мароне (Пенсильвания). Эти ассоциации плавильщиков можно было бы, однако, скорее назвать ассоциациями мелких капиталистов или хозяев-ремесленников.

В течение 40-х годов потребительская, или распределительная, кооперация также подверглась испытанию на практике. Первоначальная история потребительской кооперации известна лишь в отрывочной форме, и, насколько нам известно, первая попытка устроить кооператив, единственной функцией которого была бы закупка, была сделана в Филадельфии в начале 1829 г. Был открыт магазин, продававший товары по оптовым ценам членам кооператива, которые за эту привилегию платили по 20 центов в месяц.

В 1831 г. вопрос о распределительной кооперации долго обсуждался в Бостоне в «Ассоциации фермеров, мастеровых и других трудящихся Новой Англии». В журнале «Кооператор», издававшемся в Утике в 1832 г., упоминается о полдюжине таких попыток, но лишь в случае с рабочими обувных фабрик в Линне мы видим предприятие, которое, несомненно, можно рассматривать как стремление устроить распределительный кооператив. Некоторые признаки тяготения в сторону кооперации замечаются в период между 1833 и 1845 г.г., но все, что известно относительно них, это, что инициаторы движения стремились достигнуть экономии путем закупки товаров в больших количествах, которые затем делились на небольшие доли и распределялись между покупателями с небольшой прибавкой над первоначальной стоимостью для покрытия издержек. Заведующие не получали жалованья, интерес

членов к делу не приобрел постоянного характера, и магазины вскоре закрылись или перешли в руки частных владельцев.

Движение в сторону распределительной кооперации получило нужный ему толчок благодаря депрессии 1846—1849 г.г. Несмотря на то, что вопрос обсуждался в Нью-Йорке, Пенсильвании, Мериленде и даже в Огайо и Иллинойсе, он ни в одном из промышленных центров этих штатов за исключением, пожалуй, Нью-Йорка не был успешно применен на практике.

Между тем в Новой Англии обстоятельства удивительно благоприятствовали этому. Стачечное движение, имевшее целью повышение заработной платы, в течение частичного промышленного оживления 1843—1844 г.г., совершенно обанкротилось. Это банкротство в добавление к тому факту, что женщины и девушки работали в самых неблагоприятных условиях, усилило интерес гуманитаристов к рабочему люду и в особенности к кооперации, как к возможному средству для облегчения его бедствий.

Под влиянием этой агитации в 1845 г. был основан «Ново-Английский покровительственный союз». До 1849 г. он, впрочем, носил название «Рабочий покровительственный союз». Как это часто случается, благосостояние породило несогласие, и в 1853 г. в организации произошел раскол, явившийся следствием личных дразг. Выступившие из организации члены образовали отдельную организацию, названную «Американский покровительственный союз».

Рабочий покровительственный союз воплощал более широкое понимание кооперативной идеи, чем общепринятая прежняя кооперация. Самой важной мыслью была та, что экономия в несколько долларов в год на закупке товаров — слишком жалкий путь для устранения бедственного положения рабочих, и что он имеет значение лишь как средство подготовить что-либо лучшее.

Несмотря на то, что ресурсы этих рабочих были малы, они начали работу с большими надеждами. Это дело, начавшись с очень малыми претензиями, стало принимать все большие размеры, и в октябре 1852 г. союз насчитывал 403 отдела, из которых 167 имели капитал в 241.712 долл., и 165 из них показали сумму ежегодной продажи в 1.696.825 долл. Несмотря на то, что вышеупомянутый раскол 1853 г. ослабил это предприятие, дело продолжало очень успешно развиваться.

Невозможно сказать, каков был бы результат этого кооперативного движения, если бы мирное развитие страны продолжалось без перерыва. Вспыхнувшая гражданская война уничтожила все почти рабочее кооперативное движение. Нетрудно определить причины, приведшие к гибели

этого бывшего все еще в нежном возрасте растения. Мужчины оставили свои домашние очаги и отправились на войну; иностранцы массами стали прибывать в Новую Англию и замещали американцев на фабриках; акционеры часто с ужасом смотрели на положение дела и с радостью приветствовали переход всего кооперативного предприятия в руки лавочника.

Это первое широкое американское кооперативное движение во многих отношениях напоминало английское движение — открытое членство, равное голосование членов, независимо от числа акций, которыми они владеют, продажа за наличные и федерация обществ для оптовых закупок, — но оно отличалось тем, что товары продавались членам почти по своей цене, а не по рыночной. Д-р Джеймс Форд в своей книге «Cooperation in New England, Urban and Rural» («Кооперация в Новой Англии, городская и деревенская») описывает два кооператива того времени, существующие и поныне: Центральную союзную ассоциацию Нью-Бедфорда (Массачусетс), основанную в 1848 г., и кооперативную ассоциацию Нью-Бедфорда, начавшую свои операции в 1849 г.

Но наиболее характерным явлением в рабочем движении 40-х годов является возрождение старого аграрного движения 20-х годов.

Скидморовский «равный раздел» всякой собственности производил впечатление на рабочих Нью-Йорка, потому что он, казалось, базировался на справедливых и выгодных для рабочих принципах. Один из временных помощников Скидмора — Джордж Генри Эванс — стал проповедывать новый вид «агарианизма». Новое учение следовало по стопам родоначальников «агарианизма» — братьев Гракхов, выступавших в древнем Риме. Подобно Гракхам Эванс основывал свой план на «общественной» земле, на обширной американской публичной территории. Эванс начал свою агитацию приблизительно с 1844 г.

Право человека на жизнь согласно Эвансу логично включало в себе его право на пользование природными ресурсами, необходимыми для существования. Из практических соображений он не касался природных богатств, уже ставших частной собственностью. Эванс предлагал вместо этого, чтобы конгресс предоставил каждому, кто захочет стать поселенцем, землю для жилья без обложения.

В 1853 г. во время дебатов в конгрессе выяснилось, что в течение предшествовавших 60 лет было продано лишь 100.000.000 акров принадлежавшей государству земли, и что 1.400.000.000 акров все еще оставалось в распоряжении правительства. Вычисляли, что для того, чтобы продать этот остаток при том же темпе продажи, потребуется от 400 до 900 лет. Неудивительно, что Эванс при преобладании таких преувели-

ченных взглядов считал, что право индивида на такое количество, какого требует его право на жизнь, должно было бы остаться его пожизненным правом.

Нетрудно было нарисовать картину этих свободных усадеб. Безземельные рабочие могли бы получить средства для переезда и экипировку, ибо деньги, которые тратятся на помощь бедным, могли бы быть с большей пользой затрачены на то, чтобы посадить бедных на землю. Частные общества и тред-юнионы смогут помочь, когда рабочих станет слишком много, путем отправки излишка рабочих в эти ожидающие их усадьбы и города, которые вырастут за это время. Рабочие Востока будут таким образом иметь возможность выбора — продолжать ли работать, получая заработную плату, или взять свою часть вакантных земель. Более того, ремесленники смогут стать независимыми производителями в своих новых поселениях. Наконец, на Запад уйдет во всяком случае достаточное количество рабочих, что заставит предпринимателей предложить оставшимся лучшую заработную плату и более короткий рабочий день. Те, у которых бы не оказалось средств на расходы по переселению, стали бы получать у себя на родине более высокую заработную плату. Таким образом и переселенец и остающийся дома получили бы возможность сесть на землю.

Но Эванс хотел пойти еще дальше и обеспечить равенство шансов. Он хотел обезопасить право индивида на природные ресурсы от кредиторов посредством проведения закона, воспреещающего наложение ареста за долги на усадьбы, и даже обезопасить эти усадьбы от самих их владельцев путем превращения их в неотчуждаемую собственность. Более того, чтобы обеспечить это право за американским народом навсегда, он хотел воспретить на будущее время продажу общественной земли большими участками богатым покупателям, как это до тех пор практиковалось правительством. Такова программа нового «аграрианизма»: свободные усадьбы, изъятие усадеб от наложения ареста и ограничение земельной собственности.

Эванс имел план политического действия, бывший столь же оригинальным, как его экономическая программа. Его предыдущий политический опыт с нью-йоркской рабочей партией говорил ему, что партия меньшинства не может надеяться одержать победу при помощи собственных голосов, и что политики заботятся больше о должностях, чем о практическом осуществлении программы. Они проведут всякое мероприятие, которое будет поддерживаться избирателями, от которых зависит, в чьих руках будет находиться власть. Поэтому его план действия состоял в том, чтобы просить всех кандидатов обещать свою

поддержку его программе. В обмен на это обязательство кандидаты должны были получить голоса рабочих. В случае же, если бы ни один кандидат не подписал этого обязательства, то могло оказаться необходимым выставить независимого кандидата в качестве предупреждения для будущих кандидатов, но не в качестве указания на образование новой партийной организации.

Идеи Эванса быстро завоевали сочувствие нескольких выходивших тогда рабочих газет. «New-York Tribune», газета Гораса Грили, встала на защиту «усадебного» движения, уже начиная с 1845 г. Следующие пять лет были свидетелями сильного распространения идей «усадебного» движения в прессе Соединенных Штатов. Подсчитано, что в 1845 г. в Соединенных Штатах выходило около 2.000 газет, и что в 1850 г. 600 из них поддерживали аграрную реформу.

Когда оказалось, что петиции и докладные записки оказывают слабое влияние, сторонники аграрной реформы испытали план Эванса о продаже голосов за поддержку их принципов. Таммани сейчас же клюнула на эту удочку. В мае 1851 г. в Таммани-голл состоялся массовый митинг «всех тех, кто высказывался за аграрную и другие политические реформы и хотел использовать для их проведения президентские выборы 1852 г.». Была принята программная платформа, провозглашавшая права человека на землю и требовавшая, чтобы свобода общественных земель была признана демократической партией. Сенатор Айзек А. Уокер из Висконсина был выставлен кандидатом этой партии на пост президента.

В течение некоторого времени профессиональный политикан торжествовал над слишком доверчивым рабочим-реформистом. Но идея эта нашла сильных приверженцев в других классах американского общества. От белых бедняков Юга поступило подобное же требование, сформулированное теннессиjsким портным Андрью Джонсоном, позже ставшим президентом Соединенных Штатов, внесшим свой первый усадебный законопроект в 1845 г. От западных пионеров и поселенцев поступило требование об увеличении населения и разработке природных ресурсов, что приводило к отдаче усадеб поселенцам и предоставлению земли для постройки железных дорог. Оппозиция возникла со стороны предпринимателей и землевладельцев Востока и рабовладельцев Юга. Запад и Восток в конце концов сговорились, и восторжествовала политика Запада, но не раньше, чем Юг выступил из союза.

Реформа не была принята целиком. Восторжествовал дух Запада. В 1862 г. был принят закон об усадьбах, согласно которому каждому поселенцу предоставлялось бесплатно в качестве подарка 160 акрѳв

земли. Но тот же самый конгресс начал политику широкой раздачи земли железным дорогам. Законодательство об усадьбах предупредило, несомненно, рождение больших поместий, вроде тех, которые создались в результате другой политики в австралийских колониях, но оно не приняло широких принципов неотчуждаемости и ограничения земельной собственности, которые выдвигались инициаторами аграрной реформы.

Однако их принцип о неналожении ареста на усадьбы теперь признан почти везде. Таким образом агитация, начатая Эвансом и группой рабочих и фермеров в 1844 г., одержала победу, хотя и неполную. Это — полезный урок в области политики для рабочих.

Из всех «измов», столь сильно дававших о себе знать в течение 40-х годов, «аграрианизм» один близко подошел к современному социализму, так как лишь он один проповедывал классовую борьбу и переносил ее в политическую область, хотя вследствие особенностей американской партийной структуры он стремился скорее к тактике, состоявшей в том, чтобы «вознаграждать своих друзей и наказывать своих врагов», чем к образованию собственной рабочей партии. Следует отметить, что из всех течений 40-х годов, стремившихся к социальным реформам, один «аграрианизм» не был создан по инициативе интеллигентов. С другой стороны, другое движение в пользу законодательной реформы, а именно движение в пользу установления более короткого рабочего дня для женщин и детей, работающих на фабриках и в мастерских, руководилось всецело гуманистами.

Лишь спустя год или два депрессия как будто стала заменяться оживлением промышленности. Это было в 1850—51 г.г., а затем в 1853—54 г.г. вслед за открытием золота в Калифорнии. В течение этого недолгого времени появилось множество тред-юнионов, которые, впрочем, вскоре перестали существовать. Но и за это короткое время тред-юнионизм успел отграничить себя от гуманизма и кооперативизма и принял совершенно современную форму цехового юнионизма. Промышленная депрессия, предшествовавшая панике 1857 г. и последовавшая за ней, опять покончила с возродившимся было тред-юнионистским движением. В целом период сороковых и пятидесятых годов был в истории Америки наилучшим временем для теорий социальной реформы, всякого рода «панацей» и «гуманизма».

Тред-юнионистская волна 50-х годов была столь кратковременна, и тред-юнионисты были настолько заняты насущной потребностью в увеличении своей заработной платы и в приведении ее в соответствие со скачущими ценами, явившимися результатом притока калифорнийского

золота, что мы не замечаем тенденции, которая была так сильна в тридцатых годах, в сторону создания более широкого базиса для рабочей организации в виде городских советов профессий и, наконец, в виде Национального совета профессий. Но, с другой стороны, 50-е годы создали новую форму развития рабочей организации — объединение в национальную организацию всех местных союзов определенной профессии. Печатники организовались в национальном масштабе в 1850 г., паровозные машинисты и шляпочники — в 1854 г.; литейщики, механики и кузнецы объединились в 1859 г. Кроме того было не менее полудюжины менее удачных попыток в других профессиях.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«ГРИНБЕКСКИЙ» ПЕРИОД.

(1862—1879 г.г.)

Немногие национальные тред-юнионы, образовавшиеся к концу 50-х годов, сами по себе еще не создали рабочего движения. Понадобилось промышленное благосостояние, вызванное ростом цен во время гражданской войны, для того, чтобы вызвать вновь к жизни массовое рабочее движение.

Мы лишь вкратце остановимся на позиции рабочих в отношении вопроса о войне и мире до того, как началась гражданская война. Подобно многим другим гражданам Севера и пограничных штатов небольшая кучка организованных рабочих высказывалась в пользу компромисса. Они устроили рабочий съезд в Филадельфии, на котором выдающийся рабочий вождь 60-х годов Вильям Г. Сильвис, председатель Интернационального союза литейщиков, высказался в пользу компромиссного решения, выдвинутого членом конгресса Криттенденом из Кентуки. Но вскоре рабочие стали на сторону федерального союза. Некоторые локальные союзы полностью вступили в армию в ответ на призыв президента Линкольна, и сам Сильвис оказывал помощь в вербовке роты, составленной из литейщиков.

Первым результатом войны были паралич в делах и рост безработицы. Почти все существовавшие в то время рабочие организации пошли на войну. Однако период промышленной депрессии продолжался лишь до середины 1862 г.

Законодательными актами 1862 и 1863 г.г. разрешен был выпуск бумажной валюты—«greenbacks» на сумму в 1.050.000.000 долларов, и цены начали немедленно расти. В течение ближайших 16 лет, а именно до 1879 г., когда правительство начало выкуп этих ассигнаций в золоте, цены на товары, рабочую силу, выражавшиеся в форме бумажных денег, показывали разные степени инфляции; отсюда термин «greenbacks ре-

riod». В течение гражданской войны рост цен был отчасти результатом экстраординарных заказов правительства для снабжения армии, отчасти же результатом спекуляции.

В июле 1863 года розничные цены были на 43% выше цен 1860 г., а ставки заработной платы возросли лишь на 12%; в июле 1864 г. розничные цены возросли на 70%, а ставки заработной платы на 30% в сравнении с 1860 г.; в июне 1865 г. цены возросли в сравнении с 1860 г. на 76%, а ставки на 50%. Более быстрый рост цен на товары, чем на рабочую силу, заставил рабочих организовываться в тред-юнионы.

Порядок, который мы наблюдали в 30-х годах, опять повторился здесь. Сначала появилась масса локальных тред-юнионов; последние вскоре стали об'единяться в городские центральные организации, или, как их называли, в «собрания профессий», соответствующие союзам профессий 30-х годов; и наконец, была произведена попытка об'единить все «собрания профессий» в интернациональное промышленное собрание Северной Америки. Локальные тред-юнионы были организованы буквально во всех профессиях, начиная со второй половины 1862 г. Первое собрание профессий было образовано в Рочестере (шт. Нью-Йорк) в марте 1863 г., и вскоре в каждом мало-мальски значительном городе имелось собрание профессий. Интернациональное промышленное собрание пытались организовать в 1864 г., но это не удалось, ибо прошло уже время для национальной федерации городских центральных организаций. Как в тридцатых годах, распространение юнионизма по всей стране вызвало широко распространившееся движение предпринимательских ассоциаций. Последние, однако, отличались от своих предшественников 30-х годов тем, что они мало пользовались судами в своей борьбе против союзов.

Рост национальных тред-юнионов был верным показателем состояния промышленности. Четыре национальных тред-юниона были организованы в 1863 г.; ни один—в 1862 г. и один в 1861 г. В течение 1865 года, года наиболее высокой промышленной деятельности, было организовано еще 6 национальных юнионов. В 1866 г. промышленность вступила в период депрессии, достигшей самой низкой точки в 1867 г. и продолжавшейся до 1869 г. Соответственно этому ни одно национальное об'единение не было организовано в 1866 г. и лишь одно в 1867 г. В 1868 г. были организованы два новых национальных рабочих об'единения. В 1869 г. были организованы еще два об'единения—в общем семь за четыре года депрессии по сравнению с десятью в течение предшествовавших двух благополучных лет. Летом 1870 г. дела пошли хорошо и оставались в хорошем положении приблизительно в течение трех лет. В течение этих

трех лет образовались девять новых национальных юнионов. Эти же самые годы отмечены также ростом предварительно организованных юнионов. Так, например, машинисты и кузнецы, насчитывавшие в 1870 г. лишь 1.500 членов, имели 18.000 членов в 1873 г. Другие юнионы возросли приблизительно в такой же пропорции.

Ввиду полного отсутствия надежных статистических данных представляется невозможным установить число всех членов тред-юнионов в то время. Нью-йоркский «Herald» дает в августе 1869 г. цифру — 170.000. Один из рабочих лидеров претендует в то же самое время на 600.000. 300.000, по всей вероятности, является для периода, непосредственно предшествующего панике 1873 г., наиболее правдоподобной цифрой.

Несмотря на то, что мощь труда в действительности выражалась в мощи национальных цеховых союзов, в особенности в течение депрессии конца 60-х годов, все же как вне рабочего движения, так и внутри его гораздо большее внимание уделялось Национальному рабочему союзу, слабо объединенной федерации национальных цеховых союзов, городских собраний профессий, локальных цеховых союзов и всякого рода реформистских организаций, начиная с философских анархистов и кончая социалистами и женщинами-суффражистками. Национальный рабочий союз не отличался своей практической деятельностью, но он был точным зеркалом, в котором отражались стремления и идеалы американских квалифицированных рабочих периода гражданской войны и последующего. В течение шестилетнего существования союза все важные события, волновавшие рабочее движение страны, были связаны с Национальным рабочим союзом.

Первый съезд Национального рабочего союза состоялся в 1866 г. Наиболее гнетущей злободневной проблемой была безработица, возникшая вследствие возвращения с фронта демобилизованных солдат и прекращения производства во всех отраслях военной промышленности. Съезд концентрировал свое внимание на требовании об уменьшении рабочего дня до восьми часов. Но восемь часов работы в то время означало больше, чем средство уменьшения безработицы. Движение в пользу восьмичасового рабочего дня вдохновлялось экономической теорией, которую проповедывал бостонский механик Стюард. И эта теория столь естественно вытекала из обычных логических предпосылок в мышлении американского рабочего, что, после того как она была сформулирована Стюардом, она стала как бы официальной теорией рабочего движения.

Доктрина Стюарда хорошо выражена в изречении, бывшем весьма популярным среди ораторов, выступавших тогда в защиту восьмичасо-

вого дня: «Работаете ли вы поштучно или поденно, вы, уменьшая число рабочих часов, увеличиваете заработную плату». Стюард полагал, что размер заработной платы определяется не каким-либо другим фактором, как уровнем жизни рабочего. Он считал, что заработная плата не может упасть ниже уровня жизни, не потому, что, как говорит классическая политическая экономия, это привело бы к поздним бракам и к уменьшению снабжения рабочей силой, но лишь потому, что рабочие откажутся работать за плату, меньшую, чем та сумма, которая необходима для поддержания их уровня жизни. Стюард так сильно верил в это чисто психологическое давление на предпринимателя, что он сделал его краеугольным камнем своей теории социального прогресса. Поднимите жизненный уровень рабочих, и предприниматели будут вынуждены немедленно увеличить заработную плату; заработная плата не может пасть ниже жизненного уровня рабочих точно так же, как Новой Англией нельзя управлять против ее воли. Рычагом для поднятия жизненного уровня был восьмичасовой день. Увеличьте свободное время рабочего, и вы немедленно увеличите его потребности; увеличьте его потребности, и вы немедленно увеличите его заработную плату. Хотя он иногда пытался смягчить свою доктрину посредством того аргумента, что более короткий рабочий день не только не уменьшает, но увеличивает выработку, его теория все же носила определенно революционный характер. Он стремился к полному уничтожению прибыли путем ее поглощения заработной платой. Но тактика его не была слишком радикальной, она сводилась к прогрессивному универсальному сокращению рабочего дня.

Такова была его программа. Для того, чтобы провести ее в жизнь, можно было прибегнуть к одному из двух методов: к тред-юнионизму или законодательству. Стюард избрал последний метод, как более надежный и скорый. Стюард знал, что попытки обращения к гуманности предпринимателей потерпели неудачу, что стремления провести реформу путем кооперации провалились, что более ранние тред-юнионы обанкротились, и ему казалось, что не осталось другого пути, как попытаться добиться сокращения рабочего дня посредством законодательного действия.

В 1866 г. Стюард организовал «Великую восьмичасовую лигу» штата Массачусетса как специальную организацию для пропаганды идеи восьмичасового рабочего дня. Лига эта была тайной организацией с паролями и обязанностями, и предполагалось, что она явится центральной организацией штата, к которой будет примыкать целая цепь подчиненных ей лиг, которые еще нужно было организовать. Из общего

числа приблизительно в 80 локальных лиг, существовавших с 1865 до 1877 г., около 20 были в Массачусетсе, 8 в разных местах Новой Англии, не менее 25 в Мичигане, 4 или 5 в Пенсильвании, около 7 в Иллинойсе, столько же в Висконсине и по нескольку в Миссури, Айове, Индиане и Калифорнии. В штатах Мичигане, Иллинойсе, Айове и Пенсильвании имелись «великие восьмичасовые лиги», объединявшие локальные лиги всего штата. Но все эти организации фактически прекратили свое существование после паники 1873 г.

Национальный рабочий союз сосредоточил свои усилия на проведении закона о восьмичасовом дне для рабочих и служащих федерального правительства. Полагали, быть может не без основания, что влияние такого закона приведет к введению такого же положения и на частных предприятиях благодаря заразительному влиянию реформы на рабочих и даже на предпринимателей. Вспомним, что в период агитации за десятичасовой день, в тридцатых годах, федеральное правительство опоздало на пять лет в сравнении с частными предпринимателями в уступке по этому вопросу. То обстоятельство, что в шестидесятых годах рабочие начали с государственных рабочих и служащих, указывает на известную степень сознания своего политического значения, которой недоставало у предыдущего поколения рабочих.

Первый законопроект был внесен в конгресс сенатором Грацом Брауном из Миссури в марте 1866 г. Летом президент Андрию Джонсон принял делегацию от Национального рабочего союза. Президент указал на свою прошлую деятельность в пользу рабочих, но уклонился от определенных обещаний. Наконец, законопроект о восьмичасовом дне для государственных рабочих был принят палатой представителей в марте 1867 г. и сенатом в июне 1868 г. 29 июня 1868 г. президент Джонсон подписал его, и закон немедленно вошел в силу.

Результат восьмичасового дня не во всех отношениях был таков, как ожидали его друзья. Разные чиновники, заведывавшие государственными предприятиями, истолковывали закон по-своему, и поэтому он совершенно различно применялся на практике, что, конечно, вызывало большое недовольство. Не были также ясны намерения конгресса при принятии этого закона. Некоторые полагали, что уменьшение рабочих часов должно неизбежно вызвать соответствующее уменьшение заработной платы. Взгляд чиновников на создавшееся положение был высказан государственным секретарем Гидеоном Уэллсом. Он указал, что конгресс, сокративши рабочий день на государственных предприятиях, заставил морское министерство нанимать большее количество рабочих для выполнения необходимой работы, и что в то же время

конгресс уменьшил ассигновку для этого министерства. Это сделало неизбежным уменьшение на 20% заработной платы рабочих адмиралтейства. Такое неопределенное положение продолжалось еще четыре года. Наконец, 13 мая 1872 г. президент Грант воспретил декретом какое бы то ни было уменьшение заработной платы в связи с проведением в жизнь закона о восьмичасовом дне.

Надежды рабочих, что федеральный закон проложит путь для восьмичасового дня на частных предприятиях, не осуществлялись. Депрессия семидесятых годов уничтожила все стремления в этом направлении, которые могли быть порождены законом. Даже поскольку дело касалось работы для государства, потребовалось сорок лет для того, чтобы закон о восьмичасовом дне был распространен и на работу, которую частные предприниматели выполняли по договорам для государства.

Следующей задачей рабочих в шестидесятых годах было добиться проведения законов о восьмичасовом дне во всех штатах. Вначале казалось, что эта цель легко достижима — настолько уступчивы были политические партии и законодательные палаты штатов в отношении требований организованных рабочих, но вскоре оказалось, что эти успехи совершенно иллюзорны.

1867 г. изобилует подобного рода законодательными актами в целом ряде штатов. Законы о восьмичасовом дне были проведены в Иллинойсе, Висконсине, Коннектикуте, Миссури и Нью-Йорке. В Калифорнии такой закон был проведен в 1868 г. В Пенсильвании, Мичигане, Миннесоте и Мериленде были внесены законопроекты о восьмичасовом дне, но они потерпели поражение. Два общих признака характерны для этих законов, независимо от того, были ли последние приняты или были лишь предложены законодательному собранию. Ни один из них не запрещал более длинного рабочего дня, если только он был предусмотрен в контракте. Контракт, требовавший десятичасового рабочего дня или еще более длинного, был вполне законен. Восьмичасовой день был законным днем лишь в том случае, «если контракт умалчивал об этом предмете, или если не существовало определенного договора о противоположном», как указано в законе штата Висконсин. Но самой большой слабостью всех этих законов было отсутствие возможности заставить их применять. Нью-йоркский опыт в этом отношении типичен и характерен. Когда рабочие обратились к губернатору Фентону с просьбой заставить предпринимателей применять закон, он ответил, что на этом акте имеется его официальная подпись и что он считает, что с его стороны совершенно было бы непозволительным предпринять какой-либо

шаг, требующий проведения его в жизнь. «Каждый закон — сказал он — обязателен уже по самой своей природе, и он не может приобрести большей силы от какого-либо нового акта по поводу него».

В Массачузетсе, однако, рабочим удалось после долгой и трудной работы добиться принятия закона о десятичасовом дне для женщин, применение на практике которого гарантировалось правительством штата. Это был первый подобного рода закон, проведенный в американском штате. Этот закон, проведенный в 1874 году, предусматривает, что «ни один несовершеннолетний моложе 18 лет и ни одна женщина старше этого возраста» не должны работать более 10 часов в течение дня или 60 часов в течение недели ни в одном из промышленных предприятий на территории штата. Штраф за нарушение закона был установлен в 50 долларов.

Повторные разочарования в политическом действии и законодательстве привели в начале семидесятых годов к возрождению веры в тред-юнионы. Даже в начале шестидесятых годов мы находим немалое количество союзов, национальных и локальных, регулирующих свои рабочие часы по соглашению с предпринимателями. Однако национальные юнионы большей частью предоставляли решение этого вопроса локальным юнионам, которые разрешали его в зависимости от своей мощи или местных условий. В некоторых случаях локальным юнионам давался совет согласиться на уменьшение заработной платы для того, чтобы обеспечить проведение системы. Это вызывалось верой в правильность теории Стюарда, согласно которой подобное уменьшение заработной платы не могло быть постоянным.

Движение в пользу установления восьмичасового дня посредством применения тред-юнионистской тактики достигло своего апогея летом 1872 г., когда дела находились в цветущем состоянии. В этом году в г. Нью-Йорке разразилась всеобщая стачка с целью достижения восьмичасового дня. Однако победы удалось добиться лишь в нескольких отраслях промышленности, и даже там она была лишь временной, так как достижение это было утрачено в течение периода депрессии, которая последовала за финансовой паникой 1873 г.

Возвратимся назад к Национальному рабочему союзу. На втором съезде 1867 г. энтузиазм был перенесен с закона о восьмичасовом дне на странную идею о социальной реформе, известной под названием «greenbackism».

«Greenbackism» явился в сущности планом того, как дать человеку, не имеющему капитала, в промышленной деятельности равный шанс с его богатым конкурентом. Он означал отнятие у банкиров и людей

средних классов их контроля над кредитом и предоставление кредита и капитала с помощью правительства производителям физических продуктов. По внешнему своему виду «гринбекизм» был программой валютной реформы, и его название произведено от так называемых «greenbacks», бумажных денег, выпущенных в течение гражданской войны. Но это была больше, чем валютная реформа.

«Гринбекизм» был американским дубликатом современного ему европейского радикализма. Его программа имела много общего с программой Лассалья в Германии, который хотел, чтобы государство оставляло кредит кооперативным ассоциациям рабочих, будучи уверенным, что при такой поддержке они путем конкуренции уничтожат частный капитализм. Но «гринбекизм» отличался от схемы Лассалья тем, что он хотел использовать огромный правительственный долг, образовавшийся в результате гражданской войны, вместо налоговой власти правительства в качестве средства для доставления капитала трудящимся. Это должно было быть сделано путем уменьшения процента на правительственные облигации до 3% и путем объявления их подлежащими обмену на законную валюту и обратно на облигации по желанию держателя. «Гринбекская» валюта вместо того, чтобы быть тем, чем она была в то время, т.-е. не подлежащей выкупу валютой, подлежала бы выкупу в правительственных облигациях. С другой стороны, если держатель правительственных облигаций мог получить немногим более, чем 3% путем предоставления займа частному лицу, то он возвратил бы свои облигации правительству, вынул бы соответствующую сумму в «гринбекских» ассигнациях и дал бы их взаймы производителю под его частную расписку или закладную. Это вызвало бы, конечно, возможную инфляцию законно обеспеченной валюты на сумму, равную подлежащим оплате облигациям. Но эта инфляция не имела бы материальных последствий, так как она повлияла бы одинаково на все цены, а между тем фермеры, рабочие и их кооперативные учреждения могли бы достать необходимый им капитал, уплачивая несколько больше 3% вместо 9% или 12%, которые они были вынуждены платить банку. Таким образом они были бы поставлены в одни условия с торговцем, и это помогло бы рабочему и служащему избавиться от системы наемного труда и работать на себя самого.

Такова была любопытная доктрина, увлекшая вождей организованных рабочих в 1867 г. Путь к ней был проложен еще в 1866 г., когда рабочие ухватились за производственную кооперацию как за единственное решение вопроса. Однако в следующем 1867 г. они пришли к заключению, что для успешной борьбы кооперации с капитализ-

мом необходимо, чтобы производителям законодательным путем был обеспечен кредит по низким процентам. Правительство должно было, по их мнению, предоставлять производителям «свободный капитал», как оно предоставляло им свободную землю по усадебному закону.

Производственной кооперации, которая подала повод к увлечению «гринбекизмом», предшествовало движение в пользу потребительской кооперации. Вследствие сильного под'ема цен рабочие начали к концу 1862 года делать приготовления к распределительной кооперации. Они пытались уничтожить прибыли посредников путем устройства кооперативных бакалейных лавок, мясных рынков и угольных складов; обратившей на себя внимание попыткой этого рода было основание в декабре 1862 г. Филадельфийской союзной кооперативной ассоциации, открывшей магазин. Инициатором и финансовым секретарем этой организации был Томас Филлипс, приехавший в 1852 г. из Англии сапожник, проникнутый принципами рочдельских пионеров. К 1866 г. движение распространилось, все значительные индустриальные центры между Бостоном и Сан-Франциско имели кооперативы распределительного характера. Это был самый высокий прилив движения. К несчастью, условия жизни в стране были неблагоприятны для этих предприятий, и они были осуждены на раннюю гибель. 1865 год был свидетелем злополучных банкротств. Страна находилась в неопределенном положении, и к концу шестидесятых годов все движение замерло.

С 1866 до 1869 г. опыты по производственной кооперации производились фактически всеми руководящими профессиями, включая пекарей, каретников, углекопов, кораблестроителей, механиков и кузнецов, литейщиков, гвоздарей и т. д. Большая часть этих попыток возникла в результате неуспешных стачек. Наиболее крупные предприятия были основаны в среде железнотделательных рабочих, в значительной мере, несомненно, благодаря неутомимой энергии Вильяма Г. Сильвиса, основателя Интернационального союза литейщиков.

К концу 1869 г. члены Интернационального союза литейщиков владели многими кооперативными плавильнями, главным образом в Нью-Йорке и Пенсильвании. За первым из этих предприятий, основанным в Трое в начале лета 1866 г., вскоре последовало одно, открытое в Альбани, а затем в течение следующих 18 месяцев одна за другой открылись еще десять плавильен, по одной в Рочестере, Чикаго, Квинси, Луисвиле, Сомерсете, Питтсбурге и по две в Трое и Кливленде. Открытая первой плавильня в Трое имела немедленный финансовый успех, который был восторженно встречен всеми верившими, что потерпевшие поражение коммунисты смогут еще одержать победу под именем

кооператоров. Нью-Йоркская газета «Sun» поздравляла литейщиков Трои и заявляла, что Сильвис победил ассоциацию хозяев, и что основание этой кооперативной плавильни явилось самым крупным достижением в рабочем движении того года.

Но результаты опыта, произведенного в Трое, столь типичного среди других, показывают насколько далека производственная кооперация от того, чтобы стать успешным методом для решения рабочей проблемы. Несмотря на то, что организационные принципы этого кооператива были тщательно разработаны, и он был открыт в такой момент, когда хозяева были выбиты из колеи стачками, и несмотря также на то, что по уставу кооператива каждый член его располагал лишь одним голосом, независимо от того, являлся ли он владельцем лишь одной акции в 100 долларов или максимума в 50 акций из общего количества в 2.000, все же кооператив обанкротился, как и все остальные, в качестве средства, могущего приносить постоянную помощь рабочим как классу. В конце третьего года существования этого предприятия «American Workman» напечатал сочувственный отчет о прогрессе этого кооператива, бессознательно раскрыв при этом его фатальный порок, а именно неизбежную тенденцию кооператоров к усвоению капиталистической точки зрения. Автор этого отчета цитирует слова самих этих кооператоров, говоривших, что «чем меньше акционеров в компании, тем больше ее успех».

Подобным же примером послужила «Кооперативная компания литейщиков» в Рочестере. Это предприятие также имело финансовый успех, хотя в качестве кооперативного предприятия оно явилось частичным банкротством. Когда оно было основано в 1867 г., то все служащие и рабочие были акционерами, и прибыли делились следующим образом: 12% на капитал, а остальная часть пропорционально заработкам членов. Но капиталист оказался сильнее товарища кооператора. Дивиденды на капитал увеличились в течение нескольких лет до 17½%, затем до 25%, и, наконец, распределение части прибыли пропорционально заработной плате вовсе прекратилось. Каждый год дело приносило хорошую прибыль, и выплачивались дивиденды, которые в 1884 году достигли 40% на капитал. В это время только одна пятая часть рабочих и служащих состояли акционерами. Кроме того, в этом случае кооперативный принцип не мог предупредить обычный конфликт между предпринимателем и рабочим, что видно из стачки, продолжавшейся три с половиной месяца. Интересно отметить, что один из стачечников, член союза литейщиков, владел акциями на сумму в 7.000 долларов.

В течение этого периода механики также проявили активный интерес к кооперации. Их съезд, состоявшийся в октябре 1865 г., назначил комиссию для выработки плана основания кооперативной мастерской под покровительством их Интернационального союза. Этот план не был принят съездом, но образовался целый ряд мастерских, акционерами которых были работавшие в них механики. Из других профессий наибольший интерес к кооперации проявили в это время сапожники и бондари. Первые, организованные в «Орден св. Криспина», бывший тогда самым крупным тред-юнионом страны, стояли за кооперацию даже в тот период, когда их стачечная деятельность была в самом разгаре. Один из их лозунгов был следующий: «Нынешнее требование криспинцев, это — постоянная работа и справедливая заработная плата, но их будущее, это — работа у самих себя». В семидесятых годах они многократно пытались провести этот лозунг в жизнь. В семидесятых годах было положено начало также крупнейшему кооперативному предприятию: в Миннеаполисе было основано восемь кооперативных бочарных мастерских. Бочары постарались провести истинно кооперативные принципы. Они постановили, что акции должны быть равномерно распределены, и что прибыли и убытки должны делиться пропорционально заработной плате. Бочарные мастерские процветали, но уже десять лет спустя четыре из восьми перешли в частные руки.

В 1866 г., когда злободневным вопросом было требование восьмичасового дня, Национальный рабочий союз высказался за основание независимой рабочей партии. Признание «гринбекизма» в 1867 г. лишь укрепило это решение. Лидеры великолепно отдавали себе отчет в том, что ни республиканская партия, ни демократическая не займутся планом оказания помощи рабочему для превращения его в независимого производителя. Соответственно этому история Национального рабочего союза в значительной степени стала историей первой попытки рабочих сыграть самостоятельную политическую роль в национальном масштабе.

Все ежегодные сессии Национального рабочего союза постоянно подтверждали решение о разрыве со старыми партиями, но такое крупное предприятие, как основание собственной партии, требовало времени, и лишь в 1872 г. Национальный рабочий союз устроил политический съезд для составления национального списка кандидатов. Была принята «гринбекистская» платформа, и новая партия получила название «Национальной рабочей и реформистской партии». При первой формальной баллотировке кандидата на должность президента судья Давид

Девис из Иллинойса получил 88 голосов, Вендель Филлипс, аболиционист, — 52 голоса. При третьей баллотировке кандидатом был объявлен Дэвис. Губернатор Джон Паркер из Нью-Джерси был объявлен кандидатом в вице-президенты. Вначале судья Дэвис согласился на выставление его кандидатуры, но он отказался от нее после того, как демократы выставили кандидатуру Гораса Грили. Потеря кандидата означала смерть партии. Национальный рабочий союз был сам по себе лишь пустой скорлупой с 1870 г., когда национальные тред-юнионы, недовольные поворотом в сторону политики, ушли из объединения. Теперь же, когда провалился его любимый проект, Национальный рабочий союз прекратил свое существование.

В 1873 году, накануне наступления финансовой паники, национальные тред-юнионы пытались восстановить национальную рабочую федерацию, построив ее на базе чистого тред-юнионизма в форме национального индустриального конгресса. Но экономическая катастрофа убила эту мысль в зародыше, так как она уничтожила огромное большинство существовавших тогда рабочих организаций. Другая попытка к объединению на национальном базисе была сделана на национальном рабочем конгрессе в Питтсбурге в 1876 г. Но те, которые отвечали на это предложение, не интересовались тред-юнионизмом и, отражая господствовавший среди рабочих в течение долгих лет упадок духа, думали лишь о политике «гринбекистской» или социалистической. И так как «гринбекисты» и социалисты относились враждебно одни к другим, то из попытки к объединению ничего не вышло.

«Гринбекизм» пользовался популярностью среди рабочего люда в течение депрессии семидесятых годов, потому что он означал для них прежде всего валютную инфляцию и рост цен, и следовательно — промышленное процветание. Это не был фантастический план Национального рабочего союза. Уже во время президентских выборов 1876 г. кандидат гринбекистской партии Питер Купер, знаменитый фабрикант и филантроп, собрал всего лишь 100.000 голосов, поступивших фактически лишь из сельских округов. И лишь большие стачки 1877 г. повлекли за собой политический подъем рабочих, и «гринбекизм» стал грозным движением.

Взрыв стачек 1877 г., которые по огромной охваченной ими территории, по степени применявшегося в них насилия, по количеству погибших жизней и собственности производили такое впечатление на современников, как будто произошла чуть ли не социальная революция, — взрыв этот был ускорен общим понижением на 10% заработной платы на трех главных железнодорожных линиях, ведущих на

запад, — на Пенсильванской, Балтимора — Огайо и Нью-Йоркской Центральной — в июне и июле 1877 г. Это уменьшение заработной платы последовало за более ранним уменьшением в 10%, проведенным после паники. Железнодорожные служащие фактически были не организованы. Нужно принять также во внимание, что в течение страшных четырех лет, прошедших со времени паники, Америка выработала новый тип человека — бродягу, естественно тяготевшего к тем местам, где можно было ожидать беспорядков.

Первый взрыв произошел в Мартинсбурге (Зап. Виргиния) 17 июля — день, после которого вступило в силу уменьшение заработной платы. Стачка распространилась подобно лесному пожару на прилежащие участки железной дороги Балтимора — Огайо, при чем стачечники во многих местах стали в полном смысле слова хозяевами положения. Милиция либо не хотела, либо не смогла справиться с ними путем применения насилия. В Балтиморе, где в интересах общественной безопасности было приостановлено движение всех товарных поездов, две роты милиции были осаждены толпой, стремившейся не допустить их отправки в Кумберленд, в котором стачечники были хозяевами положения. Порядок был восстановлен, лишь когда прибыли федеральные войска.

Но эти события кажутся незначительными, если сравнить их с разрушительными результатами стачки на Пенсильванской железной дороге, в Питтсбурге и его окрестностях. Там все почти население стало на сторону стачечников. Питтсбургская милиция брталась со стачечниками, и когда 600 солдат, прибывших из Филадельфии, попытались восстановить порядок и убили около 20 бунтовщиков, они были осаждены в казарме озлобленной толпой. Во время битвы железнодорожные мастерские были подожжены. Убытков было причинено на сумму в 5.000.000 долларов. Осажденным с большим трудом удалось прорваться и отступить с арьергардным боем. В конце концов патрули из граждан восстановили порядок. Стачка перебросилась также на Эрийскую железную дорогу, где она раньше вызвала беспорядки во многих местах, но не столь серьезного характера, как на железных дорогах Пенсильванской и Балтимора — Огайо. Стачка перебросилась также в Толидо, Луисвилль, Чикаго, Сент-Луис и Сан-Франциско.

Во всех этих случаях стачки закончились поражением, но их влияние было очень велико. Публика еще сохранила свежие воспоминания с Парижской Коммуне 1871 г. и боялась потрясения основ существующего порядка. С другой стороны, рабочие массы были недовольны так-

тикой стачечников. Благодаря этому сильному недовольству среди рабочих «гринбекистская» агитация росла.

В то время как в 1876 г. количество голосов, поданных рабочими за «гринбекистских» кандидатов, было ничтожно, несмотря на агитацию в их пользу многих из лидеров тред-юнионов, теперь, после больших стачек, «гринбекизм» стал в первую очередь рабочим движением. Местные «гринбекистско»-рабочие партии были организованы повсюду, и в скором времени предстояло образование национальной гринбекистско-рабочей партии. Продолжавшаяся промышленная депрессия, достигшая своего апогея в зиму 1877—1878 г., стала решающим фактором. Гринбекистское движение естественно быстро росло. Одним из значительных его успехов весной 1878 г. было избрание Теренса В. Поудерли, впоследствии просмейстера работника «Рыцарей труда», мэром города Скрентона (Пенсильвания).

Это движение достигло наибольшего своего успеха во время выборов в конгресс осенью 1878 г. Число голосов, поданных за гринбекистских кандидатов, превысило миллион, и в конгресс было избрано четырнадцать представителей. В штатах Новой Англии движение было достаточно сильно для того, чтобы собрать почти треть всех голосов в Мэне, свыше 8% всех голосов в Коннектикуте и Нью-Гемпшире и от 4 до 6% в других штатах. В Мэне гринбекисты избрали 32 члена верхней палаты и 151 члена нижней палаты, а также одного члена конгресса — Томпсона Мурча из Рочленда, бывшего секретарем Национального союза резчиков гранита. Однако главная масса голосов, поданных в этом штате, принадлежала, очевидно, фермерам. В Массачусетсе хозяином положения был генерал Бенджамен Ф. Бутлер, старый политикан, принадлежавший к республиканской партии. Ему удалось добиться объявления его кандидатом от демократической партии на пост губернатора, и его же кандидатуру выставил и гринбекистский съезд. Он получил много голосов, но все же потерпел поражение.

Но как только гринбекистское рабочее движение стало принимать многообещающие размеры, перемена к лучшему в экономической ситуации подорвала самые основы его существования. Вдобавок месяц спустя после выборов 1878 г. исчез главный пункт его программы. 1 января 1879 г. было датой для принятия «гринбеков» к оплате в золоте, и 17 декабря 1878 г. исчезла премия в золоте. С этого дня «гринбек» стал мертвым лозунгом.

Другим фактом, имевшим больше значения, был сильный рост количества выпущенной валюты. В 1881 г. бумажные деньги, сумма которых равнялась в 1876—1878 г.г. 725.000.000 долларов, превысили

1.111.000.000 долларов. При этих условиях для составителей программы и пропагандистов партии не оставалось ничего кроме оппозиционного отношения к так называемым «монополистическим» национальным банкам и их контролю над валютой и к уплате облигационного долга правительства.

Исчезновение финансового лозунга порвало нити, связывавшие фермера с рабочим. До тех пор, пока продолжалась депрессия, оба имели, как они полагали, одного общего врага — банкира. Как только финансовый вопрос был разрешен, или, по крайней мере, отложен, объектом атаки для рабочего стал предприниматель, а для фермера — железнодорожная компания и владелец амбаров. Период хозяйственного процветания смягчил нужды обоих классов, но, в то время как фермер все еще мог многого ожидать от политики в форме государственного регулирования железнодорожных тарифов, борьба рабочих приняла теперь исключительно экономический характер.

В Калифорнии так же, как и в восточных промышленных штатах, железнодорожные стачки 1877 г. вызвали политическое движение. Калифорния удержала золотую валюту в течение всего периода бумажных денег, и рабочее движение никогда не становилось там на «принбекистскую» платформу. Политической злобой дня после 1877 г. был расовый, а не финансовый вопрос, при чем прибегали не только к голосованию, но и к насильственным методам. Антикитайская агитация в Калифорнии достигла, наконец, своей цели — проведения закона о недопущении в страну китайцев, прошедшего в конгрессе в 1882 г.

Семидесятые годы были свидетелями нового оживления движения в пользу потребительской кооперации, какое уже имело место в сороковых и шестидесятых годах. На этот раз движение было организовано «Властелинами индустрии», тайным орденом, основанным в Ворчестере (Массачузетс) в 1874 г. Вильямом Х. Эрлем. Дух этого ордена был совершенно миролюбивый, что нашло выражение в первом параграфе его декларации, гласящем:

«Орден «Властелинов индустрии» является ассоциацией трудящихся классов независимо от расы, пола, цвета кожи, национальности или профессии; он не основан с целью организации какой-либо наступательной войны против какого-либо другого класса или с целью восстановления рабочих против капиталистов или богатых против бедных, но с целью взаимопомощи в деле самоулучшения и самообороны».

Организационная схема предусматривала местный совет, включающий членов от города или округа, совет штата, в который входили представители местных советов, и национальный совет, в котором за-

седали представители штатов. Президентом национального совета был основатель ордена Вильям Х. Эрль.

Энергичная деятельность инициаторов «Властелинов индустрии» в течение нескольких лет сопровождалась успехом. Число членов в 1875—1876 г.г. равнялось 40.000, находившимся главным образом в штатах Новой Англии и Массачусетсе. Несмотря на то, что орден расширил свою деятельность на другие штаты и добрался даже до территорий, главная его сила все же попрежнему находилась в Новой Англии и центральных штатах. В последний период его существования в Вашингтоне стал выходить центральный орган ордена.

В 1875 г. 101 местный совет докладывали, что они имеют то или иное средство для снабжения своих членов товарами; из них 46 советов имели лавки. Самая крупная лавка принадлежала совету в Спрингфильде (Массачусетс), потратившему в 1875 году 35.000 долларов на постройку собственного здания. В своем обращении к четвертой годичной сессии в Вашингтоне президент Эрль указал, что спрингфильдская лавка шла впереди всех других, продав в течение предыдущего года товаров на 119.000 долларов. Около половины советов не дали никаких отчетов, но на с'езде 1876 г. Эрль оценивал всю торговлю за год в 3.000.000 долларов.

Прогресс движения вызвал сильный энтузиазм. Здание спрингфильдского совета было открыто при таком восторженном настроении, какое бывает при событиях, предвещающих наступление новой эры. Но большие надежды, возлагавшиеся на расцвет движения, нашедшие выражение в обращении президента Эрля, оказались ложными, ибо, хотя орден и продолжал прозябать до 1878 г., вскоре наступил период упадка, и в 1880 г. орден прекратил свое существование.

Банкротство «Властелинов» отмечает последнюю попытку в широком масштабе привить американским рабочим тот дух кооперации, который столь успешно привился в Европе.

Эта неудача распределительной кооперации в ее стремлении завоевать себе прочное и постоянное существование в Соединенных Штатах, какое она имеет за границей, объяснялось разными писателями различным образом. Большое значение придавалось недостатку капитала, отсутствию соответствующего законодательства, взаимному отчуждению между образованным и рабочим классом, а также слишком распространенной продажности и подкупности в среде кооператоров.

Надо полагать, что недостаток в соответствующих руководителях сыграл такую же важную роль, как все остальные причины. Характерно для Америки, что рабочий, обладающий исключительными способно-

стями, может легко найти путь для того, чтобы уйти из рядов своего класса и проникнуть в класс независимых производителей или даже предпринимателей, пользующихся наемным трудом. Американское тред-юнионистское движение гораздо меньше страдало от этого затруднения. Тред-юнионы являются боевыми организациями; они нуждаются в вождях, обладающих боевым духом, организационными способностями и «личным магнетизмом», необходимым для поддержания дисциплины среди членов союза. На такого рода способности деловой мир не заявляет особенно большого спроса. С другой же стороны, на те же качества, которые делают человека успешным заведующим кооперативным магазином, а именно — солидность, осторожность в суждениях, внимательное отношение к деталям и деловая точность, на эти качества в деловом мире всегда будет существовать большой спрос. Таким образом, если нет каких-либо специальных препятствий с той или другой стороны, рабочий, обладающий такими качествами, вероятно, покинет свой класс и заведет собственное дело. В Англии, к счастью для кооперативного движения, для рабочего подобный уход из рядов своего класса очень затруднен.

Банкротство кооперативного движения в Америке было облегчено также двумя другими, специально американскими, условиями. Европейские экономисты, говоря о рабочем классе, обычно трактуют его как оседлый класс и противопоставляют его капиталу, который, по их словам, представляет собою текущий фактор, перекочевывающий из города в город и даже из страны в страну. Между тем американские рабочие, как родившиеся в стране, так и иммигранты, более подвижны, чем капитал. Ибо традиции и привычки, удерживающие большинство европейских рабочих в том месте, где жили до них их отцы и деды, совершенно отсутствуют в Соединенных Штатах за исключением, быть может, некоторых частей Новой Англии и Юга. Естественно поэтому, что кооперативный дух, представляющий собою в конце концов лишь более широкую и более общую форму старого духа соседства и взаимного доверия, не смог вполне развиться в Америке.

Другой причиной, сыгравшей роковую роль в развитии кооперативного движения, является расовая разнородность американского рабочего класса, разделяющая его на взаимно изолированные группы в такой же степени, в какой общественные классы Англии и Шотландии разделены классовым духом. В результате мы видим недостаток взаимного доверия. Положение еще более осложняется конкуренцией и постоянной заменой в промышленности национальностей с высоким прожиточным бюджетом теми национальностями, которые имеют низкий прожиточ-

ный бюджет. Конфликт национальностей, лежащий также в основе политики закрытой мастерской многих американских тред-юнионов, является наиболее значительным затруднением на пути развития кооперативного духа между американскими рабочими. Имеются еще и другие препятствия национального характера, свойственные всем общественным классам Соединенных Штатов. Это — наследие пуританства и пионерского периода и особое уважение к способности зарабатывать деньги вместе с соответствующим отвращением к бережливости.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ «РЫЦАРЕЙ ТРУДА» И АМЕРИКАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ТРУДА.

В течение семидесятых годов организованное рабочее движение фактически разложилось, и лишь две ячейки продолжали существовать и обнаруживали тенденцию к успешному развитию. Одной из них был «Благородный орден рыцарей труда», а другой—небольшое тред-юнионистское течение, концентрировавшееся вокруг Интернационального союза выделывателей сигар.

«Благородный орден рыцарей труда», впервые завоевавший себе заметное положение в рабочем движении после 1873 г., был основан в качестве районной организации в 1869 г. Урией Смитом Стефенсом, портным, получившим духовное образование. Тайная организация ордена объясняется стремлением его основателей предохранить его от преследований со стороны предпринимателей.

Принципы ордена изложены Стефенсом в тайном ритуале: «После того как открытое объединение обанкротилось в вековой борьбе за охрану и улучшение интересов труда, мы на законном основании учредили это собрание» и, «прибегая к помощи организованных усилий и сотрудничества, мы лишь подражаем примеру капитала»; ибо «во всех многообразных отраслях промышленности капитал имеет свои организации и, сознательно или бессознательно, он уничтожает благородные надежды рабочих и топчет ногами бедное человечество». «Однако мы не думаем вступать в конфликты с законным предпринимательским духом и не собираемся бороться с необходимым капиталом». Лекарство заключается, во-первых, в воспитательной работе: «Мы рассчитываем создать здоровое общественное мнение в отношении рабочего класса (единственного созидателя ценностей или капитала) и справедливости получения им полной, справедливой части ценностей или капитала, созданных им». Следующим лекарством является законодательство: «Мы должны со всей нашей мощью поддерживать законы, изданные для

того, чтобы привести в гармонию интересы труда и капитала, ибо лишь труд придает жизнь и ценность капиталу, а также и те законы, которые стремятся облегчить положение рабочих». Затем шла взаимопомощь: «Мы должны использовать все законные и честные средства для того, чтобы достать друг для друга работу, справедливо оплачиваемую, и, в случае если с кем-нибудь из нашего числа произойдет несчастье, мы должны оказать ему такую помощь, на какую мы способны, не спрашивая его, какой он национальности или веры».

В течение девяти лет орден оставался тайной организацией, и в этот период он лишь медленно развивался. В 1878 г. он был вынужден начать вести свою работу открыто. Общественное мнение было встревожено революционным восстанием рабочих в Париже, учредивших «Парижскую Коммуну» 1871 г., большими разрушительными железнодорожными стачками в Соед. Штатах в 1877 г. и в последнее время волной беспорядков, сопровождавшихся преступлениями в антрацитных шахтах Восточной Пенсильвании, и стало слишком склонным приписывать революционные и преступные тенденции всякой рабочей организации, прятавшейся в подполье. Одновременно со своим выходом из подполья рыцари одобрили новую программу, вместо «тайного ритуала», служившего до тех пор авторитетным выражением их стремлений.

Программа указывает, что «богатство» по мере своего развития приобрело настолько агрессивный характер, что «если ему не воспрепятствовать», то оно «неизбежно приведет трудящиеся массы к лауперизации и безнадежному вырождению». Так что, если рабочие «хотят пользоваться благами жизни», они должны организовать «каждый отдел производящей промышленности» с целью положить конец могуществу богатства и приостановить «несправедливое накопление». Боевым кличем в этой борьбе должно быть «моральное благо, а не богатство, справедливый уровень индивидуального и национального величия». Ввиду того, что выступления рабочих должны руководиться знанием, необходимо знать «истинное положение трудящихся масс». Орден, следовательно, требует «от различных правительств учреждения бюро рабочей статистики». Затем следует «создание кооперативных учреждений, производительных и распределительных». Союз всех профессий, «просвещение» и производственная кооперация остались навсегда главными пунктами социальной философии «Рыцарей труда».

Эти идеалистические «основные принципы» нашли горячего последователя в лице Теренса В. Поудерли, механика по специальности, дважды избранного мэром г. Скrentона (Пенсильвания) по рабочему списку. Поудерли в 1878 г. стал вместо Стефенса во главе ордена. Он

носил на себе печать этого рода идеализма в течение всего времени, когда он был наиболее видным рабочим лидером в Соединенных Штатах. В отличие от Самуэля Гомперса, заменившего его в 1890 г., он был чужд духа боевого юнионизма, признающего систему заработной платы, но стремящегося путем борьбы вырвать у предпринимателей уступки. Хотя обстоятельства, находившиеся в значительной степени вне его контроля, и сделали Поудерли стачечным вождем крупной марки, сердце его склонялось к другому пути — к обходу системы заработной платы посредством предоставления рабочим возможности работать на самих себя в кооперативных предприятиях.

Производственная кооперация была тогда той претенциозной программой, посредством которой орден «Рыцарей труда» надеялся вывести американский рабочий класс из рабства наемной системы и ввести в Ханаан самостоятельного производства. Таким образом орден явился настоящим наследником кооперативного движения сороковых и шестидесятых годов. Его лозунгом стало: «Кооперация ордена, устраиваемая орденом для ордена». Не распыленной местной инициативе, а ордену как целому предстояло выполнить эту работу. План «Рыцарей труда» походил на рочдельскую систему в Англии тем, что он предлагал начать с организации потребителей, составлявших значительную и все возрастающую часть ордена. Но он радикально отступал от английского прототипа тем, что, вместо того, чтобы стремиться сберечь деньги потребителей, он прежде всего имел в виду создать рынок для производственных кооперативов, которые должны были быть основаны впоследствии. Потребительская кооперация была лишь ступенькой для основания самостоятельного производства. Когда орден вырастет настолько, что включит в свой состав всех почетных членов общества — так рисовалось в плане «Рыцарей труда», — то он будет практически контролировать весь рынок, и кооперативное производство станет скорее правилом, чем исключением. Таким образом, поскольку речь идет об «основных принципах», орден был не орудием классовой борьбы, а ассоциацией идеалистических кооператоров. И именно этот чистый идеализм привлек к ордену «Рыцарей труда» симпатии писателей по социальным вопросам и университетских преподавателей, существовавших тогда, к сожалению, еще в небольшом числе, вроде д-ра Ричарда Эли и ректора висконсинского университета Джона Баскома.

Другое течение, а именно тред-юнионистское движение, концентрировавшееся вокруг союза выделывателей сигар, не было чисто американским по своему происхождению, каким были «Рыцари труда». Это течение не было также в такой степени проникнуто идеалистическим

духом. Напротив, первоначальный состав его членов был иностранный, и его программа, как мы увидим ниже, стала вскоре оппортунистической и «прагматической». Школой обучения для этого оппортунистического тред-юнионизма было социалистическое движение шестидесятых и семидесятых годов, в особенности американская секция Международного общества рабочих, «Первого Интернационала», основанного Карлом Марксом в Лондоне в 1864 г. Понятие об экономической рабочей организации с течением времени подверглось сильному изменению под влиянием социалистической пропаганды Интернационала. С одной стороны, это произошло в результате постоянного конфликта с соперничавшим с ним понятием политической рабочей организации, проповедывавшимся американскими последователями немецкого социалиста Фердинанда Лассалья, а с другой стороны, вследствие контакта с реальной американской жизнью. Из этого двойного контакта зародился тред-юнионизм Американской федерации труда.

В истории Интернационала в Америке можно различить две различные фазы. В течение первой фазы, начавшейся в 1866 г. и продолжавшейся до 1870 г., Интернационал не имел своей собственной значительной организации на американской почве, но старался укрепиться в Америке путем установления тесной связи с Национальным рабочим союзом. Для последнего связь эта имела практический характер, он стремился к регулированию иммиграции. В течение второго периода Интернационал имел свои «секции» во всех крупных городах страны, с главными центрами в Нью-Йорке и Чикаго, и практическая профсоюзная часть его работы играла второстепенную роль в сравнении с социалистической пропагандой, которую он вел.

Эти «секции», максимальное число членов которых никогда, вероятно, не превышало тысячи, все почти иностранцы, стали подготовительной школой тред-юнионистской деятельности для многих из позднейших организаторов и лидеров Американской федерации труда.

Судьба решила, чтобы эта кучка иммигрантов сыграла одно время большую роль в мировом рабочем движении. Когда на всемирном конгрессе Международной ассоциации рабочих в Гааге в 1872 г. анархистская фракция, находившаяся под предводительством Бакунина, обнаружила такую силу, что Маркс и его социалистическая фракция сочли мудрым перенести генеральный совет в Нью-Йорк, они этим самым передали свои полномочия в руки верных немецких марксистов Америки. Это означало прекращение существования Интернационала как мировой организации, но это вместе с тем в сильнейшей степени увеличило

фракционную борьбу, раздиравшую на части кучку американских членов Интернационала. Организация рабочих в тред-юнионы — основной пункт Интернационала — была забыта в пылу борьбы за власть. Кроме того вследствие паники 1873 г. и последовавшей за ней депрессии политическое течение восторжествовало в социализме так же, как и во всем рабочем движении. Движение, вначале ставившее своею главною задачей организацию тред-юнионов, занялось под влиянием лассальянцев рядом политических кампаний, вначале заканчивавшихся иногда успешно, но вскоре проваливавшихся, как это всегда бывает со всякими любительскими экспериментами.

В то время председателем Интернационального союза выделывателей сигар был Штрассер, председателем же локального нью-йоркского союза был Самуэль Гомперс, которому тогда было 27 лет от роду. Рожденный в Англии в 1850 г. от голландско-еврейских родителей, Гомперс как бы олицетворяет собою космополитическое происхождение американского юнионизма. Стоя во главе организации, которая сама отрицает за собою власть над составляющими ее союзами, он объединил большинство сильно отличающихся друг от друга и часто даже враждебных друг к другу союзов, предоставляя каждому из них возможность свободного развития и приспособления к изменяющимся экономическим условиям.

Ужасный провал стачки, которая была направлена против жестокой эксплуатации в сигарной промышленности, показал как Штрассеру, так и Гомперсу слабые стороны организационного плана их союза и вместе с тем вообще американских союзов. Поэтому они решили реорганизовать свой юнион по образцу британских профсоюзов. Это изменение предусматривало, во-первых, предоставление должностным лицам «интернациональной» организации полной власти над локальными союзами, во-вторых, увеличение членских взносов в целях создания большого фонда и, в-третьих, принятие широко применяемой системы прибылей, с целью обеспечения устойчивости организации. Это было выполнено на съезде, состоявшемся в августе 1879 г. Съезд этот одновременно принял и английскую идею об «уравнивании фондов», дававшую руководителям Интернационального союза право отдать приказ более богатому локальному союзу передать часть своего фонда другому локальному союзу, находящемуся в затруднительном финансовом положении. С некоторыми изменениями в области «уравнивания фондов» система уравнивания, принятая в Интернациональном союзе выделывателей сигар, была использована в качестве образца другими национальными и интернациональными тред-юнионами.

По мере того, как Штрассер и другие подобные ему профсоюзные деятели все более и более погружались в практические проблемы повседневной борьбы рабочих за улучшение условий труда, социалистическая часть их первоначального мировоззрения все дальше отступала назад, пока они не пришли к чистому тред-юнионизму. Но их тред-юнионизм сильно отличался от «коренного» американского тред-юнионизма того времени, который все еще мечтал о рае производственной кооперации. Целью их стремлений стало рабочее движение, сведенное к оппортунистическому базису, приемлющему существование капитализма и стремящемуся к увеличению способности рабочего выторговать для себя лучшие условия при продаже своей рабочей силы. Они уклонялись от сближения со всеми теми движениями, которые стремятся заменить систему наемного труда кооперацией, добровольной или субсидируемой правительством, они избегали в одинаковой мере гринбекизма, социализма и анархизма.

Быть может, наилучшее краткое изложение этих взглядов дано в показаниях Штрассера перед сенатской комиссией по вопросам просвещения и труда в 1883 г.

Вопрос: Вы стремитесь прежде всего улучшить условия труда в своей профессии?

Ответ: Да, я прежде всего думаю о той профессии, представителем которой я являюсь; я прежде всего думаю о рабочих сигарной промышленности, об интересах тех людей, которые наняли меня для того, чтобы я представлял их интересы.

Вопрос: Я спрашиваю о ваших конечных целях.

Ответ: Мы не имеем никаких конечных целей. Мы идем вперед изо дня в день. Мы боремся лишь за осуществление таких задач, которые могут быть проведены в жизнь немедленно — в течение нескольких лет.

Вопрос: Вы хотите иметь лучшую пищу и одежду и лучшие квартиры для жилья?

Ответ: Да, мы хотим лучше одеваться, лучше жить и вообще стать лучшими гражданами.

Председатель комиссии: Я вижу, что вы как будто опасаетесь, что подумают, что вы просто теоретик. Я не смотрю на вас таким образом.

Свидетель: Мы говорим в нашем уставе, что мы против теоретиков, а я представляю здесь организацию. Мы все люди практические.

В восьмидесятых годах существовала еще одна организация — Интернациональная ассоциация трудящихся, — известная также под на-

званием «Черного», или анархистского, Интернационала. Эта ассоциация была основана в Питтсбурге в 1883 г. Подобно старому Интернационалу она занималась созданием тред-юнионов, но она стремилась к тому, чтобы они сразу приняли революционную программу. Такого рода тред-юнионом была федерация рабочих-металлистов, организованная в 1885 г. Она заявляет в своей «Декларации принципов», что лишь полное уничтожение современного общественного строя может освободить рабочих, но они ни в коем случае не должны искать помощи в политическом действии. «Наша организация, — говорится в «Декларации», — должна быть школой, в которой ее члены получают подготовку к новым условиям общественной жизни, когда рабочие будут регулировать свои дела без всякого вмешательства господствующего меньшинства. Ввиду того, что освобождение производительных классов должно явиться результатом их собственных усилий, было бы неразумно вмешиваться в современную политику... Всякие формы непосредственной борьбы трудящихся масс пользуются полной нашей симпатией». Наряду с революционными тред-юнионами существовали вооруженные организации рабочих, готовые добиться нового строя путем насилия. «Посредством насилия, — гласит питтсбургский манифест Черного Интернационала, — наши предки освободили себя от политического гнета, посредством насилия их дети должны будут освободиться от экономического ига».

В течение следующего десятилетия должен был решиться вопрос о том, должно ли было руководство американским рабочим движением попасть в руки «практических деятелей тред-юнионов» или в руки идеалистов-кооператоров из ордена «Рыцарей труда».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОЖИВЛЕНИЕ И ПОД'ЕМ 1879—1887 г.г.

Вместе с оживлением промышленности в 1879 г. ожило также и рабочее движение. Первым симптомом стремления вперед было быстрое увеличение числа городских федераций организованных профессий, известных под различными именами: советы профессий, смешанные союзы квалифицированных и неквалифицированных рабочих, собрания профессий и т. д. Фактически все эти организации стали существовать в 1879 г., так как вряд ли какие-нибудь из «собраний профессий» шестидесятих годов пережили период депрессии.

Как было сказано выше, национальные тред-юнионы существовали в течение 1860—1870 г.г. приблизительно лишь в 30 отраслях промышленности; 18 из них либо сохранили ячейки в течение семидесятих годов, либо впервые были организованы в течение этого десятилетия. Вот список национальных союзов, существовавших в 1880 г. вместе с годом их основания: типографский (1850), шляпочники (1854), литейщики (1859), паровозные механики (1863), выделыватели сигар (1864), каменщики (1865), выделыватели шелковых и меховых шляп (1866), жел.-дор. кондуктора (1868), бондари (1870), немецко-американская типография (1873), кочегары (1873), кузнецы (1874), мебельщики (1873), рабочие железоделательной и сталелитейной промышленности (1876), тесальщики гранита (1877), озерные матросы (1878), ткачи (1878), новоанглийские сапожники (1879). В 1880 г. был основан Западный национальный союз выдувальщиков зеленых бутылок; в 1881 г. — национальный союз котельщиков и плотников, в 1882 г. — союзы штукатурщиков и металлистов; в 1883 г. — союзы портных, литографов и рабочих шелкового производства.

Иллюстрация быстрого роста числа членов тред-юнионов в течение этого периода дана в следующих цифрах: союз каменщиков — 303 члена в 1880 г.; 1558 в 1881 г.; 6.848 в 1882 г.; 9.193 в 1883 г.; типографский союз имел 5.968 членов в 1879 г.; 6.520 в 1880 г.; 7.931 в 1881 г.;

10.439 в 1882 г.; 12.273 в 1883 г. Общее количество членов тред-юнионов в стране, считая три железнодорожные организации, организованные лишь в местном масштабе, доходило до 200.000 в 1883 г., и по всей вероятности, было не ниже 300.000 в начале 1885 г.

Характерной чертой тред-юнионов того времени было преобладание в них иностранного элемента. Бюро труда штата Иллинойс описывает национальный состав тред-юнионов этого штата в течение 1886 г. и констатирует, что 21 % были американцы, 33 % немцы, 19 % ирландцы, 10 % англичане, 12 % скандинавы и около 5 % поляки, чехи и итальянцы, вместе взятые. Сильное преобладание иностранного элемента в американских тред-юнионах не должно показаться странным, ибо в результате падения ученичества Соед. Штаты брали свое пополнение квалифицированного труда из-за границы.

Орден «Рыцарей труда», основанный на кооперативном идеале, был вынужден вскоре делать уступки большому числу своих членов, толкавшему организацию на путь стачек. С наступлением периода процветания промышленности орден расширился, хотя «Рыцари труда» играли лишь подчиненную роль в рабочем движении в начале 1880 г. Число членов в организации доходило до 20.151 в 1879 г., 28.136 в 1880 г., 19.422 в 1881 г., 42.517 в 1882 г., 51.914 в 1883 г.; число членов постоянно и быстро увеличивалось, за исключением 1881 г. Но эти цифры совершенно непригодны в качестве средства для определения силы ордена, ибо состав членов сильно изменялся: так, в 1883 г., когда число членов достигло 50.000, не меньше половины этого числа вошли и вышли из организации в течение года. Эта очень большая текучесть состава, уменьшая экономическую силу ордена, приводила большие массы населения в сферу его влияния и подготавливала почву для под'ема в середине восьмидесятых годов. Она также привлекала к ордену внимание большой прессы. Рабочая печать сильно рекламировала орден, но «Рыцари труда» не полагались на бесплатные газетные рекламы. Они привлекли к работе целый отряд лекторов, которые устраивали публичные митинги по всей стране, привлекая новых сторонников и рекламируя орден.

Наиболее значительной стачкой «Рыцарей труда» в этот период была стачка телеграфистов в 1883 г. Телеграфисты образовали национальную организацию в 1870 г., но вскоре прекратили свое существование. В 1882 г. они опять организовались в национальных рамках и вошли в состав ордена в качестве окружного собрания № 45. Стачка была объявлена 19 июня 1883 г. во всех коммерческих телеграфных ком-

паниях страны, между которыми самой значительной была компания «Western Union», имевшая 4.000 служащих.

Стачечники выставили требования однодневного отдыха в неделю, 8-часовой дневной смены и 7-часовой ночной смены и общего увеличения заработной платы на 15%. Публика и значительная часть прессы сочувствовала стачечникам не столько вследствие угнетенного положения телеграфистов, сколько вследствие общей ненависти, которую внушал Джей Гульд, главный владелец акций компании «Western Union». Эта стачка впервые в восьмидесятих годах привлекла внимание широкой американской публики к существованию рабочего вопроса и служила предметом рассмотрения в сенатской комиссии по вопросам просвещения и труда. К концу июля, спустя месяц после начала стачки, рабочие, избежавшие черного списка, возвратились обратно на работу на старых условиях.

С 1879 г. до 1882 г. рабочее движение являлось типическим движением периода растущих цен. Фактически оно ограничилось квалифицированными рабочими, организовавшими для того, чтобы получить от предпринимателей лучшие условия, чем те, которых они могли добиться в период процветания промышленности путем индивидуальных переговоров. Движение по существу носило экономический характер, и оно не обнаруживало специального классового настроения и революционных тенденций. Рабочая солидарность не отрицалась, но они не пытались эту идею проводить на практике: каждая профессия справлялась более или менее успешно со своими собственными предпринимателями. Даже «Рыцари труда», — организация рабочей солидарности *rag excellence*, — были в это время, поскольку речь шла о практической деятельности, просто слабым эхом тред-юнионов.

Но ситуация радикально изменилась в течение периода депрессии 1884 — 1885 г.г. Неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие, которых понижение заработной платы и безработица затронули еще в большей степени, чем квалифицированных, были вовлечены в движение. Рабочие организации поняли природу настоящего классового движения. Идея рабочей солидарности перестала быть просто словом и приняла жизненные формы. Всеобщая стачка, стачка солидарности, бойкот в национальном масштабе стали в порядок дня. Влияние необычно широкой иммиграции присоединилось к результатам депрессии. Восьмидесятые годы были самым выдающимся десятилетием всего века по количеству иммигрантов. Общее количество иммигрантов равнялось 5.246.613, т.е. на два с половиной миллиона больше, чем в течение 70-х годов, и на 1 миллион с половиной больше, чем в 90-х годах. В 80-е годы главный прилив иммиграции шел из Великобритании и Се-

верной Европы, и тогда же начался прилив южной и восточной европейской иммиграции. Однако депрессия 1883—1885 г.г. имела одну характерную черту, которой она отличалась от других депрессий. Несмотря на падение цен, уменьшение прибыли и падение заработной платы, количество занятых рабочих не уменьшалось. 1885 год был еще тяжелым временем, легкое улучшение стало обнаруживаться лишь в течение последних месяцев этого года. 1886—1887 годы были периодом постепенного улучшения положения, а нормальные условия, можно сказать, возвратились приблизительно к половине 1887 г. За исключением Новой Англии ставки заработной платы, уменьшившиеся в течение плохих годов, вновь были завоеваны весной 1887 г.

1884 г. отмечен решительным провалом стачек. Они все фактически были направлены против уменьшения ставок заработной платы и добивались восстановления права организации. Наиболее значительными были стачки ткачей в Фолл-Ривере, печников в Трое, выделывателей сигар в Цинцинати и углекопов в Хокинг-Валли.

Провал стачки вызвал к жизни другое орудие рабочих — бойкот. В конце 1884 г., когда выяснилась неудача стачки, бойкот принял характер эпидемического явления. Бойкотистское движение проявилось в национальном масштабе, захватив Юг и Дальний Запад, а также Восток и штаты среднего Запада. Число бойкотистских кампаний в течение 1885 г. приблизительно в 9 раз превышает число 1884 г. Почти все эти бойкотистские кампании были проведены по инициативе или под руководством «Рыцарей труда».

Число стачек опять стало расти в течение второй половины 1885 г. Это совпало с началом улучшения общих условий промышленности. Стачка 1885 г. еще в большей мере, чем стачка предыдущего года, представляла собой стихийный взрыв неорганизованных масс.

Частые железнодорожные стачки характерны для рабочего движения 1885 г. Наиболее значительной из них была стачка на железной дороге Гульда в марте 1885 г. 26 февраля на Уобашской железной дороге было отдано распоряжение об уменьшении заработной платы на 10% рабочим мастерских. Подобное же уменьшение заработной платы было проведено в октябре 1884 г. в Миссури, Канзасе и Техасе. Две стачки на двух железных дорогах начались 27 февраля и 9 марта, и к стачечникам присоединились рабочие третьей гульдовской дороги — Миссури-Тихоокеанской во всех тех пунктах, где дороги соприкасались, всего забастовало 4.500 человек. Весь поездной персонал, т.е. машинисты, кочегары и кондуктора, поддерживали стачечников, и этот факт, более чем какой-либо другой, способствовал их скорой

победе. Были восстановлены старые ставки заработной платы, и стачечники были приняты обратно на работу. Но 6 месяцев спустя возникла новая стачка. Железная дорога, находившаяся тогда в руках правительственного «приемщика», уменьшала число рабочих железнодорожных мастерских в Моберли (Миссури) до самых ничтожных размеров, что фактически означало локаут членов «Рыцарей труда», и нарушала условия соглашения при ликвидации предыдущей стачки. Генеральный исполнительный комитет «Рыцарей труда» после слабой попытки добиться совещания с «приемщиком» объявил бойкот Уобашской дороге. Если бы это распоряжение было выполнено, то оно затронуло бы свыше 2.000 миль железнодорожного пути, и по своим размерам стачка стала бы равна великой железнодорожной стачке 1877 г. Но Джей Гульд не хотел рисковать и иметь всеобщую стачку на своих линиях в этот период времени. По соглашению между ним и исполнительным комитетом «Рыцарей труда» состоялась конференция этого комитета и управляющих железных дорог Миссури-Тихоокеанской и Уобашской, на которой «Рыцари» использовали свое влияние в пользу уступок рабочим. Джей Гульд уверял «Рыцарей труда», что он желал бы, чтобы при всяких недоразумениях рабочие обращались непосредственно к нему, что он верит в роль рабочих организаций и в возможность соглашения при всех затруднительных положениях и что он стремится всегда делать то, что справедливо. «Рыцари труда» потребовали увольнения всех новых рабочих, нанятых в уобашских мастерских с начала локаута, обратного принятия на службу всех уволенных рабочих, при чем вожакам должно было быть отдано преимущество, и обязательства, что в будущем не будет принято никаких мер против членов ордена. В конце концов на другой конференции было выработано соглашение, и «приемщик» Уобашской дороги согласился под давлением Джея Гульда издать приказ, уступающий требованиям членов ордена «Рыцарей труда». Вторая уобашская стачка имела то значение в истории железнодорожных стачек, что четыре братства (машинистов, кочегаров, вагоновожатых и кондукторов), в противоположность своему поведению во время первой уобашской стачки, отказались теперь оказать какую-нибудь помощь бастующим рабочим железнодорожных мастерских, несмотря на то, что многие из членов этих братств были в то же время и «Рыцарями труда».

Но гораздо более важное значение имело влияние стачки на общее рабочее движение. В одном случае рабочая организация впервые имела дело на равной ноге с более неорганизованными капиталистами страны. Она заставила Джея Гульда признать ее в качестве силы, равной ему

самому, — факт, который он признал, когда заявил о своей готовности подчиниться решению арбитражного суда во всех могущих возникнуть недоразумениях с рабочими. Угнетенные рабочие массы, наконец, нашли могучего борца за свои интересы. Все чувства озлобления, накопившиеся в течение двух лет депрессии вследствие повторяющегося понижения заработной платы и усиления порабощения предпринимателями, перешли теперь в стремление к организации под знаменем могущественных «Рыцарей труда». К естественной тенденции со стороны угнетенных к преувеличению могущества таинственного освободителя, который внезапно пришел к ним на помощь, прибавилось еще влияние сенсационных сообщений большой прессы. Газеты находили особенное удовольствие в преувеличении могущества и силы ордена.

В 1885 г. нью-йоркская газета «Sun» поручила одному из своих репортеров дать рассказ, иллюстрирующий могущество и цели «Рыцарей труда». Этот рассказ был перепечатан газетами и журналами по всей стране и сильно содействовал рекламированию «Рыцарей труда». Следующая выдержка может служить иллюстрацией господствовавшего тогда в публике представления о могуществе «Рыцарей труда».

«От пяти человек зависят в Соединенных Штатах главные интересы 500 тысяч рабочих. Они могут в каждый момент отнять средства существования у двух с половиной миллионов душ. Эти люди составляют исполнительный комитет «Благородного ордена рыцарей труда Америки». Право президента и кабинета министров увольнять всех чиновников и переводить с одного поста на другой служащих в армии и флоте является лишь незначительной властью в сравнении с властью этих пяти «рыцарей». Власть кардинала и епископов методистской церкви невелика и ограничена в материальной области в сравнении с властью этих пяти правителей.

«Они могут приостановить работу всех телеграфистов; могут приостановить функционирование фабрик, заводов и железных дорог. Они могут наложить запрещение на какие бы то ни было товары и заставить своих подданных перестать покупать их, а торговцев — перестать их продавать.

«Они могут восстановить рабочих против капиталистов, могут заставить рабочих начать оборонительную и наступательную войну, когда им это будет угодно».

Орден мог использовать эту рекламу там, где сказка о его великом могуществе могла привлечь большое внимание, а именно — в конгрессе. «Рыцари труда» взяли на себя руководство в агитации за запрещение

иммиграции законтрактованных рабочих. Проблема законтрактованного иммигрантского труда вскоре стала на очередь дня в 1884 г., когда такие рабочие часто использовались для срыва стачек.

Двадцать человек предстало пред комиссией для того, чтобы свидетельствовать в пользу законопроекта, из них все, кроме 2—3, принадлежали к «Рыцарям труда». Закон против законтрактованного труда, принятый конгрессом 2 февраля 1885 г., прошел исключительно благодаря усилиям «Рыцарей труда». Тред-юнионы оказали незначительную активную поддержку законопроекту, потому что для квалифицированных рабочих ввоз итальянских и венгерских рабочих не имел большого значения. С другой стороны, для ордена «Рыцарей труда» с его обширным контингентом неквалифицированных рабочих он был сильной угрозой. Принятие этого закона свидетельствует о политическом влиянии, которое оказывал орден уже в 1885 г.

Исходом гульдовской стачки 1885 г. и драматическим преувеличением могущества ордена на столбцах прессы в значительной степени объясняется та психологическая обстановка, которая вызвала великий под'ем 1886 г. Этот под'ем означал больше, чем простое ускорение темпа движения, начавшегося в предыдущие годы. Он обозначал появление на сцену нового класса, который до сих пор не находил себе места в рабочем движении, а именно — класса неквалифицированных рабочих. Все характерные черты драматических событий 1886—1887 г.г., в высшей степени лихорадочный темп роста организаций, волна стачек, охватившая все страны, в особенности стачка солидарности, широкое пользование бойкотом, почти полное уничтожение всех границ, разделявших рабочий класс, насилие и беспорядки, сопровождавшие движение, — все это были признаки великого движения класса неквалифицированных, которое в конце концов перешло в восстание. Это движение, поднявшееся в качестве стихийного протеста против гнета и унижения, могло быть лишь в слабой степени задержано каким бы то ни было соображением о целесообразности и разумности; оно также не могло быть задержано какими бы то ни было уроками, вынесенными из опыта. Но если происхождение и могущественный под'ем движения в значительной степени были стихийными, то лозунги, выставленные им, шли от существовавших тогда организаций, а именно тред-юнионов и «Рыцарей труда». Эти организации служили также в качестве запруд, в которых собиралась вода быстрых потоков, и если по временам казалось, что они должны рухнуть под их напором, они все же придавали форму и направление движению и отчасти успевали вводить порядок там, где господствовал хаос. В это великое массовое движение было внесено

впервые единство об'явлением на 1 мая 1886 г. стачки во имя 8-часового дня, которая должна была охватить всю страну.

Инициатива этой стачки принадлежала не ордену, а тред-юнионистам, и накануне стачки главные руководители «Рыцарей труда» заняли враждебную к ней позицию. Но если лозунг этот не вызвал энтузиазма у «Рыцарей труда», то тем не менее был радостно встречен в рабочих массах. Великий класс неквалифицированных и неорганизованных рабочих, привыкший смотреть на «Рыцарей труда», как на могучего освободителя рабочих масс от гнета, теперь жадно ухватился за это требование, дававшее повод для первой битвы между трудом и капиталом.

В марте агитация приняла широкие размеры. Главным аргументом за требование более короткого дня являлась необходимость найти работу для безработных. За исключением выделывателей сигар агитация велась локальными организациями. «Рыцари труда» в качестве организации фигурировали в данном случае в гораздо меньшей степени, чем тред-юнионы, и между последними на первом месте стояли строительные цехи и говорившие по-немецки мебельщики и выделыватели сигар. Но в самом начале стачки рабочее движение понесло тяжелый урон вследствие взрыва бомбы на Хаймаркетском сквере в Чикаго, в результате которого было убито и ранено множество полицейских. Этот взрыв был приписан анархистам.

Взрыв бомбы на Хаймаркетском сквере об'единил два движения, которые до того шли отдельно, несмотря на некоторое взаимное притяжение, ибо, хотя многие из «Рыцарей труда» во время под'ема движения прибегали к менее решительной тактике и не обращали внимания на теоретическое оправдание своей тактики, современные чикагские «анархисты» — самая многочисленная секция «Черного Интернационала» — выработали вполне законченную теоретическую систему. Синдикалистское течение и течение «Рыцарей труда» были родственными главами в революционном движении восьмидесятых годов. В сознательной или бессознательной форме этот синдикализм отличался крайне боевыми методами своей тактики, легкостью, с которой мелкие столкновения вырастали в большие стачки, охватывавшие много профессий и обширные территории, уклончивостью или категорическим отказом от соглашения с предпринимателями, хотя бы и временным, и, наконец, готовностью прибегать к насилию. В 1886 г. число членов Черного Интернационала равнялось приблизительно 5.000 или 6.000. Из этого числа около тысячи были говорившие по-английски. Обстановка динамитного покушения была следующая: стачечники устроили в Чикаго

вечером 3 мая митинг вблизи компании жатвенных машин Мак-Кормика. Около этого времени штрейкбрехеры, работавшие на этой фабрике, начали уходить домой, при чем они подверглись нападению со стороны стачечников. На место схватки прибыли полицейские в большом количестве, и, будучи встречены камнями, они начали стрелять, убили четверых и ранили многих рабочих. В тот же самый вечер Интернационал выпустил воззвание, в котором появилось слово «мечь», с призывом: «Рабочие, вооружайтесь и выступайте в полной готовности». На следующий день на Хаймаркетском сквере был устроен массовый митинг протеста, на котором выступили члены Интернационала. Полиция присутствовала на этом митинге в большом числе, и, когда полицейские образовали линию и подошли к толпе, неизвестная рука бросила бомбу в них, которой убила и ранила многих.

Нет необходимости здесь описывать период полицейского террора в Чикаго, истерическую позицию, занятую печатью, и паническое состояние, в которое впали жители города. (Нет также необходимости описывать детально судебные процессы и приговоры) вынесенные обвиненным. Достаточно сказать, что хаймаркетская бомба показала рабочему движению, чего оно может ожидать от публики и правительства, если оно прибегнет к насилию в революционных целях.

Несмотря на то, что динамитное покушение было приписано анархистам, а не вообще стачечникам, добивавшимся 8-часового дня, оно фактически понизило сочувствие публики к стачке и устрашающим образом повлияло на многих стачечников. Тем не менее считают, что не менее 340.000 рабочих участвовали в движении, 190.000 фактически бастовали, из них лишь 42.000 достигли успеха, и 150.000 добились более короткого рабочего дня, не прибегая к стачкам. Таким образом, общее количество, которое добилось с помощью стачки или без нее 8-часового рабочего дня, было приблизительно несколько менее 200.000. Но даже и те, которые достигли успеха для данного момента с помощью забастовок или без них, вскоре потеряли плоды своей победы, и в январе 1888 г. выяснилось, что лишь около 15.000 рабочих сохранили более короткий рабочий день при прежней заработной плате.

Ни в какой другой период своей истории американское рабочее движение не переживало такого сильного стремления к организации, как во второй половине 1885 г. и в течение 1886 г. В 1886 г. количество членов рабочих организаций было исключительно велико и впервые приближалось к миллиону. «Рыцари труда» насчитывали 700.000 членов, а тред-юнионы, по крайней мере, 250.000, при чем первая организация состояла, главным образом, из неквалифицированных рабочих, а послед-

ние из квалифицированных. В организацию «Рыцарей труда» в очень короткое время, в течение нескольких месяцев, вошло свыше 600.000 новых членов, и организация, вместо 1.610 локальных собраний со 104.066 членами в июле 1885 г., имела 5.892 собрания с 702.924 членами в июле 1886 г. Наибольший рост числа членов имел место после 1 января 1886 г. В штате Нью-Йорк в июле 1886 г. было около 110.000 членов, в Пенсильвании—95.000, Массачузетсе—90.000 и в Иллинойсе—32.000.

В штате Иллинойс, относительно которого имеется за этот год детальная информация, было 204 локальных собрания с 34.974 членами. 149 собраний были смешанные, т. е. они включали в свой состав членов различных профессий, а также и неквалифицированных рабочих, и лишь 55 собраний носили цеховой характер. По своему происхождению члены делились следующим образом: 45 % американцев, 16 % немцев, 13 % ирландцев, 10 % британцев, 5 % скандинавцев и остальных 2 %. Тред-юнионы также приобрели много новых членов, но в значительно меньшей пропорции.

Наибольшего количества число членов достигло осенью 1886 г., но в первые месяцы 1887 г. обнаружилась реакция. К 1 июля число членов ордена уменьшилось до 510.351. Отчасти этот регресс можно объяснить естественной реакцией в среде широкой массы населения, внезапно втянутой в движение без всякого предварительного опыта, но более непосредственная причина реакции шла со стороны предпринимателей. Пользуясь прошлыми уроками, они организовали сильную ассоциацию. Главной целью этих предпринимательских организаций было уничтожение «Рыцарей труда». Они были организованы по секциям и в национальном масштабе. В мелких городах, где могущество «рыцарей» было особенно велико, все предприниматели, независимо от отрасли промышленности, объединились в одну ассоциацию. Но в больших промышленных центрах, где преобладали богатые корпорации, ассоциации составлялись из предпринимателей одной и той же отрасли промышленности. Для достижения своей цели эти ассоциации широко пользовались локаутом, черными списками, вооруженной охраной и сыщиками. Очень часто они заявляли, что соглашение, заключенное ими с орденом, является контрактом, подписанным под угрозой. Отношение к «Рыцарям труда», проявленное на гульдовской железной дороге на юго-востоке в начале 1886 г., как бы служило предзнаменованием для той ситуации, которая образовалась во второй половине 1886 и в 1887 г.

Как выше уже было сказано, при улаживании стачки на гульдовской железной дороге в марте 1885 г. рабочих уверяли, что дорога не будет преследовать «Рыцарей труда». Однако более мелкие чиновники

дороги прибегли к ряду преследований, которые вызвали среди рабочих состояние беспокойства. Особенно большое беспокойство возбудило увольнение мастера, члена организации «Рыцарей труда», работавшего в вагоностроительной мастерской в г. Маршале на железной дороге Техас—Тихий океан, незадолго перед тем перешедшей в руки представителя правительства. В результате 1 марта 1886 г. вспыхнула стачка на протяжении всей дороги. Необходимо, однако, отметить, что «Рыцари труда» сами задумывали открыть наступательные действия за два месяца до стачки. Окружное собрание № 101, организация, охватившая рабочих юго-восточной железнодорожной сети, устроила конференцию 10 января и решила: руководителям организации об'явить стачку в такой момент, который они найдут удобным для выставления двух следующих требований: 1) формальное признание ордена и 2) заработная плата в 1 доллар 5 центов для неквалифицированных. Последнее требование особенно характерно для «Рыцарей труда» и для чувства рабочей солидарности, преобладавшего в движении. Но, очевидно, организация предпочитала начать движение под лозунгом протеста против преследования ее членов. Другой особенностью этой стачки, отмечавшей как бы наступление новой эры, была та легкость, с которой она вызвала стачку солидарности на Миссури-Тихоокеанской железной дороге и на всех других, связанных с нею линиях. Стачка вспыхнула одновременно по всей железнодорожной сети 6 марта. Она охватила более 5.000 миль железнодорожных путей, расположенных в Миссури, Канзасе, Арканзасе, Индейской территории и Небраске. Стачечники не ограничились простой борьбой со штрейкбрехерами, но фактически овладели всей собственностью железной дороги и путем систематической порчи машин остановили весь грузовой транспорт. Число рабочих, принимавших активное участие в стачке, приближалось к 9.000, включив фактически всех рабочих железнодорожных мастерских. Машинисты, кочегары, вагоновожатые и кондуктора не принимали активного участия в стачке. Стачечникам приходилось посредством угрозы принуждать их покинуть свои посты.

Вождь движения, некий Мартин Айронс, точно отражал настроение стачечников. Несмотря на личную его честность, он вел себя деспотически. Как он сам, так и его сторонники видели в стачке не просто более или менее сильное средство для вынуждения предпринимателей к заключению более выгодного контракта, но крестовый поход против капитала. Поэтому всякие компромиссы были исключены.

Между Джейм Гульдом и Поудерли велись переговоры о передаче конфликта на решение третейского суда, но переговоры кончились

неудачей, и после двух месяцев спорадического насилия стачка сама собой рассеялась и закончилась. Она оказала, однако, глубокое впечатление на психику публики, немного меньше, чем то, которое было произведено великой железнодорожной стачкой 1877 г., и для исследования всего дела конгресс назначил комиссию. Конфликты в течение второй половины 1886 г. заканчивались большею частью весьма неудачно для рабочих. Число рабочих, принимавших участие в движении в течение этих шести месяцев, дошло до 97.300. Из них около 75.300 были выброшены на улицу во время девяти больших локаутов, и 54.000 из них потерпели поражения в их борьбе с ассоциациями предпринимателей.

Наиболее значительные локауты были следующие: 15.000 рабочих прачечных были локаутированы в г. Трое (шт. Нью-Йорк) в июне месяце; 20.000 рабочих упаковочных фирм — в Чикаго и 20.000 вязальщиков — в Кагосе (штат Нью-Йорк), и те и другие в октябре.

Локаут чикагских рабочих-мясников привлек к себе наибольшее внимание. Эти рабочие получили в мае 8-часовой день без стачки. Спустя короткое время, по инициативе «Армаура и К^о», предприниматели образовали ассоциацию предприятий, изготовляющих мясные консервы, и в начале октября объявили рабочим о возвращении к 10-часовому дню, начиная с 11 октября. Они оправдывали этот поступок тем, что они, мол, не могут конкурировать с Цинцинати и Канзас-Сити, где рабочие продолжали работать 10 часов. 8 октября рабочие, организованные в окружных собраниях №№ 27 и 54, прекратили работу, и тогда начался памятный всем локаут. Ассоциация фирм, изготовляющих мясные консервы, отклонила все компромиссные предложения, и 18 октября рабочим отдано было распоряжение работать 10 часов в день. Но октябрьский конфликт, для которого характерно полное отсутствие злобного настроения со стороны рабочих и который был одним из наиболее мирных конфликтов в течение этого года, был в действительности лишь прелюдией ко второму конфликту, вспыхнувшему на предприятии «Свифт и К^о» 2 ноября и принявшему общий характер 6 ноября. Рабочие требовали возвращения к 8-часовому дню, но ассоциация предпринимателей, которая присоединилась теперь также к фирме «Свифт и К^о», раньше державшаяся в стороне, не только отклонила предложение об отказе от 10-часового дня, но заявила, что она не будет принимать на работу в будущем «Рыцарей труда». «Рыцари труда» ответили наложением бойкота на мясо фирмы «Армаур и К^о». Поведение рабочих не было уже таким мирным, как раньше, и предприниматели приняли экстренные предосторожности, потребовав от губернатора прислать два полка ми-

лиции в добавление к нескольким стам пинкертоновских сыщиков, находящихся на службе ассоциации. По всем вероятностям, рабочие постепенно одерживали победу над предпринимателями, ибо 10 ноября ассоциации консервных предприятий отказались от своего решения о непринятии на службу «рыцарей». Но вдруг 15 ноября, как гром с ясного неба, прибыла телеграмма от гросмейстера-работника Поудерли, приказывавшего рабочим возвратиться обратно на работу. Поудерли отказался принять во внимание доклады членов главного исполнительного комитета, бывших на месте, но, по их словам, руководствовался в своих действиях советом одного священника, который обратился к нему с призывом прекратить стачку и таким образом положить конец страданиям рабочих и их семейств.

Нью-Йорк был свидетелем еще более характерной для «Рыцарей труда» стачки, притом гораздо более значительной. Эта стачка началась с двух незначительных отдельных стачек: со стачки грузчиков угля в портах Джерси, снабжающих Нью-Йорк углем, и со стачки грузчиков в Нью-Йорке. Обе стачки начались 1 января 1887 г. 85 грузчиков угля, работавших на Филадельфийско-Ридингской железной дороге, члены ордена «Рыцарей труда», забастовали против уменьшения заработной платы, и к ним присоединились уборщики, выставившие свои собственные требования. Вскоре стачка перебросилась на другие железные дороги, и число бастовавших грузчиков угля достигло трех тысяч. Стачка докеров началась с 200 человек, работавших у пароходной компании «Олд-Доминион». Они забастовали в знак протеста против уменьшения заработной платы и найма дешевых рабочих понедельно. Стачечники не были организованы, но Океанская ассоциация, секция «Рыцарей труда», взяла на себя руководство стачкой, при чем ей помогал союз докеров. Обе стачки вызвали вскоре целый ряд стачек солидарности родственных профессий и в конце концов слились в одну. Океанская ассоциация об'явила бойкот грузам компании «Олд-Доминион», и все союзы докеров повиновались этому распоряжению. Интернациональный союз лодочников отказал в разрешении пользоваться их лодками для перевозки «штрейкбрехерского угля», а также в разрешении своим членам управлять лодками компании. Докеры присоединились к лодочникам и отказались грузить уголь. Тогда грузчики зерна на элеваторах в свою очередь отказались нагружать зерном те суда, на которых имелся штрейкбрехерский уголь. Докеры решили тогда приостановить работы на судах, получивших штрейкбрехерский уголь, и в конце концов они решили совсем приостановить всякого рода работу в гавани, пока конфликт не будет улажен. Бунтовской дух перебросился на

большое количество грузчиков, работавших для железной дороги по берегу реки, так что в последнюю неделю января число стачечников в Нью-Йорке, Бруклине и Нью-Джерси достигло приблизительно 28.000 человек.

11 февраля Август Корбин, председатель правления Филадельфийско-Ридингской железнодорожной компании, опасаясь стачки углекопов, работавших в шахтах, принадлежавших этой железной дороге, положил конец стачке путем возвращения 85 грузчикам угля, которые забастовали первыми, их прежней тарифной ставки. «Рыцари труда» вынуждены были согласиться на такое тривиальное разрешение конфликта по двум причинам: во-первых, стачка грузчиков угля, сильно поднявшая цену на уголь, была очень непопулярна, и, во-вторых, стачка сама по себе уже начинала ослабевать. Пивовары и механики, которым почему-то было отдано распоряжение забастовать в знак солидарности, отказались повиноваться. Поскольку дело касалось грузчиков угля, работавших в других компаниях, докеров и многих тысяч рабочих, участвовавших в стачках солидарности, то они фактически ничего не выиграли для себя самих. Рабочие тысячами стали возвращаться на работу, и вся стачка потерпела крах.

Решительное нападение и упорное сопротивление предпринимательских ассоциаций после стачек мая 1886 г., а также и явная некомпетентность руководителей рабочих вызвали ослабление рабочего движения в первой половине 1887 г. Это, однако, обнаружилось в течение 1887 г. исключительно в больших городах, где движение зародилось в форме восстания класса неквалифицированных рабочих, и где происходили ожесточенные битвы с предпринимателями. Окружное собрание № 49 г. Нью-Йорка, насчитывавшее в июне 1886 г. 60.809 членов, в июле 1887 г. имело только 32.826 членов. В течение этого же периода времени число членов окружного собрания № 1 г. Филадельфии упало с 51.557 до 11.294, и число членов окружного собрания № 30 г. Бостона упало с 81.197 до 31.674. В Чикаго непосредственно перед стачкой рабочих консервных фабрик в октябре 1886 г. имелось около 40.000 «Рыцарей труда», а к 1 июля 1887 г. их осталось лишь 17.000. Число членов всего ордена фактически уменьшилось приблизительно до 191.000 чел., при чем уменьшение падало, главным образом, на десять больших городов. В то же самое время число членов самых малых окружных собраний, находившихся большей частью в малых городах, оставалось стационарным, и были даже основаны 37 новых окружных собраний, большей частью в сельских местностях. Вдобавок были созданы штатные собрания в Алабаме, Флориде, Георгии, Индиане, Канзасе, Мисси-

сити, Небраске, Восточной Каролине, Огайо, Западной Виргинии, Висконсине, приблизительно по 2.000 членов в каждом.

Таким образом становится ясным, что к середине 1887 г. великий подъем неквалифицированных и полуквалифицированных слоев рабочего класса уже потерпел поражение при столкновении с силой объединенных предпринимателей, вследствие непригодности своих собственных организаций. После 1887 г. «Рыцари труда» потеряли свои позиции в крупных городах с их более сознательным и в значительной степени иностранным населением и стали, главным образом, организацией сельского населения — ремесленников, мелких торговцев и фермеров, т.-е. того класса населения, которое было более или менее чисто американского происхождения и обладало мелкобуржуазной психологией. Промышленный подъем в середине восьмидесятых годов имел так же, как и великая стачка 1877 г., политический отголосок. Хотя последний был услышан по всей стране, он громче всего прозвучал в городе Нью-Йорке, где ситуация была усложнена судебным вмешательством в борьбу рабочих.

Локальные собрания «Рыцарей труда» объявили бойкот против некоего Джорджа Тейса, владельца сада-ресторана. Тейс сначала подчинился и уплатил штраф в тысячу долларов рабочей организации, но затем подал в суд жалобу на руководителей организации, обвиняя их в вымогательстве путем упроз. Судья Джордж Баррет в своей речи к присяжным допускал, что стачка, уговоры штрейкбрехеров и бойкот суть деяния, не запрещенные законом, если они не сопровождаются применением силы или угрозами. Но в данном случае действия «пикетов», советовавших прохожим не ходить в ресторан и раздававших объявления о бойкоте, составляли угрозу. Следовательно, так как штраф в тысячу долларов был уплачен под влиянием страха, внушенного угрозой продолжать незаконное нанесение вреда Тейсу посредством бойкота, то случай этот являлся вымогательством, предусмотренным уголовным кодексом. При этом не составляет разницы, были ли присвоены деньги обвиняемыми для личного пользования, или они были переданы для их организации. Присяжные, отражавшие общее мнение против бойкотов, нашли всех пятерых обвиняемых виновными в вымогательстве, и судья Баррет приговорил их к тюрьме на срок от 1 года и 6 месяцев до 3 лет и 8 месяцев.

Дело Тейса, случившееся вскоре после поражения движения за 8-часовой рабочий день, сильно ускорило рост и стремление к созданию независимой рабочей партии. Нью-Йоркский центральный рабочий союз, наиболее известная и наиболее влиятельная организация этого

рода в стране, в тот период времени насчитывавшая от 40.000 до 50.000 членов, стала во главе движения, в котором приняли участие как социалисты, так и несоциалисты. Генри Джордж, родоначальник движения в пользу единого налога, был выставлен в качестве депутата от рабочей партии в мэры г. Нью-Йорка, при чем ему было дано разрешение выставить свою собственную платформу. Требования рабочих были следующие: реформа судебной процедуры в таком духе, чтобы «набор присяжных из одного класса был прекращен, и было уничтожено требование имущественного ценза для присяжных»; прекращение вмешательства полиции в мирные собрания; проведение в жизнь законов о безопасности и санитарной инспекции зданий; уничтожение законтрактованного труда в общих работах и, наконец, одинаковая оплата за одинаковую работу без различия пола.

Кампания Джорджа носила больше характер религиозного возрождения, чем политической избирательной кампании. Она явилась кульминационным пунктом великого под'ема рабочего движения. Энтузиазм трудящихся масс достиг своей высшей точки. Трудящиеся думали, что хотя они и были побеждены в своей экономической борьбе, они теперь приближаются к победе в борьбе за политическую власть. Массовые митинги были многочисленны и сильно посещались. Большинство из них происходило на открытом воздухе, обыкновенно на углах улиц. Мужчины и женщины собирались сотнями, а иногда и тысячами вокруг грузовиков, где сменяющие друг друга ораторы говорили к толпе. В качестве ораторов выступали добровольцы, в том числе представители либеральных профессий, адвокаты, врачи, учителя, священники и рабочие вожди. На подобных массовых митингах Генри Джордж выступал по нескольку раз в течение вечера, однажды даже 11 раз. Главными темами его речей были: единый налог и господствовавшая политическая подкупность. Против Джорджа и его сторонников вела травлю могущественная печать города Нью-Йорка, против них было направлено политическое могущество старых партий и все влияние предпринимательского класса. Оппонентами Джорджа были Абрам С. Гевит, анти-тамманистский демократ, которого Таммани выставила в качестве своего кандидата в этом затруднительном положении, и Теодор Рузвельт, известный тогда лишь в качестве смелого молодого политика.

Голосование дало следующие результаты: 90.000 за Гевита, 68.000 за Джорджа, 60.000 за Рузвельта. Имеются основания думать, что при подсчете Джордж был обсчитан на несколько тысяч голосов. Сотрудник нью-йоркской газеты «Sun» произвел достойное доверия расследование относительно того, кто подал голоса за Генри Джорджа. Он пришел

к заключению, что большинство из них были не только рабочими и служащими, но вместе с тем и натурализованными иммигрантами, большею частью ирландцами, немцами и чехами. В то время, как ирландцы разделились между Джорджем и Гевитом, большинство немцев перешло на сторону Генри Джорджа. Результат голосования был встречен Джорджем и его сторонниками как победа, и этот взгляд был принят также и общей печатью.

Несмотря на это многообещающее начало, политическое рабочее движение вскоре потерпело участь всех реформистских политических движений. Сила новой партии расплылась в доктринерской фракционной борьбе между сторонниками единого налога и социалистами. Тред-юнионистский элемент был разочарован и потерял интерес к движению, так что на следующих выборах в штате, на которых Джордж был выставлен кандидатом на пост министра штата, число голосов, поданных за него в городе, упало до 37.000, а во всем штате равнялось лишь 72.000. Так закончилось политическое рабочее движение в Нью-Йорке.

Вне Нью-Йорка политическое рабочее движение не было связано ни с единым налогом, ни с какими-нибудь другими «измами». Так же, как и в Нью-Йорке, оно явилось стихийным выражением недовольства, вызванного банкротством стачек. Движение одержало победу в Милльвоки, где прошел выставленный им кандидат в мэры, и в Чикаго, где оно собрало 25.000 голосов из 92.000, поданных за всех кандидатов. Но так же, как и в Нью-Йорке, оно распалось, не оставив постоянного следа.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПОБЕДА ЦЕХОВОГО ЮНИОНИЗМА И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ БАНКРОТСТВО ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ.

Мы теперь подходим к наиболее замечательному пункту этого великого под'ема: к борьбе не на жизнь, а на смерть между двумя противоположными принципами рабочей организации, между двумя противоположными рабочими программами. Период под'ема дал практический ответ, в котором нуждалось рабочее движение для того, чтобы сделать сознательный выбор между соперничавшими тенденциями «Рыцарей труда» и тред-юнионистов. Спор шел, главным образом, о «структуре», т.-е. о различии между цеховыми «автономистами» и теми, которые хотели, чтобы рабочие были организованы централистически. Ввиду того, что вопрос о «структуре» в течение восьмидесятих годов оказался крайне фракционным вопросом, рабочее движение и осталось таковым до сих пор. Было бы хорошо в этом месте дать краткий обзор развития организационных форм рабочего движения с самого начала и попытаться связать их с другими значительными моментами.

Первые общества сапожников и печатников были чисто местного масштаба, и связь между локальными союзами не шла дальше слабых попыток сноситься по вопросу о конкуренции со стороны путешествующих поденщиков. При случае они переписывались по профсоюзным делам, извещая друг друга о своих целях и о характере выставляемых ими требований или обмениваясь братскими приветствиями. Большею частью они сносились друг с другом в целях противодействия объявлениям предпринимателей, искавших поденщиков, или для извещения об исключении из состава организации нечестных членов и так называемых штрейкбрехеров. Это большей частью относится к печатникам. Сапожники, несмотря на острый конфликт со своими предпринимателями, еще меньше работали в этом направлении. Цеховая ассоциация филадельфийских квалифицированных ра-

бочих, о которой говорилось выше, как о первой федерации профессий в Соединенных Штатах, если не всего мира, была организована в 1827 г., в результате движения солидарности со столярами, бастовавшими за 10-часовой день. В течение периода процветания промышленности локальная федерация профессий, называвшаяся «союзом профессий», занимает центральное место в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне и появляется даже далеко на Западе—в Питтсбурге, Цинцинати и Луисвиле. Устав Нью-Йоркского союза профессий требовал, между прочим, чтобы каждое общество платило ежемесячный налог в шесть с половиною центов за каждого члена, который должен идти в стачечный фонд. Впоследствии, когда число стачек увеличилось, союз ограничил право требовать помощи в случае стачки и назначил постоянный комитет для посредничества.

В 1835 году он обсуждал план обмена рабочей силой. Устав Филадельфийского союза требовал, чтобы вопрос об объявлении стачки решался большинством $\frac{2}{3}$ голосов, и лишь в этом случае гарантировалась поддержка.

Национальный союз профессий, федерация городских союзов профессий, в период 1834—1836 г.г. явился дальнейшей степенью развития той же самой идеи. Его первый и второй съезды преимущественно занимались теоретическими вопросами. На последнем съезде была, однако, принята характерная резолюция, требующая от цеховых обществ соблюдения одинаковой политики заработной платы по всей стране; если предприниматели объединятся для того, чтобы оказать сопротивление этому, то юнионы должны объявить всеобщую стачку.

Последний съезд 1836 г. пошел гораздо дальше предыдущего съезда в своих планах относительно объединения рабочих страны. Прежде всего съезд позаботился о создании национального фонда, который должен был быть собран путем налога в два цента в месяц на каждого из членов тред-юнионов и локальных обществ. Программа Национального союза профессий, носившая раньше характер совета, стала обязательной. Но раньше, чем новая программа могла быть испытана на практике, все тред-юнионистское движение, как мы знаем, замерло в результате промышленной паники.

Городской союз профессий тридцатых годов соответствовал создавшейся тогда ситуации. Результаты расширения рынка заметно сказались на рынке труда и слабо отразились на товарном рынке. Угроза конкуренции для рабочих являлась со стороны низко оплачиваемых внегородских квалифицированных рабочих, а не со стороны внегородского продукта, сфабрикованного при более низко оплаченном труде и

продающегося на том же самом рынке, как и продукты труда организованных рабочих. При этих условиях было вполне достаточно местного цехового общества, подкрепленного городской федерацией профессий. Более того, «союз профессий» служил также и в качестве источника резервной энергии.

Двадцать лет спустя вся ситуация изменилась. Пятидесятые годы были десятилетием экстенсивного строительства железных дорог. До пятидесятых годов водный транспорт преобладал над железными дорогами. После шестидесятых годов относительное значение сухопутного и водного транспорта изменилось в обратную сторону. Наиболее важными железнодорожными линиями, построенными в течение пятидесятых годов, были восточная и западная товарные линии. Шестидесятые годы были отмечены строительством сквозных линий для грузового транспорта и соединения соприкасающихся линий. Сквозные товарные линии весьма усилили товарный транспорт и благодаря соединению линий стали вдвое более производительными.

Транспортные артели таким образом распространились с восточного берега на долину Миссисипи. Значение местных рынков очень сильно упало. Конкуренция приняла более серьезную форму и угрожала на расстоянии. Локальные союзы уже не удовлетворяли нужд рабочих. Вследствие того, как мы видели, в рабочем движении шестидесятых годов национальные тред-юнионы играли наиболее важную роль.

В течение шестидесятых годов имелось четыре различных разряда причин, способствовавших «национализации» тред-юнионизма. Два разряда возникли в результате изменений в транспорте, другие два — независимо от этих изменений. Первой и наиболее значительной причиной, как это было в случае с литейщиками, была конкуренция продуктов различных местностей, продававшихся рядом друг с другом на том же самом рынке. Печи, сделанные в Альбани (шт. Нью-Йорк), выставлялись теперь в Сент-Луисе рядом с печами, сделанными в Детройте. Литейщики в Альбани никоим образом не могли быть равнодушны к судьбе своих товарищей по профессии в Луисвиле. Превращением своей организации в национальную литейщики стремились расширить ее до крайних пределов. Для того, чтобы союзные условия удержались даже в наилучше организованных центрах, стало необходимо уравнивать условия работы в различных местностях. Это привело к образованию хорошо объединенной национальной организации, целью которой был контроль над условиями работы, над распорядками внутри профессий и руководство стачками. В других отраслях промышленности, где продукты все еще конкурировали только в пределах определенной местности, «стремление

к национализации» объяснялось более интенсивной борьбой за места между приезжающими и внегородскими поденщиками и организованными в местном масштабе квалифицированными рабочими. Этим объясняется положение в печатном деле, где главную массу работы давала газета, а не книга. Согласно с этим печатники не нуждались в том, чтобы должностные лица их национального союза занимались чем-либо другим, кроме контроля над путешествующими и поденщиками, и в результате локальный союз на практике оставался независимым.

Третьей причиной концентрированного национального действия в тред-юнионистском движении являлась организация предпринимателей. Там, где сила локального союза начинала угрожать ассоциации предпринимателей, ближайшим логическим шагом было объединение предпринимателей в национальный союз.

Четвертой причиной было применение машин и введение разделения труда, которое раскалывало старые отрасли промышленности и приводило к наводнению промышленности иммигрантами. Сапожная промышленность, достигшая в течение шестидесятых годов фабричной стадии, иллюстрирует этот факт самым поразительным образом. Некоторые другие отрасли промышленности в течение этого периода испытали нечто вроде тех же изменений.

Конечно, ни одна из перечисленных причин «национализации» не действовала в полной изоляции от других. В некоторых отраслях промышленности имели доминирующее значение одни причины, в других отраслях промышленности другие причины. В результате, в некоторых отраслях промышленности национальный союз походил на агломерацию слабо объединенных государств, каждое из которых сохранило право независимого действия и ждет от своих союзников не более, как благосклонного нейтралитета. В других отраслях промышленности, наоборот, национальный союз имел верховное право объявления экономической войны и заключения мира и даже претендовал на абсолютное право формулировать гражданские законы в своей отрасли промышленности во времена промышленного мира. >

Национальный тред-юнион был, следовательно, ответом на ставшую явной и спешной необходимость. Как бы медленно и совершенно ни могло идти приспособление внутренней организации к условиям промышленности, все-таки возможность ошибок была сильно ограничена благодаря этому. Но не так обстояло дело со следующим шагом, а именно с национальной федерацией профессий. Мы видим, как в шестидесятых годах национальные тред-юнионы объединились с другими местными и смешанными рабочими организациями в Национальный рабочий союз

на политической платформе требования 8-часового рабочего дня и «гринбекизма».

В 1873 г. эти же национальные юнионы подтвердили свой отказ от панацей и политической программы путем попытки создать на национальном рабочем конгрессе федерацию профессий строго экономического характера. Промышленная паника и депрессия уничтожили это движение. Когда тред-юнионизм ожил в 1879 г., национальные тред-юнионы возвратились к идее создания национальной федерации труда, но теперь они следовали образцу британского тред-юнионистского конгресса, организации, которая ставит своей задачей обеспечение законодательных интересов британских рабочих. Так создалась в 1881 г. «Федерация организованных профессий и рабочих профсоюзов Соединенных Штатов и Канады».

Легко понять, почему союзы начала 1880 г. не чувствовали необходимости в создании федерации на экономической почве. Нынешние тред-юнионы возлагают на Американскую федерацию труда выполнение важных экономических функций; следовательно, она является экономической организацией. Эти функции состоят в оказании помощи национальным тред-юнионам, в организации их профессий, в разборе конфликтов между юнионами, что требует установления общей «юрисдикции» и концентрированного действия в вопросах социального значения, как, например, в борьбе за более короткий рабочий день, против «открытой мастерской» или в проведении бойкота. Ни одна из этих функций не имела реального значения для тред-юнионов начала восьмидесятых годов. Будучи созданы в пределах точно определенных профессий, не затронутых техническими изменениями, они не имели конфликтов юридического характера. Работая в период процветания промышленности при полном отсутствии безработицы и росте заработной платы, они чувствовали необходимость в концентрированных выступлениях; эра же бойкотов еще не началась. Что же касается вопроса об общей агентуре для выполнения организационной работы, то тред-юнионы начала восьмидесятых годов не имели особенного желания организовать кого бы то ни было, кроме квалифицированных рабочих, и так как конкуренция рабочих в малых городах еще не дала себя почувствовать, то каждый национальный тред-юнион стремился организовать сначала рабочих своей собственной профессии в более крупных городах—функция, для которой хватало ее собственных средств.

Новая организация 1881 г. представляла собой слабо объединенную федерацию юнионов квалифицированных и неквалифицированных ра-

бочих с законодательным комитетом во главе. Членом этого комитета от выделятелей сигар состоял Самуэль Гомперс. Платформа федерации носила чисто законодательный характер и требовала признания тред-юнионов законом, принудительного обучения детей, запрещения работы детей моложе 14 лет, единообразного закона об ученичестве, проведения в жизнь в национальном масштабе 8-часового рабочего дня, реформы тюремного труда, отказа от применения законов о заговоре к рабочим организациям, учреждения национального бюро рабочей статистики, покровительственного тарифа для американских рабочих, закона против ввоза в Америку законтрактованного труда, и рекомендовала «всем организациям квалифицированных и неквалифицированных рабочих добиться собственного представительства во всех законодательных учреждениях посредством избирательной урны и использовать все честные средства, с помощью которых этот результат может быть достигнут». Федерация союзов квалифицированных и неквалифицированных рабочих Соединенных Штатов и Канады, несмотря на свое близкое родство с нынешней Американской федерацией труда с точки зрения хронологии и личного состава руководителей, в действительности была предшественницей нынешних штатных федераций труда, которые в качестве специализированных частей национальной федерации занимаются теперь рабочим законодательством.

Два или три года спустя стало очевидным, что федерация в качестве законодательной организации обанкротилась. Очевидно, тред-юнионы не проявляли большого интереса к национальному законодательству. Их индифферентность в этом отношении может быть иллюстрирована тем фактом, что ежегодный доход федерации никогда не превышал 700 долларов, и что, за исключением 1881 г., ни на одном из ее с'ездов не было представлено более одной четверти всех членов тред-юнионов по всей стране. При таких условиях законодательное влияние федерации, естественно, было ничтожным. Законодательный комитет выполнял инструкции с'езда 1883 г. и передал национальным комитетам республиканской и демократической партий требование о том, чтобы они определили свои позиции в отношении проведения в жизнь 8-часового дня и других мероприятий. На эти письма не было даже дано ответа. Тогда подкомиссия законодательной комиссии появилась на этих двух политических с'ездах, но и там им было уделено не больше внимания.

Лишь тогда, когда большинство национальных тред-юнионов очутилось под угрозой насильственного поглощения орденом «Рыцарей труда», появился базис для создания сильной федерации.

Орден «Рыцарей труда» был построен на принципе, противоположном тому, на котором были созданы национальные тред-юнионы. В то время, как последние начали с независимых цехов и затем, как мы видели, пытались построить нечто вроде общей надстройки, которая должна была служить выражением высшей солидарности труда, первая была создана с самого начала на отрицании цеховых границ и на идее абсолютного единства всех слоев рабочего класса под одной руководящей рукой. Подразделение было территориальным, вместо профессионального, а управление орденом было централизовано.

Устав ордена «Рыцарей труда» был написан в 1878 г., когда орден отбросил нелегальную форму деятельности, к которой он прибегал с момента своего основания в 1869 г. Низшей ячейкой организации было локальное собрание десяти или более членов, при чем $\frac{3}{4}$ из них по уставу должны были быть наемными рабочими каких бы то ни было профессий. Над «локальным собранием» стояло «окружное собрание», а над ним «генеральное собрание». Окружное собрание имело абсолютную власть над своими локальными собраниями, а генеральное собрание получило полную и окончательную юрисдикцию в качестве «верховного трибунала» ордена. В промежуток между сессиями генерального собрания власть передавалась главному исполнительному комитету, в котором председательствовал гросмейстер-работник.

Орден «Рыцарей труда» на практике выполнял ту идею, которую теперь так ревностно проповедуют революционные юнионисты, а именно — идею «единого великого союза», ибо он открыто стремился объединить в одну организацию «всех производственных рабочих». Проведение этой организационной идеи облегчалось слабостью тред-юнионов в течение долгого периода депрессии семидесятых годов, которая вызвала у многих надежду, что можно получить лучшие результаты путем всеобщего объединения рабочих. Но ее сила, главным образом, покоилась на том взгляде, что машинная техника стремится покончить со всеми профессиональными подразделениями путем сведения всех рабочих к уровню неквалифицированных надсмотрщиков над машиной.

Первыми, кто попытался расширить проблему приспособления фабричной системы к машинной технике, были сапожники. Они организовали в 1867 г. орден «Рыцарей святого Криспина», главным образом, в целях уничтожения угрозы конкуренции со стороны неквалифицированных рабочих, приставленных к работе на сапожных машинах. В период наибольшего своего роста орден Криспина насчитывал около 50.000 человек и являлся, быть может, в то время самым большим профессиональным союзом во всем мире. Бондарям начала угрожать ма-

шинная техника около середины шестидесятых годов; приблизительно в это самое время также и механики и кузнецы увидели, что их профессия падает в результате введения принципа стандартизированных частей и массового производства машинным способом. Из этих профессий вышли национальные лидеры «Рыцарей труда», самые ярые защитники нового принципа рабочей организации, а также и интересов неквалифицированных рабочих вообще. Конфликт между тред-юнионами и «Рыцарями труда» превратился в вопрос о неквалифицированных рабочих. В начале восьмидесятых годов этот конфликт не имел большого практического значения. Тред-юнионы были на практике гораздо более сильными организациями, и они не чувствовали особой опасности, когда «Рыцари труда» здесь и там образовывали «собрания» или вмешивались в сферу влияния какого-либо тред-юниона.

Когда в 1884 году начался период великого подъема, и в орден стали вступать сотни тысяч полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих, создалась новая ситуация. Лидеры «Рыцарей труда» поняли, что одного лишь количества недостаточно для того, чтоб победить предпринимателей, и что контроль над квалифицированными рабочими, а следовательно и над наиболее важными в стратегическом отношении профессиями, был необходим для того, чтобы неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие могли надеяться на победу. Поэтому параллельно с поразительным ростом организации «рыцарей» в 1886 г. были сделаны большие усилия для того, чтобы поглотить существующие тред-юнионы с целью использовать их в интересах менее квалифицированных элементов. Это-то, главным образом, и вызвало резкий конфликт между «рыцарями» и тред-юнионами в течение 1886 и 1887 г.г.

Ни соперничество, вызванное успехом профессиональных союзов, ни, наоборот, противоположные стремления рабочей солидарности и цехового сепаратизма не дают правильного объяснения причин этого конфликта. Борьба происходила между группами, существовавшими внутри рабочего класса, где маленькая, но более квалифицированная группа отстаивала свою независимость от большей, но более слабой группы неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Квалифицированные рабочие отстаивали свое право использовать свое преимущество, как квалифицированного и хорошо организованного элемента, и стремились добиться максимальных уступок для самих себя. Рыцари же труда стремились присоединить к себе квалифицированных рабочих с той целью, чтобы преимущества их исключительной боеспособности могли помочь также и борьбе неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих. С точки зрения борьбы между принципами

это было столкновением между принципами солидарности труда и принципами цехового сепаратизма, но в действительности каждый из этих принципов отражал лишь специальный интерес известной части рабочего класса. Подобно тому, как тред-юнионы, борясь за цеховую автономию, в действительности отказывались принимать во внимание интересы неквалифицированных рабочих, точно так же и «Рыцари труда» не считались с тем фактом, что их схема замедлит успех борьбы квалифицированных профессий.

Почти в каждом случае наступающей стороной были «Рыцари труда», и характерно, что между локальными организациями «рыцарей», враждебно относившимися к тред-юнионам, самым решительным оказалось окружное собрание № 49 г. Нью-Йорка. Именно это собрание руководило стачкой грузчиков и углекопов в Нью-Йорке в 1887 г., и оно, как мы видели, не задумалось над приостановкой промышленности всего города ради удовлетворения требований нескольких сот неквалифицированных рабочих. Окружное собрание № 49 имело конфликт с целым рядом тред-юнионов г. Нью-Йорка, но генеральное сражение было дано союзу выделывателей сигар. В это время среди выделывателей сигар существовали две фракции. Одна из них поддерживала Национальный союз выделывателей сигар с Адольфом Штрассером и Самуэлем Гомперсом в качестве лидеров, другая, называвшая себя «Прогрессивным союзом», была более проникнута социалистическими взглядами и состояла из наиболее недавних иммигрантов и менее квалифицированных рабочих. Окружное собрание № 49 «рыцарей» вмешалось в борьбу с целью оказания поддержки профессиональному союзу и с помощью искусного маневрирования добилось того, что последний должен был дать себя присоединить к организации «Рыцарей труда».

События внутри сигарной промышленности г. Нью-Йорка довели до максимума борьбу между орденом и тред-юнионами. Тред-юнионы требовали, чтобы «рыцари» уважали их «юрисдикцию», и предложили заключить «мирный договор» на таких условиях, что если бы они были приняты, то тред-юнионы остались бы одни на поле битвы. Орден сначала был более примирительно настроен. Он не отказался, конечно, от участия в промышленных конфликтах, но он предлагал *modus vivendi* на базисе обмена «рабочими билетами» и общей борьбы против предпринимателей. В то же самое время он обратился отдельно к каждому национальному тред-юниону с деликатным напоминанием о том, что они должны думать о неквалифицированных рабочих в такой же степени, как и о самих себе. В его обращении говорилось: «В использовании удивительных изобретений ваша организация играет наиболее значитель-

ную роль. Она естественно включает в свои ряды очень значительную пропорцию рабочих, обладающих высокой степенью квалификации и интеллигентности. Имея эти специальные познания в руках, руководимые высоким интеллектом, вы имеете право требовать большую компенсацию за квалифицированный, чем за неквалифицированный труд. Но и на неквалифицированных рабочих должно быть обращено внимание, иначе в трудное время предприниматель не остановится перед использованием их с целью понизить ту компенсацию, которую вы теперь получаете. Для того, чтобы квалифицированные и неквалифицированные рабочие не могли оказаться в трудную минуту в неорганизованном состоянии, мы просим вас присоединить ваш великий и могущественный отряд к главной армии, чтобы мы смогли сражаться под одним флагом».

Но тред-юнионы, заявившие ранее, что их цель — охранять квалифицированные профессии Америки от того, чтобы они не были доведены до нищенства, не высказывали желания заняться повышением уровня неквалифицированных рабочих и фактически единогласно отклонили это предложение. После этого орден объявил открытую войну, приказав всем своим членам, бывшим одновременно также и членами союза выделывателей сигар, выступать из последнего под страхом исключения.

Последние события показали, что открытие наступательных действий было началом объединения ордена. Более того, оно было событием первоклассного значения в рабочем движении, так как оно заставило тред-юнионы теснее объединиться и привело к основанию в том же самом году Американской федерации труда.

Другим весьма важным результатом этого конфликта было вступление в тред-юнионистское движение Самуэля Гомперса, как главного лидера. Гомперс впервые достиг известности в 1881 г. в то время, когда существовала федерация союзов квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Но лишь ситуация, создавшаяся в результате конфликта с «Рыцарями труда», дала ему впервые реальную возможность как показать свои прирожденные способности к руководству, так и развить этот талант путем разрешения, быть может, наиболее серьезной проблемы, которая встретилась на пути американского рабочего движения.

Но федерация избежала ошибки своей предшественницы, которая ставила вопросы законодательства выше всего. Ее главная задача была экономическая. Законодательные интересы рабочих были большей частью предоставлены попечению штатных федераций труда. В результате в Америке Британскому конгрессу тред-юнионов соответствует не Американская федерация труда, но ряд штатных федераций. Но

на съездах Американской федерации труда штатные федерации представлены лишь номинально. Федерация прежде всего является объединением национальных и интернациональных (т.-е. включая Канаду и Мексику) тред-юнионов.

Каждому национальному и интернациональному союзу в рядах новой федерации были предоставлены суверенные внутренние права. Им была предоставлена полная дисциплинарная власть над их членами, а также право свободных выступлений в отношении предпринимателей без всякого вмешательства со стороны федерации. Другими словами, была подтверждена их полная автономия. Тем не менее власть федерации далеко не была лишь номинальной. Если она и не могла назначить должностных лиц входивших в ее состав союзов, то она могла так мобилизовать общественное мнение рабочих страны в отношении каждого из составляющих ее союзов, что ее доброго отношения искали даже наиболее могущественные из них. Федерация гарантировала каждому союзу известную «юрисдикцию», большей частью в пределах профессии, и выступала против смешения его функций с близко примыкающими союзами и в особенности, когда речь шла о соперничающих союзах. Особенно решительно федерация действовала в последнем случае, ибо она не знала пощады, когда соперничающий союз пытался подорвать силу организованного союза или профессии. Тред-юнионы узнали из опыта «Рыцарей труда», что наиболее смертельным врагом их была после всего не ассоциация предпринимателей, но внутренний враг, который вносил замешательство в их ряды. Соответственно с этим в их среде развилось сильное убеждение в том, что в каждой данной профессии должен быть лишь один союз, и в нужных случаях должностные лица союзов знали, как утихомирить вполне справедливое движение недовольства путем искусной игры на этом любопытном гипертрофированном чувстве солидарности. Соперничающий союз не только никогда не допускается в состав федерации, но ни одна подчиненная ей организация, штатная или городская, не осмеливается оказать помощь такому союзу.

Федерация требовала немногого от национальных и интернациональных союзов в обмен за гарантию их юрисдикции. Она требовала лишь небольшого годовичного поголовного налога, добровольной поддержки при ведении специальных законодательных и промышленных кампаний, которые она могла предпринять; согласия с ее решением по вопросам общей рабочей политики; обязательства подчиниться ее решению в случае конфликтов с другими союзами, которое, однако, не должно было быть выполнено во всех случаях, и, наконец, безусловного принятия

принципа регулярности в вопросах рабочей организации. Конечно, если смотреть лишь с точки зрения власти, предоставляемой уставом, то федерация была лишь слабым видом управления. Но эта слабость не была вынужденной слабостью правительства, которое соглашается начать управлять, пользуясь лишь ограниченной властью и надеясь увеличить эту власть, когда научится более прочно стоять на своих ногах; это была добровольно принятая слабость, вытекавшая из уроков истории рабочего движения.

Орден «Рыцарей труда», наоборот, управлялся, как мы видели, всемогущим генеральным собранием и главным исполнительным комитетом. На первый взгляд высоко централизованная форма управления обещала как будто уверенную в себе силу и являлась как бы гарантией связи между различными частями организации. Быть может, если бы рабочие Америки были объединены сильным классовым сознанием подобно рабочему классу европейских стран, то это так и было бы.

Но американскому рабочему движению не доставало того урока, который европейские рабочие извлекли из кастового общественного строя и из пережитого ими политического гнета. Там, где линии раздела между классами не были проведены достаточно глубоко, там центробежная сила рабочего движения, естественно, представлялась более сильной. Лидеры Американской федерации труда в своей борьбе против «Рыцарей труда» играли каждый раз на этих центробежных настроениях и одержали победу путем обращения к естественному стремлению к автономии и самоопределению каждой различной группы. Но, народившись, быть может, первоначально лишь в качестве «стратегической» меры, эта политика создала рабочее движение, которое в основе было гораздо более объединено, чем «Рыцари труда» даже в лучший момент своей истории. Руководители федерации, зная, что они не могут командовать, приучили себя развить единую волю и цель в рабочей среде путем морального убеждения и пропаганды. Там, где простой приказ вызвал бы недовольство и оппозицию, там приказ, подкрепленный заботливо подготовленным общественным мнением рабочих, вызывает общее согласие и добровольное подчинение политике, поддерживаемой большинством. Таким образом каждая профессия сделалась самоопределяющейся ячейкой, и «цеховая автономия» стала священным принципом рабочего движения, не препятствуя по существу единению.

Принцип цеховой автономии восторжествовал, главным образом, потому, что он признавал существование известной суммы группового эгоизма. «Рыцари труда» считали, как мы видели, что стратегическая сила

квалифицированных рабочих должна быть использована в качестве рычага для того, чтобы поднять уровень жизни полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих. Они поэтому организовали их всех вместе в «смешанных собраниях» и сопротивлялись, как могли, долгие, требования организации «национальных собраний профессий». Квалифицированные рабочие, с другой стороны, желали использовать свою более высокую стратегическую мощь в своих собственных интересах и испытывали слабое желание рассеять ее в интересах неквалифицированного рабочего. Для того, чтобы достигнуть этого, они чувствовали необходимость бороться против попытки со стороны ордена связать их с нежелательным союзником в лице полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих. Лишне говорить о том, что индивидуальный эгоистический интерес цехового лидера шел рука об руку с эгоистическим интересом цеха как целого, ибо если бы они были аннексированы орденом, то они должны были бы подчиняться приказам гросмейстера-работника или генерального собрания ордена.

В добавление к платоническим стремлениям «к самоопределению» и узким групповым интересам был еще один мотив в пользу цеховой автономии, который имел как строго общественное, так и реалистическое значение.

Факт тот, что автономный цеховой союз мог успешно проводить стачки там, где централизованный смешанный орден терпел поражение за поражением. Цеховой союз имел, с одной стороны, то преимущество, что его лидеры были близко знакомы с той маленькой областью, в которой они работали, а с другой стороны, то преимущество, что он имел дело с группой населения, находившейся в одинаковых финансовых условиях и объединенной одинаковыми интересами. Мы должны видеть, как скверно велось руководство большими стачками, организованными в 1886 г. и в 1887 г. Легкость, с которой лидеры были в состоянии призвать одну отрасль промышленности за другой к стачке солидарности, не показывает еще их умения руководить стачкой. Часто выбор профессий, которые они призывали к стачке, не стоял ни в какой особой связи с их стратегической ценностью в данной ситуации. В общем получается впечатление, что эти большие стачки как будто руководились любителями, обладавшими большей властью, чем это нужно было для них самих или для дела. Не следует поэтому удивляться, что объединенные цеховые союзы, руководимые специалистами, одерживали победу там, где разнородные толпы «Рыцарей труда» терпели до них поражения. Ясно поэтому, что тот факт, что цеховой союз пережил орден «Рыцарей труда», означает выживание более приспособленного,

Те же причины, которые заставили тред-юнионы квалифицированных рабочих вести борьбу с орденом за свое отдельное и автономное существование, заставили раньше или позже квалифицированных рабочих, входивших в состав ордена, стремиться к подобной же автономии. С самого начала наиболее квалифицированные и лучше организованные профессии в рядах ордена «Рыцарей труда» стремились выделиться из смешанных «окружных собраний» и создавать в пределах ордена национальные «собрания профессий». Но руководители ордена, видевшие в этом движении противодействие великому принципу солидарности всех рабочих, оказались в состоянии затормозить это движение за исключением одного случая с выдувальщиками оконных стекол, которым была предоставлена автономия в 1880 г.

Очевидно, что превосходство тред-юнионистских организационных форм над смешанной организацией, которое обнаружилось в событиях 1886 — 1887 г.г., усилило сепаратистскую тенденцию. Подобно тому как борьба между «Рыцарями труда» и тред-юнионами, существовавшими вне этой организации, по существу представляла собой борьбу между неквалифицированным и квалифицированным элементом рабочего класса, точно так же и стремление к созданию национального собрания профессий вне ордена представляло собой стремление квалифицированных рабочих к эмансипации от господства неквалифицированных. Но орден успешно боролся с подобными попытками до тех пор, пока смешанные окружные собрания не потерпели поражения, или, другими словами, пока не потерпел поражения класс-неквалифицированных рабочих в борьбе с предпринимателями. С уходом очень значительной части этого класса, как это обнаружилось в 1887 г., требование создания национального собрания профессий ожило, и вскоре начался настоящий напор масс в сторону профессиональной организации. Это стремление наиболее сильно проявилось в городе Нью-Йорке, где непригодность смешанного окружного собрания № 49 стала явной. На генеральном собрании в 1887 г. в Миннеаполисе все препятствия к образованию национального собрания профессий были устранены, но это было сделано уже слишком поздно для того, чтобы задержать исход квалифицированного элемента ордена и вступление его в Американскую федерацию труда.

Победа цеховой автономии над «единым великим союзом» была решительной и полной. Стаечная деятельность «Рыцарей труда» была сознательным отступлением от «основных принципов». Однако основные принципы с их подчеркиванием значения кооперации производителей далеко не были забыты даже в тот период, когда стачечный энту-

зиазм достиг высшего пункта. Каковы бы ни были действительные настроения членов ордена в целом, лидеры не пренебрегали ни одним случаем для того, чтобы двинуть вперед дело кооперации. Поудерли, глава ордена в 1878 г., в своих докладах годовичному генеральному собранию или с'езду постоянно настаивал на том, чтобы были приняты практические мероприятия в области кооперативного строительства. В 1881 году, когда общее настроение в ордене все еще было нерешительное, лидеры не постеснялись провести контрабандным путем в устав параграф, делавший участие в кооперативе принудительным.

Несмотря на настояния Поудерли, орден медленно воспринимал этот взгляд на кооперацию. В 1882 году было избрано генеральное кооперативное правление для разработки плана действия, но оно никогда не представило своего доклада, и на его место было избрано новое правление на собрании 1883 года. В течение этого года был сделан первый практический шаг, выразившийся в покупке орденом угольной шахты в Каннельбурге (шт. Индиана), при чем предполагалось продавать уголь по пониженным ценам членам ордена. Вскоре после этого произошло глубокое изменение в отношении ко всему кооперативному делу, одновременно с промышленной депрессией и неуспехом стачек. Рядовые члены ордена, которые до сих пор весьма индифферентно относились к кооперации, теперь ухватились за эту идею с большой жадностью. В Линне (шт. Массачузетс) энтузиазм достиг такой высокой степени, что было найдено необходимым поднять стоимость акций кооперативной сапожной компании «Рыцарей труда» до 100 долларов— это имело целью предупредить большой наплыв «неподходящих членов».

Нетерпеливое стремление к немедленному созданию кооперативов, охватившее рядовых членов ордена по всей стране, внесло важную поправку в официальное учение ордена. Вначале эта поправка имела в виду централизованный контроль, при котором прошли бы годы, раньше чем значительная часть членов могла бы получить какую-нибудь прибыль. Этот метод был отклонен, и был принят децентралистический план. Локальные организации и еще чаще отдельные группы членов начали устраивать мастерские с финансовой помощью своих локальных организаций. Большинство этих предприятий руководились акционерами, хотя в некоторых случаях предприятиями руководили местные организации «Рыцарей труда».

Большинство кооперативных предприятий велось в мелком масштабе. На основании неполных статистических данных можно сделать заключение, что средняя сумма, инвестированная в каждое предприятие, равнялась приблизительно 10.000 долл. Можно сказать,

что кооперация достигла лучшей точки развития в 1886 г., несмотря на то, что она к концу 1887 года не истощила своих сил до конца. Всего предприятий было основано около 200. Наибольшее число их приходилось на угольную, бочарную и сапожную промышленность. В этих отраслях промышленности рабочие получали самую низкую заработную плату и работали в самых худших условиях. Кроме того, для организации таких предприятий требовался небольшой капитал.

С оставлением идеи централизованной кооперации в 1884 году роль центрального кооперативного управления соответственно изменилась. Руководящим членом правления был теперь Джон Самуэль, один из тех, для кого кооперация являлась не чем иным, как религией. Обязанности правления сводились к воспитанию членов ордена в принципах кооперации, оказанию помощи путем информации и т. п. будущим и настоящим кооператорам, коротко говоря — координации кооперативного движения внутри ордена. Правление выпустило образцы устава, которые с небольшими изменениями могли быть приняты в какой угодно местности страны. Оно также печатало статьи об опасностях, подстерегающих кооперативные предприятия, как, например, предоставление кредита, плохое управление и т. п., а также многочисленные статьи о специальных формах кооперации. Марка «Рыцарей труда» была предоставлена для пользования на кооперативных товарах, и постоянно велась энергичная агитация за то, чтобы покупатели отдавали предпочтение продукции кооперативов.

В качестве системы промышленного возрождения кооперация никогда не была осуществлена. Немногие работавшие умело мастерские раньше или позже попадали в руки мелких групп, которые выживали других и организовывали предприятия на началах капиталистического партнерства. Огромное большинство предприятий лопались с самого начала. Причин банкротства было много: слишком торопливое выступление, неопытность, слабая дисциплина мастерской, внутренние разногласия, высокий процент по закладной на предприятие и, наконец, неприятности со стороны конкурентов. Железные дороги также ставили кооперативам всякие препятствия, отказывая под тем или иным предлогом в вагонах.

Союзную углепромышленную компанию в Каннельбурге (шт. Индиана), принадлежавшую ордену и управлявшуюся им в качестве его единственного эксперимента в области централизованного вида кооперации, постигла следующая участь. После того как она истратила 20.000 долларов на оборудование шахты, покупку земли, прокладку путей и т. д., она была вынуждена остановить работу на 9 месяцев,

пока железнодорожная компания не согласилась соединить ее линию с главной линией компании. Когда компания была готова отправить свои продукты, она узнала, что ее уголь может быть утилизирован только для производства газа и что контракты о снабжении углем заканчивались в июле, т.-е. 9 месяцев спустя после соединения железной дороги с главной линией. Вдобавок компанию известили, что она должна обзавестись паровозом, чтобы доставлять вагоны от своей шахты до главной линии, что должно было обойтись ей в лишние 4.000 долларов. Когда это было исполнено, ей пришлось выдерживать на рынке конкуренцию со стороны энергичного соперника, который вел против нее борьбу со времени открытия шахты. Истощивши свой денежный фонд и не имея возможности достать еще деньги для покупки паровоза и для того, чтобы переждать 9 месяцев, пока можно будет заключить контракты на доставку угля, она продала свое дело своему конкуренту.

Но, быть может, еще более важной причиной банкротства кооперации в Соединенных Штатах, чем все другие, являлась трудность найти хороших руководителей. Вообще в рабочем движении Соединенных Штатов недооценивалось значение хорошего руководства и вся важность его. Гладкая речь часто вызывает у нас незаслуженное доверие и вводит в заблуждение рабочих. Таким образом, в 1888 году, три или четыре года спустя после того, как началось кооперативное движение, оно уже прошло полный цикл жизни и скончалось. Банкротство его, как сказано выше, было ускорено внешними причинами. Но прежде всего выяснилась несоединимость производственной кооперации с тред-юнионизмом. Кооператоры в своем стремлении завоевать рынок часто продавали свои продукты дешевле, чем частные предприниматели, в надежде покрыть свои убытки будущими прибылями. Вследствие этого рабочие, работавшие у частных предпринимателей, должны были мириться со снижением заработной платы. Рабочее движение, пытающееся проводить на практике производственную кооперацию и тред-юнионизм в одно и то же самое время, фактически стремится одновременно в две противоположные стороны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СТАБИЛИЗАЦИЯ.

(1888—1897 г.г.)

В период «великого под'ема» 1886 г. число членов тред-юнионов, как мы видели, внезапно увеличилось. Вследствие этого в течение некоторых следующих лет дальнейший рост, несмотря на расцвет промышленности, происходил в замедленном темпе.

Статистика стачек в конце восьмидесятых годов, так же как и таблицы членского состава, показывает, что после напряжения 1885—1887 г.г. рабочее движение вступило в более или менее спокойную стадию развития. Наиболее выдающейся была стачка 60.000 рабочих железодельной и сталелитейной промышленности в Пенсильвании, которая была доведена до успешного конца, несмотря на то, что стачечникам пришлось бороться с сильной предпринимательской организацией. Смешанная ассоциация рабочих железодельной и стальной промышленности достигла тогда высшей точки своего могущества и оказалась в состоянии в 1889 г., прибегнув лишь к угрозе стачкой, продиктовать свои условия стальной компании Карнеги.

Наиболее известной и вместе с тем последней крупной стачкой из всех стачек железнодорожных братств была стачка паровозных машинистов на железной дороге Чикаго—Берлингтон—Квинси. Стачка была начата 27 февраля 1888 г. одновременно братствами паровозных машинистов и паровозных кочегаров. Главные требования были выставлены машинистами, добивавшимися отказа от классификационной системы и требовавшими установления новой скалы заработной платы. За два месяца до этого «Рыцари труда» объявили стачку угликопов против компании Филадельфийско-Ридингской железной дороги, для которой работали 80.000 угликопов, и эта стачка сопровождалась стачкой солидарности машинистов и кочегаров, принадлежавших к ордену. Члены братств заняли их места, и в отместку прежние маши-

нисты и кочегары Ридингской железной дороги заняли теперь места берлингтонских стачечников, так что 15 марта компания заявила, что она уже имеет полный контингент служащих. Братства отдали распоряжение о бойкоте берлингтонских вагонов, который был отчасти проведен силой, но в конце концов они были вынуждены сдаться. Стачка официально не была прекращена до 3 января 1889 г. Несмотря на поражение стачечников, убыток, нанесенный железной дороге, был огромный, и с тех пор ни железные дороги страны, ни братства не допускали серьезной стачки железнодорожников.

Затишье в рядах тред-юнионистского движения было нарушено новым объединенным движением в пользу восьмичасового рабочего дня, которым руководила федерация и которое в 1890 году достигло своего апогея.

Несмотря на то, что в целом движение в пользу восьмичасового дня потерпело неудачу, это все-таки ни в коем случае не была обескураживающая неудача. Было очевидно, что восьмичасовой день был популярным требованием, и что организация, стремящаяся к расширению, должна была присоединиться к нему.

Соответственно с этим с'езд Американской федерации труда в 1888 г. заявил, что 1 мая 1890 г. должно быть выставлено общее требование восьмичасового дня. Главными защитниками этой резолюции были столяры, из'явившие готовность первыми проложить дорогу осуществлению всеобщего восьмичасового дня в 1890 г.

Федерация немедленно начала наступательную кампанию. Впервые в своей истории федерация прибегла к услугам специальных наемных организаторов. Были выпущены памфлеты, которые широко распространялись.

Каждый праздничный день устраивались массовые митинги в более крупных городах. В «день труда» 1889 г. по всей стране было устроено не менее 420 подобных массовых митингов. «Рыцари труда» снова выступили против этого плана.

В следующем году план кампании был изменен. Идея всеобщей стачки с требованием восьмичасового дня в мае 1890 г. была оставлена в пользу забастовки в одной отрасли промышленности за другой. В марте 1890 г. были избраны столяры для того, чтобы заявить это требование 1 мая того же года, а за ними должны были последовать углекопы.

Выбор столяров оказался действительно удачным. Начиная с 1886 г., этот союз быстро рос и к тому времени был самым крупным союзом из всех тех, которые входили в Американскую федерацию труда. В течение нескольких лет союз собирал фонд для кампании в пользу

восьмичасового дня, и когда движение началось в мае 1890 г., оно имело большой успех. Должностные лица союза заявляли, что им удалось добиться установления восьмичасового дня в 137 городах и девятичасового в большинстве других городов.

Но зато выбор углекопов, которые должны были выступить 1 мая 1891 г., был большой ошибкой. В то время было организовано меньше одной десятой части всех углекопов страны. В течение ряда лет союз углекопов шел на убыль вследствие постоянного падения цен на уголь. За несколько месяцев до 1 мая 1891 г. союз углекопов был втянут в закончившуюся неудачей стачку в Коннелльсвилльском угольном районе, и план устройства стачки с требованием восьмичасового дня был оставлен. Таким образом движение в пользу восьмичасового дня, возведенное на съезде федерации в 1888 г., закончилось. Помимо стачки столяров в 1890 г., оно не привело ни к какому общему движению в пользу восьмичасового дня. Тем не менее сотни тысяч рабочих добились уменьшения продолжительности своего рабочего дня, в особенности рабочие строительной отрасли промышленности. В 1891 году восьмичасовой день был проведен в жизнь во всех строительных цехах в Чикаго, Сент-Луисе, Денвере, Индианаполисе и Сан-Франциско. В Нью-Йорке и Бруклине столяры, каменотесы, маляры и штукатуры работали восемь часов, в то время как каменщики и водопроводчики работали девять часов. В Сент-Поле одни каменщики работали девять часов, остальные цехи работали восемь часов.

В 1892 г. рабочее движение впервые встречается на поле брани с действительно современной предпринимательской корпорацией, с ее фактически безграничными ресурсами для ведения войны, а именно со стальной компанией Карнеги. Смешанная ассоциация рабочих железоделательной и сталелитейной промышленности, насчитывавшая 24.068 членов в 1891 г., являлась, вероятно, самым сильным тред-юнионом во всей истории американского рабочего движения. До 1889 г. отношения между союзом и фирмой Карнеги были неизменно дружественными. В январе 1889 г. Г. К. Фрик, приобревший в качестве владельца крупнейшего предприятия репутацию отчаянного врага организованного труда, стал председателем фирмы «Братья Карнеги и К^о». В том же году, когда он занял этот пост, произошел первый конфликт между рабочими и компанией. Несмотря на то, что, в конце концов, договор был возобновлен на три года, на условиях, продиктованных компанией, конфликт оставил неприятное впечатление в психике рабочих, так как во время переговоров Фрик потребовал роспуска союза.

Переговоры по поводу требования новой скалы заработной платы, представленной компании, начались в 1892 г. Несколько недель спустя компания представила рабочим скалу, в которой предусматривалось понижение заработной платы, и кроме того потребовала, чтобы срок действия скалы был изменен с 1 июня на 1 января. Состоялся ряд совещаний, не приведших ни к каким результатам, и 30 мая компания предъявила ультиматум, гласивший, что если скала не будет подписана к 29 июня, то она будет иметь дело с рабочими как с отдельными индивидуумами. На последнем совещании, состоявшемся 23 июня, компания повысила свое предложение с 22 долларов за тонну до 23 долларов в качестве минимальной основы скалы, а союз понизил свои требования с 25 долларов, которые платились раньше, до 24 долларов. Но стороны не смогли прийти к соглашению ни по этому, ни по другим пунктам, и стачка началась 29 июня, при чем речь шла о продолжении существования союза.

Еще раньше, чем переговоры прекратились, Фрик сговорился с пинкертоновским детективным агентством о предоставлении ему 300 человек для охраны. Эти люди прибыли на пристань, расположенную на реке Огайо, ниже Питтсбурга, около полуночи 5 июля. Здесь они уселись на баржи и поднялись вверх к Питтсбургу; оттуда их по реке Монангахела отправили в Хомстэд, куда они стали приближаться около 4 часов утра 6 июля. Рабочие были предупреждены об их приближении, и когда пароход стал подходить к пристани сталелитейных заводов, то почти весь город явился сюда с целью воспрепятствовать их высадке. Страсти разгорелись очень сильно. Люди вооружились ружьями и завязали с пинкертоновцами ожесточенное сражение. Когда день прошел, почти около полудюжины людей с обеих сторон были убиты и известное число ранено. Пинкертоновцы потерпели поражение и были прогнаны. Несмотря на то, что больше не происходило никаких волнений, штатная милиция появилась в Хомстэде 12 июля и оставалась там в течение нескольких месяцев.

Стачка, начавшаяся в Хомстэде, не распространилась на другие заводы. Хомстэдская стачка была объявлена прекращенной 20 ноября, и большинство рабочих, как не входившее в союз, получило обратно свои места. Касса союза была опустошена, наступила зима, и в конце концов было решено считать битву проигранной.

Поражение означало не только ослабление союза в хомстэдском предприятии, но оно вызвало упадок юнионистского движения на большинстве заводов Питтсбургского района. Могущество союза было сломлено, и рабочие на опыте узнали, что даже сильнейшие их органи-

зации не в состоянии выдержать борьбу с современной капиталистической корпорацией. Хомстэдская стачка взволновала рабочие массы, как немногие другие события. Она имела свой политический отголосок, ибо она показала рабочим, что промышленность, охраняемая высокими тарифами, не явится непременно раем для организованных рабочих, несмотря на то, что союз оказал активную помощь владельцам железоделательных и сталелитейных заводов в их стремлении добиться высоких покровительственных тарифов, которые и были им предоставлены тарифным законом Мак-Кинлея в 1890 г. В результате этого разочарования множество голосов, которые в другом случае достались бы республиканскому кандидату в президенты, достались в 1892 г. Гроверу Кливленду, баллотировавшемуся на платформе антипокровительственных тарифов. Возможно, что в победе Кливленда сыграло роль разочарование, охватившее рабочие массы в результате хомстэдского поражения.

Летом 1893 г. разразилась финансовая паника. Эта паника и последовавший за ней кризис явились заключительным испытанием силы и выдержки американского рабочего движения. Гомперс в своем докладе, который он, в качестве председателя федерации, сделал в 1899 г. съезду, собравшемуся после периода длительной депрессии, сказал следующее: «Следует отметить, что в то время, как в каждом предыдущем промышленном кризисе тред-юнионы буквально стирались с лица земли, существующие теперь союзы показали не только силу сопротивления, но и выдержку и постоянство», и он указал как на наиболее выдающийся пример на систему высоких взносов и прибылей, которая сильно привилась во многих тред-юнионах. Он сказал: «Без сомнения, поверхностным мотивом, почему рабочие продолжали все это время оставаться членами союзов, организованных на этой основе, была денежная прибыль, на которую имели право их члены. Но, как бы там ни было, результаты были одинаковые, т.-е. члены оставались в союзе, организация остается неприкосновенной в течение тяжелых периодов, переживавшихся промышленностью, и готова использовать первые проявления оживления промышленности». Гомперс, быть может, преувеличил силу сопротивления союзов, но их способность удерживать в своих рядах своих членов не может быть оспариваема. Общее число членов всех союзов, входивших в федерацию, неизменно оставалось близким к 275.000 в течение всего периода депрессии, от 1893 года до 1897 года. Рабочее движение, наконец, стабилизировалось.

1894 год по количеству рабочих волнений был исключительным годом. Число рабочих, принимавших в этом году участие в движении, достигло приблизительно 750.000, превысив даже число рабочих, участвовавших в движении 1886 г.

Однако в отличие от 1886 г. движение носило оборонительный характер. Оно закончилось еще большей неудачей. Стачка углекопов и пульмановская стачка были наиболее значительными. Союз углекопов объявил свою стачку в Огайо 21 апреля. Число членов союза не превышало 20.000, но забастовало около 125.000 человек. Вначале было пред'явлено требование, чтобы заработная плата была восстановлена в тех размерах, в каких она была в мае 1893 года. Но в течение месяца союз в большинстве отраслей вел борьбу за предупреждение дальнейшего понижения заработной платы. Но к концу июня стачка была проиграна.

Пульмановская стачка означает эру в американском рабочем движении, ибо она была единственной попыткой провести революционную стачку в Америке по континентально-европейскому образцу. Стачечники пытались бросить против об'единенных железных дорог и вместе с тем против всего существующего строя весь рабочий класс Америки, об'единенный чувством революционной солидарности и доведенный до отчаяния безработицей, понижением заработной платы и нищетою. Тот факт, что, несмотря на весьма благоприятную кон'юнктуру, этому драматическому призыву не удалось вырвать рабочее движение из привычной колеи, является лучшим доказательством укрепления процесса стабилизации с начала восьмидесятых годов.

Пульмановская стачка была объявлена 11 мая 1894 г. Движение началось с требования некоторых рабочих мастерских «Компании пульмановских вагонов», находящихся в Пульмане (шт. Иллинойс), о восстановлении заработной платы, выплачивавшейся в предыдущем году. В марте 1894 г. пульмановские рабочие голосовали за присоединение к Американскому железнодорожному союзу. Этот союз являлся организацией, построенной по производственному принципу. Он был основан в июне 1893 года Юджином Дебсом. Дебс, бывший секретарем-казначеем «Братства паровозных кочегаров», наблюдал неудачи многих стачек, которые происходили в пределах одного лишь цеха, и отказался от своей должности с тем, чтобы посвятить свои силы об'единению всех железнодорожных рабочих в рамках одной организации. Так родился Американский железнодорожный союз. В промежутке между 9 и 26 июня в Чикаго происходили заседания с'езда этого союза. На с'езде специальная комиссия сделала доклад о том, что происходит в Пульмане.

и 21 июня делегаты, имевшие на этот счет инструкции от своих локальных союзов и чувствовавшие уверенность в себе после победы над правлением Великой Северной железной дороги, одержанной в апреле, единогласно приняли резолюцию, гласившую, что члены союза должны прекратить обслуживание пульмановских вагонов с 26 июня до тех пор, пока Пульмановская компания не согласится на арбитраж.

26 июня началась стачка. Это была стачка солидарности в самом чистом виде, никаких требований не было выставлено. Союз оказался лицом к лицу с «Всеобщей ассоциацией управляющих», представлявших 24 дороги, центром или конечным пунктом которых является Чикаго, и которые были связаны контрактами с Пульмановской компанией. Ассоциация была организована в 1886 г. Ее главным делом было вырабатывать общую политику в вопросах транспорта и грузовых тарифов, но от времени до времени она занималась также и вопросами заработной платы. Стачка вскоре распространилась на огромную территорию. Многие из членов братств присоединились к стачке, хотя их организации были против нее. Преступные элементы чикагского населения воспользовались случаем, чтобы грабить, поджигать и воровать, так что опять повторились сцены, происходившие во время великой стачки 1877 г. Имущественные потери и убытки предприятий были оценены в 80.000.000 долларов. 7 июля Дебс, председатель, и другие главные должностные лица Американского железнодорожного союза были арестованы и освобождены лишь под залог в 10.000 долларов. 13 июля им был пред'явлен обвинительный акт. Они обвинялись между прочим в принуждении железнодорожных рабочих к стачке путем угроз. К тому времени стачка стала уже ослабевать. 12 июля, по требованию Американского железнодорожного союза, около двадцати пяти руководителей национальных рабочих союзов, входивших в состав Американской федерации труда, собрались на конференцию в Чикаго с целью обсудить создавшееся положение. Дебс внес предложение, чтобы все рабочие организации призвали ко всеобщей стачке. Но конференция постановила, что «было бы неразумным и вредным для интересов рабочих еще более расширить стачку, чем это уже имеет место», и советовала стачечникам возвратиться на работу. 13 июля Американский железнодорожный союз, через посредство мэра г. Чикаго, сделал «Всеобщей ассоциации управляющих» предложение об'явить стачку оконченной при условии, если рабочие получают свои прежние места, за исключением тех случаев, когда они были осуждены за совершение преступлений. Но ассоциация отказалась иметь дело с союзом. Фактически стачка уже обанкротилась вследствие того

влияния, которое оказали на стачечников привлечение к судебной ответственности лидеров и прибытие в Чикаго федеральных войск, отправленных президентом Кливлендом, несмотря на протест губернатора Альтгелда.

Рабочие организации получили два важных урока. Они узнали, во-первых, что правительство имеет достаточно сил, чтобы справиться с революционной стачкой, и, во-вторых, что предприниматели заполучили весьма могущественного союзника в лице судебных властей.

Неудача стачек, депрессия в промышленности, быстрое понижение спроса на рынке труда и судебные преследования — все это были могущественные союзники тех социалистических и радикальных лидеров в рядах федерации, которые мечтали о том, чтобы превратить ее из чисто экономической организации в экономико-политическую.

С'езд 1893 года памятен тем, что представил на обсуждение союзов «политическую программу». Введение в «программу» указывало, что английские тред-юнионы незадолго перед тем решили заняться независимой политикой, «как вспомогательным средством для их экономического действия». Одиннадцать пунктов программы требовали: обязательного обучения; права народной инициативы в законодательстве; установления законом восьмичасового дня; правительственного надзора над шахтами и мастерскими; уничтожения системы «выжимания пота»; закона об ответственности предпринимателей; уничтожения контрактной системы в общественных работах; муниципализации электрического освещения, газа, трамвая и водопровода; национализация телеграфа, телефона, железных дорог и шахт; «коллективного владения народом всеми средствами производства и распределения», и, наконец, применения референдума при всех законодательных актах.

Немедленно после с'езда 1893 г. входившие в федерацию союзы стали подавать заявления о признании ими этой политической программы. Оппозиция ей проявилась сравнительно нескоро. И тогда она вылилась в форму требований, выставленных такими консервативными лидерами, как Гомперс, Мак-Гвир и Штрассер, о том, чтобы пункт 10-й, гласивший о «коллективном владении народом всеми средствами производства и распределения», был выброшен. Несмотря на это, большинство национальных тред-юнионов приняло программу.

В течение 1894 г. профсоюзы принимали активное участие в политической жизни. В ноябре 1894 г. «Federationist» напечатал список более чем 300 членов профсоюзов, выставленных кандидатами для занятия какой-либо выборной должности. Однако лишь полдюжины из них были действительно избраны. В своем обращении к с'езду 1894 г.

председатель федерации Гомперс воспользовался именно этими местными неудачами в качестве аргумента против принятия федерацией политической программы. Его позиция как бы заранее отразила участь этой программы на с'езде. Первая атака была произведена на введение, на том основании, что имевшееся в нем указание, будто английские тред-юнионы высказались за независимое политическое действие, ложно. Большинством 1345 голосов против 861 с'езд вычеркнул это введение. По предложению союза типографов был принят взамен вычеркнутого пункт об уничтожении монопольной системы землевладения и замене ее лишь занятием земли и пользованием ею. Некоторые из делегатов как будто истолковали этот новый пункт, как заявление в пользу единого налога, но большинство из тех, кто голосовал за него, руководствовались принципом: «что угодно, лишь бы бить социализм». Несколько позже большинством голосов была отклонена вся программа. Это окончательно решило участь движения в пользу создания независимой рабочей партии.

Во время президентской кампании в 1896 г. Американская федерация труда была почти вовлечена в политический круговорот. Три с'езда подряд об'явили себя сторонниками свободного выпуска серебряной монеты, а в 1896 г. и демократическая партия выступила и высказалась в пользу этой системы. При таком положении дела очень многие видные лидеры профсоюзов публично стали защищать кандидатуру Брайана. Гомперс обратился, однако, ко всем входившим в федерацию союзам с предупреждением против участия союзов в избирательной кампании. Несмотря на это, секретарь федерации Мак-Грэт на следующем с'езде обвинял Гомперса в том, что он в течение всей избирательной кампании действовал в связи со штабом демократической партии и поддерживал кандидатуру Брайана. После обсуждения вопроса на длительном тайном заседании с'езд одобрил кандидатуру, выставленную Гомперсом. С'езды федерации продолжали высказываться за свободный выпуск серебряной монеты до с'езда 1898 г., когда под'ем промышленности и рост цен положили конец поддержке, которую рабочие оказывали этой валютной системе.

В течение депрессии девяностых годов окончательно выяснилось, что наступила новая эра. Рабочее движение уже не было больше игрушкой переменных волн под'ема и депрессии. Раньше, как мы видели, оно концентрировало все свое внимание на экономическом или тред-юнионистском действии лишь во время под'ема и внезапно бросалось в объятия политики и всяческих «панацей», когда наступал период депрессии. Теперь же движение, несмотря на возможные изменения в числе членов

и несмотря на наличность постоянных политических симпатий у некоторых из составляющих ее элементов, впервые в целом стабилизировалось в своих целях и в своей тактике. Тред-юнионизм одержал верх над политикой.

Эта победа совпадает во времени с первым успешным достижением промышленного соглашения в национальном масштабе и признанием тред-юнионизма со стороны одной из руководящих отраслей промышленности, а именно производства железных печей. В местном масштабе одним из первых, имевших постоянный характер контрактов был контракт, заключенный чикагскими каменщиками в 1887 г.; эра цеховых контрактов фактически началась с системы, проведенной в производстве печей в 1891 г. Верно также, что рабочие железодельной и сталелитейной промышленности имели национальный цеховой контракт с 1866 г. Но тред-юнион этой отрасли промышленности был слишком силен для того, чтобы ее условия считать типичными.

Печная промышленность рано достигла высокой степени развития и организации. С 1872 г. существовала «Национальная ассоциация печных фабрикантов», занимавшаяся установлением цен и включавшая в число своих членов крупнейших печных фабрикантов всей страны. Печные фабриканты таким образом в отличие от фабрикантов всех других отраслей промышленности в то время в значительной степени контролировали свой собственный рынок. Более того, продукт был в полной мере стандартизован, и машина не заняла места искусства литейщика. Поэтому отнюдь не является случайностью то обстоятельство, что печная промышленность первая применила систему перманентного промышленного мира. В действительности эта система окончательно укрепилась лишь после целого ряда лет борьбы, после множества стачек и локаутов и после того, как обе стороны были доведены до изнеможения.

Восьмидесятые годы изобиловали стачками печных литейщиков, и в 1886 г. Национальный союз литейщиков начал оказывать стачечникам активную помощь. В 1886 г. была основана «Национальная ассоциация защиты интересов печных фабрикантов». Она была организована с целью «сопротивления всем требованиям, выставленным рабочими, а также и для достижения других целей, которые могут от времени до времени оказаться необходимыми для выгод членов ассоциации, как работодателей». Таким образом с той и другой стороны был создан национальный фронт. Великая битва состоялась в следующем году.

8 марта 1887 г. в Сент-Луисе рабочие одного из предприятий, входивших в ассоциацию, забастовали и потребовали повышения заработ-

ной платы. Стачка эта немедленно превратилась в борьбу между Интернациональным союзом литейщиков и Национальной ассоциацией защиты. Сент-Луисская компания немедленно послала свои образцы в литейни других округов, но союз сумел воспрепятствовать их использованию. Это вызвало ряд стачек по всему Западу и локаутов на Востоке, которые в общем захватили около 5.000 литейщиков. Так продолжалось до июня месяца, когда сент-луисские образцы возвратились обратно, так как ассоциация защиты снабдила компанию достаточным количеством штрейкбрехеров. Каждая сторона объявляла себя победительницей — настолько были уравнены их силы.

В течение следующих четырех лет конфликты в предприятиях, входивших в ассоциацию, были редки. В августе 1890 г. в Питтсбурге вспыхнула стачка, и в первый раз в истории этой отрасли промышленности она была прекращена путем письменного договора с местным союзом. Этот факт оказал сильную поддержку идее заключения договора в национальном масштабе между обеими национальными организациями. Со времени конфликта 1887 г. от времени до времени велись переговоры, при чем каждый раз инициатива шла со стороны ассоциации защиты. В конце концов Национальный съезд союза в 1890 г. назначил комиссию для совещания с подобной же комиссией ассоциации защиты. Конференция состоялась 25 марта 1891 г., и она выработала полный план организации для всей отрасли промышленности. Ежегодно две комиссии, по три члена в каждой, избранные союзом и ассоциацией, должны были устраивать совещание и выработать общие правила на текущий год. В случае возникновения в какой-либо местности какого-либо конфликта, если непосредственно заинтересованные стороны не смогут сговориться, то председатель союза и председатель ассоциации должны вмешаться и попытаться примирить их интересы. Если же и они потерпят неудачу, то должна была быть созвана конференция, составленная из равного числа членов от каждой стороны, и ее решения должны были быть окончательными. Во время разбора дела комиссией стороны должны воздержаться от враждебных действий. Обе организации обязались заставлять своих членов выполнять пункты договора. Принятие этого плана обеими организациями фактически состоялось единогласно, и он функционирует непрерывно в течение тридцати лет до нынешнего дня.

С конца девяностых годов цеховой договор стал одним из наиболее общепринятых принципов в американском рабочем движении. Не следует, однако, думать, что путем признания принципа цехового договора рабочее движение подчинило себя ничем не ограниченному арби-

тражу в промышленных конфликтах. Основная идея цехового договора, это—скорее коллективное ведение переговоров, чем арбитраж. Эти два термина не всегда достаточно различаются, но существенное различие их состоит в том, что в цеховом договоре в тесном смысле этого слова отсутствует вмешательство какой-либо третьей стороны с целью улажения конфликта и вынесения приговора. Договор заключается в результате непосредственных переговоров между двумя организованными группами, и санкцией, которую каждая сторона держит над головой другой, является стачка или локаут. Если же никакое соглашение не может быть достигнуто, то рабочая организация так же, как и ассоциация предпринимателей, настаивает на своем праве отказаться от арбитража, независимо от того, является ли он «добровольным», или так называемым «принудительным».

Выяснение понятия цехового договора было, быть может, главным событием в тред-юнионистском движении девяностых годов. Без цехового договора рабочее движение вряд ли оставило бы искание всякого рода «панацей» и не реорганизовалось бы на базисе оппортунизма. Заключение множества цеховых договоров, национальных или локальных, явилось также главным фактором стабилизации движения против промышленных депрессий.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ТРЕД-ЮНИОНИЗМ И СУДЫ.

В девяностых годах тред-юнионы впервые были «признаны» предпринимателями, но приблизительно в течение того же периода, в конце восьмидесятых годов и в девяностых годах, тред-юнионы испытали возрождение подозрительности и враждебности со стороны судов и возобновление судебных преследований, которые действовали на них тем более обескураживающим образом, что в течение поколения или больше они фактически пользовались невмешательством с этой стороны. В этот период времени как раз выковывалось главное юридическое орудие против тред-юнионизма, и оно становилось все более острым благодаря практическому применению. История отношения судов к тред-юнионизму может быть поэтому лучше всего рассмотрена в применении к периоду девяностых годов.

Судебное вмешательство в восьмидесятых годах отнюдь не было новым явлением. Мы уже имели случай указать на влияние судебного вмешательства в конфликты между трудом и капиталом в первое и второе десятилетия девятнадцатого столетия, а затем в тридцатые годы. Упоминалось также и судебное решение по процессу о бойкоте Тейса в Нью-Йорке в 1886 г., который оказался фактором первоклассного значения во время знаменитой кампании за избрание Генри Джорджа в мэры, и мы отметили также и роль судебных запрещений в стачке, руководившейся Дебсом в 1894 г., и в других стачках. В этой главе мы, однако, интересуемся больше судебными доктринами, чем их влиянием. Мы займемся больше развитием юридической мысли, лежавшей в основе судебной политики, чем вопросом о том, как реагировало рабочее движение на эту политику.

В самом раннем процессе, а именно в деле филадельфийских сапожников в 1806 г., были выдвинуты два обвинения—одно в заговоре с целью увеличения заработной платы, другое — в заговоре, имеющем целью нанести вред другим. И то и другое преступление, по заявлению судьи,

запрещено законодательством. В глазах широкой публики преследование покоилось исключительно лишь на обвинении поденщиков в заговоре с целью поднятия заработной платы. Защита воспользовалась этим и пыталась использовать этот факт в своих интересах. Осуждение поденщиков на этом основании вызвало резкий протест со стороны самих поденщиков и их друзей. Подчеркивалось, что поденщики осуждены за поступки, которые считаются законными, когда они совершаются хозяевами или торговцами. Поэтому, когда в Нью-Йорке в 1809 г. был возбужден следующий процесс о заговоре, то суд мотивировал обвинение перед присяжными совершенно другим образом. Ничего не было сказано о нелегальности заговора с целью поднятия заработной платы. Наоборот, присяжным было указано, что вопрос состоит не в этом, вопрос состоит лишь в том, устраивался ли обвиняемыми заговор с целью повышения их заработной платы незаконными средствами. На вопрос о том, какие средства являются незаконными, в этом процессе был дан ответ в общих словах, а именно, что «принудительные и произвольные» средства являются незаконными. Штрафы, наложенные на обвиняемых, были лишь номинальными.

Третий групповой процесс, а именно питтсбургский процесс 1815 г., возник в результате стачки за более высокую заработную плату, как и предыдущие процессы. Обвинения были выставлены те же самые, что и там, и судья занял такую же позицию, какая была занята судом в нью-йоркском процессе. Однако он раз'яснил полнее смысл «принудительного и произвольного» действия: «В том случае, если какие-либо лица, — сказал он, — объединятся для того, чтобы довести до бедности третье лицо или причинить ему какой-либо вред или совершить действие, вредное для общества», — они участвуют в незаконном заговоре. Конкретно является незаконным «устроить заговор с целью заставить предпринимателя не нанимать указанного рода лиц», или «устраивать заговор с целью воспрепятствовать человеку свободно выполнять свою работу в определенном месте», или «участвовать в заговоре с целью заставить людей стать членами определенного общества или платить взносы за это общество», или если какие-либо лица «устраивают заговор с целью заставить рабочих работать за известную плату». Так, цель общества сапожников состояла в том, чтобы добиться осуществления своего требования закрытой мастерской, что подлежало уже судебному преследованию.

Защитник доказывал на этом процессе, что то, что законно для одного индивидуума, законно также и для коллектива индивидуумов. Суд, однако, отклонил эти аргументы на том основании, что существует

основное различие между тем, когда отдельное лицо делает какую-нибудь вещь, и когда эту же самую вещь делают несколько сговорившихся индивидуумов. Таким образом доктрина заговора получила ясное и недвусмысленное определение.

Другой характерной чертой питтсбургского процесса было подчеркивание идеи, что поведение обвиняемых было вредно для общества. Судья осудил обвиняемых, потому что они стремились «создать монополию или уничтожить полную свободу профессий». То, что не разрешено муниципалитету, аргументировал он, того нельзя разрешить делать частной ассоциации индивидуумов. Из группы процессов, возникших на почве оживления тред-юнионистской деятельности в двадцатых годах, первый процесс против филаделфийских сапожников-хозяев начат был в 1821 г., и судья считал, что мастера, которых рабочие заставили увеличить заработную плату, имели законное право устроить заговор с целью низвержения тарифных ставок до их «естественного уровня». Но он считал, что если бы предприниматели устроили сговор с целью понижения заработной платы для рабочих ниже уровня, определенного путем свободной конкуренции, то такой сговор был бы преступным.

Другой пенсильванский процесс возник в результате стачки филаделфийских портных в 1827 г., имевшей целью добиться возвращения на работу шести уволенных членов. Как и в предыдущих процессах, суд отклонил требование о признании сговора с целью поднятия заработной платы незаконным действием и направил внимание присяжных на вопрос об устрашении и принуждении, в особенности ввиду того, что здесь была затронута третья сторона. Обвиняемые были признаны виновными.

В третьем процессе нью-йоркских шляпочников в 1823 г. обвинение в заговоре с целью увеличения заработной платы совершенно отсутствовало в обвинительном акте. Дело сведено непосредственно к вопросу об организации заговора с целью нанести вред другим путем принуждения и устрашения. Шляпочники были найдены виновными в сговоре с целью лишить неорганизованных рабочих их средств существования.

Оживление тред-юнионистского движения в середине тридцатых годов породило, как мы видели, другой ряд судебных процессов.

В 1829 г. штат Нью-Йорк внес в свой уголовный кодекс параграф о наказуемости заговора «с целью совершения какого-либо поступка, оскорбляющего общественную мораль, или нанесения вреда для промышленности и торговли». В 1835 г. женевские сапожники устроили забастовку с целью добиться признания закрытой мастерской. Рабочие

эти были осуждены в суде низшей инстанции и подали апелляцию в верховный суд штата. Верховный судья Сейведж в своем решении, осуждавшем рабочих, расширил обвинение и внес в него пункт о заговоре с целью поднятия тарифных ставок и осудил обвиняемых, как подходящих под вышеуказанный параграф.

Все значение этого решения выяснилось в процессе портных в следующем году. Рабочие обвинялись в том, что они прибегали к устрашению и насилию, охраняя мастерские своих предпринимателей во время долго длившейся стачки против уменьшения заработной платы. Судья Эдвард в своем обращении к присяжным называл общество портных незаконным сговором, при чем он в значительной степени опирался на решение судьи Сейведжа. Присяжные вынесли обвинительный приговор, но рекомендовали снисхождение. Судья оштрафовал председателя общества на 150 долларов, одного рабочего на 100 долларов, а остальных каждого по пятидесяти долларов. Штрафы были немедленно уплачены с помощью сбора, сделанного тут же, в суде.

Эти решения вызвали сильную реакцию в среде рабочих. Они устроили массовый митинг в парке Сити-Холл, на котором присутствовало около 27.000 человек, сожгли изображения судей Сейведжа и Эдварда и решили созвать штатный съезд с целью образования рабочей партии.

Однако шум, поднятый по поводу этого извращения правосудия, был настолько велик, что он, несомненно, оказал влияние на присяжных. Вскоре после процесса портных возникло еще два процесса — сапожников города Годсона (шт. Нью-Йорк) в июне и филаделфийских штукатуров в июле 1836 г. В обоих процессах присяжные вынесли оправдательные вердикты. Из всех рабочих, которым было предъявлено обвинение в течение этого периода, годсоновские рабочие наиболее смело действовали в своей борьбе за закрытую мастерскую. Они не только отказывались работать для предпринимателей, нанимавших неорганизованных рабочих, но и штрафовали их; но они все же были оправданы.

Наконец, шесть лет спустя, в 1842 г., долгое время после того, как профессиональные общества перестали существовать вследствие безработицы и депрессии, состоялось знаменитое решение в массачузетском процессе.

Это был процесс сапожников, возникший на почве стачки. Решение низшей инстанции было неблагоприятно для ответчиков. Однако оно было отменено верховным судом штата Массачузетс. Решение, мотивированное верховным судьей Шоу, интересно тем, что оно

признает профсоюзы законными организациями. В прежних процессах никогда не указывалось определенно и обстоятельно, что профсоюзы представляют собой незаконное явление, но постоянно делались подобные намеки. Теперь же было признано, что профсоюзы сами по себе являются законными организациями, и хотя рабочие могут объединяться с преступной целью под маской профсоюза, все же подобная цель не может быть признана, если налицо нет убедительных доказательств. Наоборот, суд заявил, что если ассоциация организовывалась с невинными целями и потом ее используют ее руководители с целью угнетения и нарушения справедливости, то преступление совершают те, которые «преступно использовали организацию или давали согласие на таковое преступное использование ее, но не другие члены ассоциации». Эта доктрина, что организация профсоюзов представляет собою законное явление, признавалась почти во всех процессах.

Другая доктрина, которую привел судья Шоу в этом процессе, пользовалась впоследствии менее общим признанием. Доктрина эта состояла в том, что члены союза имеют право требовать увольнения не-членов посредством стачки. Это является главной сутью вопроса о закрытой мастерской, и в массачузеттском процессе стачки с требованием закрытой мастерской были признаны в полной мере законными. Судья Шоу заявил, что нет ничего незаконного в подобных стачках, если они ведутся мирным путем. Это решение является весьма прогрессивным в сравнении с позицией, занимаемой многими судьями по этому вопросу даже в настоящее время. После массачузеттского процесса произошло в вопросе о применении судами доктрины о заговоре к тред-юнионам затишье, длившееся сорок лет. И действительно, тред-юнионы настолько чувствовали себя в безопасности от нападения со стороны суда, что в течение семидесятых и в начале восьмидесятых годов их руководители требовали легальной регистрации тред-юнионов. Это стремление к регистрации представляется крайне интересным, если сравнить его с противоположной позицией, занимаемой лидерами профсоюзов в настоящее время. Мотивы, которые выставлялись тогда в пользу регистрации, шли дальше обычного довода о необходимости охранять профсоюзные кассы против растраты должностными лицами. Полное перечисление других мотивов можно найти в свидетельских показаниях рабочих лидеров перед сенаторской комиссией по вопросам просвещения и труда в 1880 году. Мак-Гвир, национальный секретарь братства столяров, выступая пред комиссией в защиту издания закона о национальной регистрации, исходил из того мотива, что подобный

закон, проведенный конгрессом, сделает невозможным применение к профсоюзам законов о заговоре, которые все еще продолжали существовать, хотя и в дремлющем состоянии, в уголовных кодексах целого ряда штатов, например Нью-Йорка и Пенсильвании. Они говорили, что «если конгресс не имеет власти сделать это, то он должен взять эту власть и, если необходимо, изменить конституцию для того, чтобы он мог это сделать». Адольф Штрассер, председатель союза выделывателей сигар, поднял вопрос о защите профсоюзных фондов и выставил в качестве второго довода в пользу регистрации то, что она «придавала бы нашей организации больше устойчивости и таким образом мы были бы в состоянии избежать стачки, приходя, быть может, к соглашению с предпринимателями, в то время, как при другом положении дела мы не в состоянии поступать таким образом, потому, что если бы наши предприниматели узнали, что мы признаны законом, то это имело бы такое моральное воздействие на них, что они не могли бы не признать нас сами». В. Г. Фостер, секретарь законодательной комиссии федерации союзов квалифицированных и неквалифицированных рабочих, указал, что в Огайо закон предвидит регистрацию с платой незначительного сбора, но что он хочет «издания закона в национальном масштабе с целью узаконения арбитража». Он, однако, заявил, что не желает принудительного арбитража, но требует лишь, чтобы предприниматели были принуждены иметь дело с профсоюзами или чтобы беспартийное учреждение вело следствие. Подобно Фостеру Джон Джарет, председатель смешанной ассоциации рабочих железоделательной и сталелитейной промышленности, выступил перед комиссией в пользу закона о регистрации лишь потому, что последний благоприятно повлиял бы в смысле соглашения и арбитража. Он также высказался против принудительного арбитража, но обнаружил, что он продумал этот пункт менее ясно, чем Фостер.

Молодые и активные тред-юнионы начала восьмидесятых годов видели лишь хорошие стороны регистрации без ее опасных сторон. Их последующий опыт с судами превратил их из сторонников в ярых противников регистрации, а также и того метода, который Фостер назвал «легализованным арбитражем».

В течение восьмидесятых годов было издано множество законов, касающихся трудовых конфликтов. Законы против бойкота и составления черных списков и законы, запрещающие преследование членов, принадлежавших к союзу, были проведены в течение этого десятилетия. В этот период были проведены законы о добровольном арбитраже и большинство законов о регистрации союзов. Лишь в Нью-Йорке и

Мериленде были отменены законы о заговоре. Четыре штата провели такие законы, и многие штаты приняли законы против устрашения. Однако законы играли в то время, как и теперь, лишь второстепенную роль. Единственный закон, который имел на практике большое значение, был шермановский закон против трестов. Когда конгресс провел этот закон в 1890 г., не многие думали, что его можно будет применить к рабочим союзам. Однако в 1893—1894 г.г., как мы увидим ниже, закон этот был применен в целом ряде рабочих процессов и в особенности в деле Дебса. Озлобленность, проявлявшаяся в промышленных конфликтах в течение восьмидесятых годов, делала неизбежным переход рабочего движения к боевой тактике. В течение этого десятилетия впервые стали часто выставляться в связи с рабочими конфликтами обвинения вроде «подстрекательства к бунту», «нарушения порядка на улице» и т. д. Обвинительные приговоры выносились часто, и наказания были часто суровые. Какую позицию суды в это время занимали в отношении рабочих, прибегавших к насилию, наиболее ярко показывает приговор по делу чикагских анархистов, хотя его, конечно, нельзя считать типичным ввиду крайней суровости наказания.

Но значение периода восьмидесятых годов в истории развития отношения судов к рабочим организациям лежит не в этих процессах, которые, в конце концов, были не чем иным, как обыкновенными процессами, получившими небывалое значение благодаря интенсивным формам экономической борьбы и благодаря возбужденному состоянию общественного мнения, а в новой жизни, влитой в доктрину о заговоре в применении к трудовым конфликтам. В течение восьмидесятых и девяностых годов состоялось больше процессов о заговоре, чем в течение всего конца столетия. Организованные рабочие, в особенности в 1886—1887 г.г., должны были считаться с судебным вмешательством. В этот период, как мы видели, было проведено обширное штатное законодательство, усиливавшее применение закона о заговоре к рабочим конфликтам. Осуждение в Нью-Йорке бойкотистов в 1886 г. и многие другие подобные приговоры, хотя и менее известные, над участниками стачек и бойкотов произошли на этой почве.

Когда и где в Соединенных Штатах было вынесено первое «запрещение», касающееся рабочих организаций, официально неизвестно. Запрещение было применено в одном нью-йоркском процессе в 1880 г., но оно было отменено. Также было вынесено запрещение в Айове в 1884 г., но до стачки на Юго-Западной железной дороге в 1886 г. запрещением широко не пользовались. К 1890 году публика еще мало слы-

шала о запрещениях в применении к трудовым конфликтам, но пользование ими было уже подкреплено многими прецедентами.

Первые запрещения, получившие широкую известность, были те, которые были выпущены федеральными судами во время стачки машинистов на железной дороге Чикаго — Берлингтон — Квинси в 1888 г. и во время железнодорожной стачки начала девяностых годов. Оправдание для этих запрещений было найдено в законах, названных междуштатным торговым актом и шермановским законом против трестов. Штатные суды часто пользовались этими федеральными процессами в качестве прецедентов, несмотря на то, что в них вынесение запрещений основывалось на специальных законах. В других случаях прибегали к соображениям более логического характера и оправдывали выпуск запрещений соображениями справедливости. Но большинство обвинений, которые судьи выдвигали против стачечников, предусматривались уже в уголовном законодательстве. В этом случае организованные рабочие указывали, что запрещения нарушали старый принцип, гласящий, что справедливость не препятствует предупреждению преступления. Подобных затруднений не появлялось там, где вынесение запрещений оправдывалось в качестве мероприятия для защиты собственности. В процессе Дебса, когда верховный суд Соединенных Штатов вынес решение о применении запрещений к трудовым конфликтам, он обратился к помощи этой теории.

Но теория защиты собственности также представляла некоторые затруднения. Проблема состояла в восстановлении принципа неоправданного вреда, нанесенного собственности истца. Дело обстояло очень просто, когда стачечников обвиняли в разрушении недвижимой собственности, в поджоге или в саботаже. Тогда они портили физическую собственность истца, и так как это обычно были люди, которые не могли возместить убытков, то всякий нанесенный ими вред был неоправдан. Но это были исключительные случаи. Обыкновенно вынесением запрещений стремились предупредить не насилие, а стачки, борьбу со штрейкбрехерами или бойкот. Стачки и борьба со штрейкбрехерами угрожали не физической собственности предпринимателей, а отношениям, которые они установили в качестве работодателей. Бойкот, очевидно, не стоит ни в какой связи с актами насилия против физической собственности, но он имеет своей задачей лишь подорвать те прибыльные отношения, которые предприниматели завязали со своими заказчиками. Это те преимущества, которые старые предприятия имеют перед своими новыми конкурентами, и они обыкновенно могут быть передаваемы и имеют рыночную ценность. По этим причинам они признаются ныне

собственностью, что было впервые сформулировано около середины девятнадцатого столетия.

Первый процесс, в котором была признана ценность этих преимуществ на рабочем рынке, был процесс Уокера против Кронипа, разбиравшийся в массачусеттском верховном суде в 1871 году. Суд постановил, что истец имел право на получение убытков с ответчиков, т.-е. некоторых профсоюзных должностных лиц, так как последние подстрекали его рабочих оставить свою работу, и что они также воспрепятствовали ему принять на работу новых рабочих. Но все же эти преимущества не рассматривались в качестве собственности в полном смысле этого слова. Следующий шаг был сделан в процессе Барра в Нью-Джерси в 1893 г. С того времени часто выносились запрещения в рабочих процессах в том смысле, что как преимущества, основанные на торговой функции, так и преимущества, основанные на предпринимательской функции, являются собственностью.

В течение восьмидесятых годов, несмотря на широкое развитие юридических теорий о конфликтах между трудом и капиталом, выпуск запрещений происходил лишь спорадически, но настоящий поток их появился в 1893—1894 г.г.

Во время пультмановской стачки федеральными судами было вынесено множество запрещений по инициативе министерства юстиции. Вследствие запрещения, выпущенного в Чикаго, возник знаменитый процесс против Юджина Дебса, дошедший до верховного суда Соединенных Штатов. Решение суда по этому процессу представляет значительный интерес, потому что оно покрывало многие сомнительные вышеупомянутые пункты и подводило под использование запрещений в конфликтах между трудом и капиталом твердый законный базис. Другим знаменитым решением верховного суда явился приговор по делу, возникшему в результате железнодорожной стачки начала девяностых годов, вынесенный в 1897 г. В этом приговоре суд постановил, что все лица, осведомленные о выпуске какого-либо запрещения, обязаны повиноваться ему, независимо от того, названы ли они по имени, или нет.

К концу девяностых годов рабочее движение, обогащенное, с одной стороны, уроками прошлого и достижениями в области коллективных договоров, но, с другой стороны, находившееся под гнетом нового вида судебного нападения и растущего объединения предпринимателей, вступило в период новых завоеваний, но в то же время встретилось с рядом новых затруднений.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЧАСТИЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ И НОВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ.

(1898—1914 г.г.).

Когда в 1898 г. наступил период промышленного под'ема, вместе с ним начался и быстрый рост рабочей организации. Ни в один из периодов своей истории до мировой войны, не исключая и периода «великого под'ема» восьмидесятых годов, рабочие организации не сделали таких завоеваний, как в течение пяти лет, последовавших за 1898 г. Правда, ни в один из этих годов количество рабочих не увеличилось сразу больше, чем на полмиллиона, как это было в 1886 г., тем не менее, с точки зрения постоянства, под'ем восьмидесятых годов никоим образом не может быть сравниваем с тем под'емом, который начался в конце девяностых.

В течение 1898 г. число членов Американской федерации труда фактически оставалось в стационарном состоянии, но в течение 1899 г. оно возросло на 70.000 чел. (приблизительно до 350.000), в 1900 г. оно возросло на 200.000, в 1901 г. на 240.000, в 1902 г. на 237.000, в 1903 г. на 441.000, в 1904 г. на 210.000, так что общее число достигло 1.676.000. В 1905 г. начался отлив, и число членов уменьшилось в этом году приблизительно на 200.000. Оно оставалось фактически в стационарном состоянии до 1910 г., когда начался опять прилив, в конечном результате которого в 1913 г. число членов достигло 1.996.000. Если включить организации, не входившие в федерацию труда, в том числе каменщиков (они вошли в федерацию в 1917 г.) и четыре железнодорожных братства, насчитывавших вместе около 700.000, то число организованных в союзы рабочих в 1913 г. доходило приблизительно до 2.700.000 человек.

Лучшим показателем прогресса является пропорциональное отношение числа организованных рабочих к числу рабочих, которых можно было бы организовать. Были произведены два вычисления такого рода.

Проф. Джордж Барнет исчисляет число рабочих, которых можно было бы организовать, в 1900 г. в 21.837.000, а в 1910 г. в 30.267.000. Исходя из этих данных, организованных рабочих было 3,5 % в 1900 г. и 7 % в 1910 г. Лео Вольман дает для 1910 г. более подробные цифры. Если исключить группу лиц, пользующихся наемным трудом, группу лиц, получающих жалованье, земледельческих рабочих, прислугу и рабочих, не достигших двадцатилетнего возраста, то всего окажется рабочих, пригодных для организации, 11.490.944. Считая число входивших в профсоюзы рабочих в 2.116.317 человек, организованных было 18,4 %. Если же лишь исключить группу лиц, пользующихся наемным трудом, и группу лиц, получающих жалованье, то получится 7,7 %, что близко подходит к данным проф. Барнета.

Большее значение имеют цифры Вольмана относительно организации по производствам. Его исчисления показывают, что в пивоваренной промышленности было 88,8 % организованных, в типографском и переплетном деле 34,3 %, в горной промышленности 30 %, в транспорте 17 %, в одежной промышленности 16,2 %, в железнотельной и сталелитейной промышленности 9,9 %, в металлической 4,7 % и в текстильной 3,7 %. По отдельным профессиям железнодорожные кондуктора и паровозные машинисты давали 50 — 100 % организованных, печатники, паровозные кочегары, литейщики и штукатуры давали 30 — 50 %; пекаря, столяры, водопроводчики — 15 — 30 % организованных.

На-ряду с численным ростом рабочих организаций шло распространение организационной работы на незатронутые до того профессии, а также основание секций в новых областях Юга и Запада. Все же в целом федерация, хотя она и не забывала о неквалифицированных, в течение пятнадцати лет после 1898 г., главным образом, привлекала в свои ряды верхние слои полуквалифицированных рабочих. Вплоть до периода подъема, наступившего в результате мировой войны, федерация не включала в своем составе в какой-либо значительной степени ни совершенно неквалифицированных, ни частично квалифицированных рабочих-иммигрантов, за исключением горнорабочих и рабочих одежной промышленности. Другими словами, те элементы, которые, стоя ниже уровня квалифицированных рабочих, добились принятия их в федерацию, это были, главным образом, те же элементы, которые добились признания своего права на организацию в бурный период «Рыцарей труда». Новые элементы американского рабочего класса, появившиеся с восьмидесятых годов — иммигранты из восточной и южной Европы, с одной стороны, и все возрастающий контингент «кочующих» рабочих

американского, а также северно-и западно-европейского происхождения, с другой стороны — все они в значительной степени оставались неорганизованными.

Годы подъема привели с собой усиление деятельности тред-юнионов в неслыханном до того масштабе. Заработная плата повсюду поднялась, и рабочий день сократился. Новая мощь профсоюзов выдержала блестяще испытание в тяжелые времена, последовавшие за финансовой паникой октября 1907 г., когда они успешно боролись против понижения заработной платы. Таким же удачным экзаменом явилось и достижение сокращения рабочего дня. В 1900 г. восьмичасовой день был общим правилом в строительных профессиях, среди тесальщиков гранита и среди углекопов, добывавших смолистый уголь. Наиболее шумевшую и стоившую больших денежных затрат борьбу за восьмичасовой день провели печатники. В конце восьмидесятых и в начале девяностых годов союзу типографов удалось установить девятичасовой день в типографиях. Введение линотипной машины в течение периода депрессии (1893—1897 г.г.) затруднило проведение девятичасового дня в жизнь. Но, несмотря на это препятствие, союз типографов отстоял свое завоевание. Союз постановил, что лишь поденные наборщики имеют право работать на линотипах, и благодаря этому оказался в состоянии справиться с создавшимся положением. Более того, в 1898 г. союз сумел добиться введения девятичасового дня во всех почти книжных типографиях, заключив договор с ассоциацией владельцев книжных типографий. В 1903 г. союз потребовал введения с 1 января 1906 г. восьмичасового дня во всех типографиях. Ассоциация владельцев типографий в ответ на это требование об'явила в конце лета 1905 г. локаут всем организованным печатникам. Это вызвало немедленно стачку под лозунгом восьмичасового дня. Американская федерация труда обложила всех своих членов специальным сбором в пользу стачечников. В 1907 г. союз типографов победил по всей линии, хотя эта победа и обошлась в несколько миллионов долларов. В 1909 г. ассоциация владельцев типографий официально признала восьмичасовой день.

Другим доказательством успеха тред-юнионистского движения является распространение цеховых договоров. Идея совместного участия организованного труда и организованного капитала в управлении промышленностью, боровшаяся за свое признание еще с пятидесятых годов, в конце концов стала обнаруживать определенные признаки реализации.

1. Углекопы.

Ни в одной отрасли промышленности борьба профсоюза за «признание» не представляла более разнообразной и поучительной картины зарождения нового порядка, чем в угольной промышленности. Союз углекопов, стоявший лицом к лицу в антрацитном районе ¹⁾ с небольшой и хорошо спаянной группой шахтовладельцев, носившей характер «треста», в то же время находившийся в не менее тяжелом положении в каменноугольных районах, где шахтовладельцы отчаянно конкурировали друг с другом, сумел в течение пятнадцати лет организовать рабочих всех этих районов. И в то же самое время союз постепенно разрешал гигантскую внутреннюю проблему превращения говорящей на множестве различных языков массы в хорошо дисциплинированную армию.

Союз углекопов добился своих первых успехов в так называемом центральном каменноугольном районе, в состав которого входят Западная Пенсильвания, Западная Виргиния, Огайо, Индиана, Мичиган и Иллинойс. В этом районе начало было положено в 1886 г., когда шахтовладельцы и союз заключили между собой коллективный договор. Однако область его применения ограничивалась копиями, находившимися в Огайо, и, кроме того, действие даже этого договора прекратилось в 1890 г. С прекращением действия этого договора число членов настолько уменьшилось, что ко времени всеобщей стачки в 1894 г. общее число плативших взносы членов не превышало 13.000. Эта стачка имела целью восстановить тарифную сетку 1893 г., но в течение следующих лет депрессии ставки заработной платы были еще более понижены.

Поворот совершился внезапно. В 1897 г., имея в своем составе лишь около 10.000 членов и пустую кассу, союз углекопов объявил всеобщую стачку, полагаясь на повышательные тенденции рынка и на пробуждение духа солидарности в среде большинства неорганизованных рабочих после четырех лет безработицы. И действительно, лидеры не ошиблись в своих расчетах. На распоряжение об объявлении стачки отозвалось более 100.000 углекопов. В Иллинойсе в начале стачки в союз входило очень незначительное число членов, но углекопы забастовали все до одного. Забастовка была везде, кроме Западной Виргинии, полная. Этот штат издавна считался самым слабым пунктом

---

¹⁾ Небольшой, но очень богатый район в Восточной Пенсильвании, где находятся единственные в Соединенных Штатах залежи антрацита.

союза углекопов. Несмотря на то, что Американская федерация труда бросила почти всех своих организаторов в эту небольшую область, которая тогда лишь начинала сознавать предстоящее ей значение в углепромышленности, лишь одна треть углекопов забастовала. Тут сказались также и влияние более энергичного вмешательства судебной власти, чем в других штатах. Суды выпустили «запрещения», по которым стачечникам не разрешалось устраивать уличные демонстрации и многочисленные собрания. Зато западно-виргинские углекопы получали выражения солидарности со всех сторон. Множество союзов, со всех концов страны, и даже посторонняя публика оказывали забастовавшим углекопам финансовую поддержку. В штате Иллинойс губернатор Джон Р. Тернер отказался удовлетворить требования некоторых шерифов об отправке милиции.

Всеобщая стачка 1897 г. закончилась в центральном каменно-угольном районе после борьбы, продолжавшейся двенадцать недель. Соглашение, к которому пришли обе стороны, представляло собой безусловную победу союза. По этому соглашению заработная плата углекопов была повышена на 20 %, был введен восьмичасовой день, были убраны лавки компании, и восстановлена система установления междуштатных тарифных сеток на ежегодных общих конференциях с предпринимателями, что означало официальное признание союза углекопов. Однако западно-виргинские предприниматели отказались подписать это соглашение.

Первая из этих междуштатных конференций состоялась в январе 1898 г., и на ней углекопы получили дальнейшее повышение заработной платы. Кроме того, углекопам были сделаны еще некоторые уступки. Эта победа была бы невозможна, если бы в это время не началась повышательная тенденция в ценах на уголь.

Но как бы ни была велика новооткрытая сила союза, она распределялась далеко не равномерно по всему каменноугольному бассейну. Его сильнейший центр находился в Иллинойсе. Хорошо пополненная касса Иллинойсского округа много раз оказывала союзу денежную помощь или предоставляла ему займы для его работы в других каменно-угольных округах. Слабейшим пунктом союза углекопов была Западная Виргиния. К концу всеобщей стачки 1897 г. число членов союза из Западной Виргинии равнялось лишь 4.000. Более того, дальнейший рост организации наталкивался на необычные препятствия. Значительный процент западно-виргинских углекопов составляют негры и белые горцы. Этим оказалось гораздо труднее организовать, чем иммигрантов из Южной и Восточной Европы, образовывавших большинство в других округах.

Между тем Западная Виргиния, в качестве растущего углепромышленного штата, вскоре приобрела большое стратегическое значение. Более низкая тарифная сетка, лучшее качество ее угля и сравнительная обеспеченность от стачек, все это делало Западную Виргинию сильнейшим конкурентом других округов центрального каменноугольного бассейна. Западно-виргинские предприниматели были в состоянии заставить работать своих углекопов большее число дней в году, чем шахтовладельцы других округов, и, несмотря на более низкие расценки с тонны, западно-виргинские углекопы зарабатывали лишь немногим менее за год, чем входившие в союз углекопы других штатов. Но более всего препятствовало работе союза углекопов в Западной Виргинии судебное вмешательство в стачки и в организационные кампании. В 1907 г. судом был вынесен приговор, временно запрещающий союзным организаторам пытаться организовать рабочих, подписавших договоры, в которых они обязались не вступать в союз углекопов, пока они состоят на службе у компании. Это запрещение было сделано постоянным в 1913 г. Это предписание окружного суда было отменено апелляционным судом в 1914 г., но подтверждено затем верховным судом Соединенных Штатов в марте 1917 г. С недавнего времени господствующее положение в Западной Виргинии, благодаря скупке копеей, заняла стальная корпорация Соединенных Штатов, и с тех пор предприниматели заняли еще более враждебную позицию в отношении союза углекопов.

Уже с давних пор союз углекопов составил себе репутацию союза, строго соблюдающего заключенные договоры. Эта верность данному слову соблюдалась, главным образом, под влиянием Джона Митчеля, председателя союза углекопов. Первое испытание состоялось в 1899 г., когда цены на уголь быстро поднялись вверх после того, как конференция углекопов и шахтовладельцев закрылась. Несмотря на то, что углекопы могли бы добиться более высоких тарифных ставок, если бы они забастовали, они выполнили договорные условия. Более суровое испытание имело место в 1902 г., во время большой антрацитной стачки. Тогда был созван специальный с'езд союза для того, чтобы обсудить вопрос — не должно ли призвать углекопов каменноугольного бассейна к стачке в знак солидарности с находившимися в очень тяжелом положении бастовавшими углекопами антрацитного района. Однако с'езд решил крупным большинством голосов не бастовать и не нарушать договоров, заключенных с шахтовладельцами. В 1904 г. союз опять дал доказательство своего благоразумия, когда он, принимая во внимание депрессию в промышленности, согласился на понижение заработной

платы в центральном каменноугольном бассейне. Надо, однако, отметить, что на местах происходило множество стачек или приостановок работы, нарушавших договоры.

В 1906 г. система коллективных договоров встретила новое препятствие в трениях, происходивших между шахтовладельцами в некоторых каменноугольных округах. При поверхностном взгляде могло показаться, что источником трений была попытка, сделанная шахтовладельцами штатов Огайо и Иллинойс, организовать национальную ассоциацию шахтовладельцев, которая должна была бы занять место целого ряда автономных окружных организаций. Питтсбургские шахтовладельцы, однако, воспротивились этому плану. Они предпочитали функционировавшую до сих пор систему договоров, при которой каждая организация обладала правом veto, так как в этом случае они пользовались преимуществом перед своими конкурентами в Огайо и в Индиане. Углекопы в этом вопросе заняли позицию, враждебную идее основания национальной ассоциации шахтовладельцев. В результате последовало прекращение работ в большинстве городов центрального каменноугольного района. В конце концов углекопы добились повышения заработной платы, но система междуштатных договоров была отменена, уступив место отдельным договорам по каждому району.

В 1908 г. повторилась ситуация 1906 г. На этот раз иллинойские шахтовладельцы отказались присутствовать на междуштатной конференции на том основании, что междуштатный договор был весьма невыгоден для Иллинойса. Как сказано выше, иллинойские шахтовладельцы предпочли иметь дело отдельно с союзом углекопов. Согласно с этим междуштатный договор был отменен и применялся лишь в Индиане, Огайо и Пенсильвании.

В 1910 г. иллинойские шахтовладельцы снова отказались явиться на междуштатную конференцию, но на этот раз союз углекопов настоял на возвращении к междуштатной договорной системе 1898 г. 1 апреля 1910 г. работа была прекращена во всем центральном каменноугольном бассейне. К июлю во всех штатах, за исключением Иллинойса, были заключены договоры. Иллинойс же держался до сентября. Эта долгая борьба в Иллинойсе была первой действительной пробой сил между шахтовладельцами и углекопами с 1897 г. Победа углекопов вызвала необходимость обратного вступления иллинойских шахтовладельцев в состав междуштатного совещания.

В 1912 г., также после ряда конференций, произошло восстановление междуштатного договора в том же виде, в каком он существовал до 1906 г. Главное неудобство, на которое жаловались иллинойские

шахтовладельцы, не было устранено, и все-таки союз углекопов заставил их остаться в составе междуштатной конференции.

В антрацитном районе в Восточной Пенсильвании союз углекопов встретил на первых порах гораздо больше затруднений, чем в каменноугольном бассейне. Во-первых, рабочие почти все говорили на иностранных языках, в то время как в Иллинойсе преобладали говорившие по-английски углекопы, привыкшие к организации и к борьбе за общие цели. Во-вторых, предприниматели не были многочисленны в каменноугольной промышленности, где они объединялись лишь для совместных переговоров с рабочими. Здесь было небольшое число предпринимателей, тесно объединенных общей политикой как в области продажи угля, так и в области отношений с рабочими. Вследствие этого союз встретил каменную стену оппозиции, которую он не смог разрушить в течение долгих лет.

Во время всеобщей стачки 1897 г. союз углекопов приступил к организации антрацитных углекопов. В сентябре 1900 г. союз объявил всеобщую стачку, несмотря на то, что к этому времени союз имел в этой области лишь 8.000 членов. Здесь забастовало больше ста тысяч углекопов, и в течение нескольких недель стачка стала действительно всеобщей. Союз, вероятно, не одержал бы победы, если бы он должен был полагаться на свою экономическую мощь. Происходившие в это время президентские выборы вызвали вмешательство в стачку сенатора Марка Ханна, руководителя кампании в пользу президента Мак-Кинлея. Через его посредство председателю союза углекопов Джону Митчелю было передано, что шахтовладельцы согласны уничтожить неуютную углекопам систему скользящей скалы заработной платы, что они согласны на повышение расценок на 10 %, а также согласны встретиться с комиссиями, выбранными их рабочими, для улаживания конфликта. Это, однако, не означало формального признания союза; это не было коллективным договором, но просто неписанным соглашением. В это соглашение входил также пункт о том, что условия его должны оставаться в силе до апреля 1901 г. После прекращения их действий подобные же условия были возобновлены на следующий год, при чем переговоры носили такой же устный характер.

В течение 1902 г. непрочность этого положения привела к острым трениям. Углекопы заявляли, что многие шахтовладельцы нарушили неписанное соглашение. Шахтовладельцы, со своей стороны, обвиняли союз в том, что он пользовался всякими средствами для того, чтобы фактически проводить в жизнь принцип закрытой мастерской, о котором ничего не говорилось в соглашении. В первые месяцы второго

года углекопы выставили требования об уменьшении рабочих часов с 10 до 9, об увеличении заработной платы на 20 %, о выплате сдельных соответственно весу добытого угля и о признании союза. Шахтовладельцы отказались вести переговоры, и 9 мая началась знаменитая стачка 1902 года.

Нет необходимости рассказывать подробно о событиях этой антрацитной стачки. Нет ни одной стачки, которая была бы лучше известна и памятна всем. Более ста пятидесяти тысяч углекопов бастовали приблизительно в течение пяти месяцев. Стачка финансировалась посредством сбора в один доллар в неделю со всех работавших углекопов страны, что дало около двух миллионов долларов. Вдобавок к этому от других профсоюзов и вообще от публики поступило еще несколько сот долларов. В октябре, когда страна почувствовала очень серьезно угольный голод, президент Рузвельт вмешался в события. Он созвал председателей железных дорог, пользовавшихся антрацитом, и руководителей союза углекопов на совещание в «Белый дом» и предложил свое посредничество. Вначале шахтовладельцы категорически отказались от его предложения, но вскоре они под влиянием дружественного давления со стороны нью-йоркских финансистов согласились принять решение комиссии, которая должна была быть назначена президентом. Так была образована знаменитая комиссия по делу о стачке антрацитных углекопов. Назначение этой комиссии положило конец стачке, но решение комиссии было вынесено лишь более чем полгода спустя. Комиссия предоставила углекопам 10 % е увеличение заработной платы, 8—9-часовой день и некоторые другие улучшения. Союзу углекопов не было предоставлено признания, хотя с него и потребовали половину расходов, необходимых для содержания объединенного арбитражного учреждения, созданного комиссией. Когда это решение было обнародовано, углекопы были им очень недовольны. Однако председатель союза Митчель употребил все усилия к тому, чтобы союз принял это решение. Был устроен референдум, и углекопы большинством голосов приняли решение комиссии.

Стачка антрацитных углекопов 1902 г., несомненно, была более значительным явлением в истории американского тред-юнионистского движения до того времени и с тех пор вряд ли была превзойдена. Конечно, события вроде великой железнодорожной стачки 1877 года и процесса чикапских анархистов 1887 г. также поставили рабочий вопрос в центре внимания. Но стачка антрацитных углекопов ярко выделялась тем, что рабочая организация впервые приостановила на ряд месяцев отрасль промышленности, имевшую стратегическое значение.

В причиненных стачкой страданиях население не увидело революционной угрозы существующему общественному строю, которую правительство должно устранить. Наоборот, ее встретили, как силу, действующую в рамках правового порядка и имеющую право на сочувствие со стороны населения. Общество идентифицировало антрацитных предпринимателей с трестовским движением, которое было тогда новым явлением и, повидимому, противоречило традиционному общественному строю свободной Америки; наоборот, бастующие углекопы оказались почти борцами за принципы Старой Америки. Сильным фактором в пользу стачечников явилась некрасивая тактика предпринимателей, которая была на руку руководителям движения. Последние, в особенности Джон Митчел, руководили стачкой с большим искусством.

Но все-таки решение комиссии далеко не оправдало надежду союза и его сторонников вне рабочих рядов. Отказавшись дать формальное признание, комиссия тем самым отказалась превратить профсоюзы в публично признанный фактор руководства промышленностью и объявила, что роль профсоюзов ограничивается представлением ходатайств и жалоб.

В течение 10 лет, последовавших за стачкой 1902 г., профсоюзы не сумели развить своей мощи в антрацитном районе в такой мере, в какой многие рассчитывали. В известной мере доказательством слабости союза является тот факт, что тарифная сетка в этом районе оставалась неизменной до 1912 г., несмотря на вздорожание жизни. Тарифные ставки антрацитных углекопов 1912 г. были немногим выше, чем в 1902 г., потому что цены на уголь возросли, и комиссия по стачке антрацитных углекопов восстановила систему скользящей скалы при тоннажных расценках.

Большой слабостью союза было отсутствие денег. Число членов постоянно росло накануне истечения срока договора, но уменьшалось с возобновлением спокойствия. Когда не предвиделось никакой стачки, славянские и итальянские углекопы отказывались платить взносы. Первоначально решение должно было быть в силе до 1 апреля 1906 г., в июне 1905 г. число членов не превышало 39.000 человек, но к 1 апреля 1906 г. в союзе находилась половина всех углекопов. Вслед за тем последовала приостановка работы. В начале мая союз и шахтовладельцы заключили соглашение об оставлении в силе решения комиссии на другие три года.

В течение последующих трех лет повторились события 1903—1906 гг. Число членов снова упало, но весной 1909 г. оно достигло

прежнего уровня. Союз опять потребовал формального признания, ему снова в нем было отказано. Опять первоначальное решение комиссии было оставлено в силе еще на три года.

Зимой 1912 г., когда приближалось время для возобновления договора, общее число членов в трех округах не превышало 29.000. Тем не менее союз углекопов потребовал увеличения заработной платы на 20 %, полного признания союза и ежегодного заключения договоров и, кроме того, более удобной системы разрешения местных конфликтов, путем замены медленно действовавших сложных объединенных арбитражных учреждений, которые установило решение комиссии. 1 апреля 1912 года началась стачка 180.000 антрацитовых углекопов, в течение которой шахтовладельцы не пытались пустить в ход работы на своих шахтах. Стачка закончилась в течение месяца на основе уничтожения скользящей скалы, увеличения заработной платы приблизительно на 10 % и пересмотра арбитражного аппарата по местным конфликтам. Это было связано с некоторой большей степенью признания, но никоим образом не с полным признанием. Удивительнее всего было то, что соглашение говорило о четырехлетнем контракте, в то время как союз вначале требовал годичного контракта. Несмотря на оппозицию со стороны местных лидеров, углекопы приняли соглашение. Главным доводом председателя союза Уайта за принятие соглашения была необходимость перестроить союз раньше, чем можно будет попытаться добиться чего-нибудь большего.

После 1912 г. союз вступил в стадию серьезной организационной работы. В течение следующих лет число членов увеличилось более чем вчетверо. Прекращение иммиграции в результате европейской войны сильно увеличило мощь союза. В результате в 1916 г., когда договор был возобновлен, углекопы получили не только существенное увеличение заработной платы и 8-часовой день, но также и полное признание. Союзу углекопов удалось таким образом, наконец, урвать часть промышленного контроля из рук капиталистических объединений страны. Союз обещал вместе с тем, что при разумной подготовке и соответственном обращении многоязычные иммигрантские массы, прибывшие из Южной и Восточной Европы, о которых думали, что им недоступна идея рабочей организации, могут быть превращены в подходящий материал для юнионизма.

Рост союза в общем виден из следующих цифр: в 1898 г. число его членов равнялось 33.000, в 1900 г. — 116.000, в 1903 г. — 247.000, в 1908 г. — 252.000 и в 1913 г. — 378.000.

2. Железнодорожники.

Железнодорожные рабочие разделяются на три группы. В одну группу входят: «Братство паровозных машинистов», «Орден железнодорожных кондукторов», «Братство кочегаров» и «Братство железнодорожных проводников». Это самые старые и наиболее сильные организации железнодорожных рабочих, и они не входят в Американскую федерацию труда. Во вторую группу входят рабочие железнодорожных мастерских, в том числе: «Интернациональная ассоциация механиков», «Интернациональное братство кузнецов», «Братство железнодорожных вагоновожатых», «Смешанный альянс рабочих листового металла», «Братство котельщиков», «Интернациональное братство электриков» и «Интернациональное братство станционных кочегаров». Третью и более смешанную группу составляют: «Братство железнодорожных котельщиков», «Орден железнодорожных телеграфистов», «Союз стрелочников», «Интернациональное братство рабочих железнодорожных путей и мастерских» и «Братство железнодорожных сигнальщиков». Организации, входящие в последние две группы, входят в состав Американской федерации труда. Для периода, продолжавшегося с 1888 г. до взрыва войны, организации, известные под названием «братств», а именно — организации инженеров, кондукторов, кочегаров и проводников, имеют наибольшее значение.

Братства эти представляют собою единичное среди американских рабочих организаций явление в том отношении, что в течение многих лет они фактически воспроизводили в главных чертах тот типичный юнионизм, который олицетворялся в больших смешанных союзах пятидесятых и шестидесятых годов в Англии. Подобно этим союзам, братства занимались взаимным страхованием и высказывались против стачек, если их прямо не запрещали. Надо, однако, убедиться, что значение, которое они придавали страхованию, вытекало не из каких-либо «философских соображений», но объяснялось фактическими причинами, ибо оно вытекало из исключительно опасных условий их профессий, вследствие которых рабочие не могли страховаться в обыкновенных коммерческих компаниях.

К концу восьмидесятых годов братства начали энергично требовать улучшения условий труда на железных дорогах, и оказалось, что железнодорожные компании не отказываются в известной степени принять во внимание их требования. Это в значительной степени объяснялось стратегической позицией этих профессий, которые, забастовавши, могут совершенно приостановить промышленность и причи-

нить огромные убытки фирмам, перевозящим товары по железной дороге. Соответственно с этим их заработная плата была увеличена и, кроме того, им были сделаны еще некоторые уступки, а именно производство по «старшинству», т.-е. производство основывалось на продолжительности службы, а не на свободном выборе начальства. Последняя уступка имела наибольшее значение, так как железнодорожный персонал, организованный таким образом, что каждый служащий должен несколько раз во время регулярного течения своей карьеры пройти от низшей до более высокой ступени по индустриальной лестнице. Так, например, типичный машинист пассажирского поезда начинает свою карьеру в качестве кочегара на товарном поезде. Затем он становится кочегаром пассажирского поезда, затем машинистом товарного поезда и, наконец, становится машинистом пассажирского поезда. Вместе с производством по старшинству братства получили право апелляции в случае расчета, чем было многое сделано для устранения разногласий. Так как эти братства пользовались такими исключительными преимуществами в отношении заработной платы и прочности своих организаций, то неудивительно, принимая во внимание ограниченность классовой солидарности между американскими рабочими вообще, что эти группы рабочих предпочли остаться одинокими в экономической борьбе, и что их нежелание войти в состав общих союзов вместе с другими, находившимися в худшем положении, группами дошло даже до того, что они остались вне Американской федерации труда.

Положение, при котором господствовала относительная гармония интересов между предпринимателями и рабочими, продолжалось около пятнадцати лет, пока оно не было нарушено факторами, находившимися вне контроля как железнодорожных компаний, так и братств. Постоянное возрастание стоимости жизни заставило братства более настойчиво заявить свои требования об увеличении заработной платы. В то же самое время регулирование железнодорожных тарифов федеральным правительством в 1906 г., постоянно стремившимся их по возможности понизить, фактически устранило возможность перенесения увеличившихся расходов на отправителя грузов. На железной дороге начались серьезные «классовые битвы».

Братства ясно увидели возрождение новой ситуации во время некоторых третейских разбирательств по вопросу о заработной плате, в которых они были одной из сторон. Исход этих разбирательств показал им, что публика окажет им лишь ограниченную поддержку в их стремлениях удержать за собой свою реальную заработную плату на

том старом высоком уровне, на котором она находилась в сравнении с заработной платой других слоев рабочих.

Наиболее значительное третейское разбирательство возникло на почве движения машинистов и кочегаров 52 восточных дорог в пользу увеличения заработной платы в 1912 г. Были назначены две отдельных арбитражных комиссии. Комиссия машинистов состояла из семи членов, из которых два представляли две заинтересованные стороны, а пять представляли публику. Решение оказалось неудовлетворительным для машинистов, во-первых, потому что им было предоставлено лишь незначительное увеличение заработной платы, а во-вторых, потому что оно содержало настоятельную просьбу к конгрессу и к стране о том, чтобы все тарифные ставки всех железнодорожных рабочих назначались комиссией и чтобы вместе с тем у них было отнято право стачки. Решение по делу кочегаров, которое было вынесено фактически одновременно с решением по делу машинистов, не удовлетворило ни ту, ни другую сторону.

Кондуктора и их помощники на восточных дорогах выступили вслед за машинистами и кочегарами с требованием увеличения заработной платы. Железнодорожные компании ответили отказом, но братства решили значительным большинством голосов бросить работу. Эта угроза стачкой послужила причиной принятия так называемого ньюландского законопроекта в качестве поправки к закону Эрмана, согласно которому были увеличены полномочия правительства в посредничестве и в котором предусматривались более специальные условия относительно работы арбитражных комиссий, избираемых в каждом отдельном случае. После того обе стороны согласились передать дело третейскому суду.

Решение, вынесенное третейским судом, допустило увеличение заработной платы на 7%, т.-е. меньше, чем на половину того, чего требовали служащие, но оно отклонило просьбу служащих об установлении единообразия между тарифными ставками восточных и западных железных дорог и отклонило требование о полуторной оплате сверхурочных работ. Служащие приняли решение арбитражного суда, но оно усилило их оппозиционное отношение к самому принципу арбитража.

Другой арбитражный процесс в 1914 г., в котором одной из сторон явились машинисты и кочегары западных железных дорог, заставил братство открыто выступить против арбитража. Решение суда было подписано лишь представителями предпринимателей и публикой. Характерным отзвуком этого процесса явилось нападение со стороны

профсоюза на одного из «нейтральных» членов суда. Союзы поставили под сомнение его беспристрастие ввиду отношений, связывавших его с некоторыми концернами, владевшими большим количеством железнодорожных акций. Поэтому, когда четыре братства в 1916 году выставили совместные требования о введении восьмичасового дня, они категорически отказались от арбитража. Эволюция к боевому юнионизму была вполне закончена.

С изменением тактики братств поездного персонала они приблизились к позиции, занятой другими железнодорожными союзами. Последние редко имели счастье погреться в лучах солнечного сияния — одобрения и признания со стороны их хозяев. Некоторые железнодорожные компании более либерального сорта заключили договоры с механиками и другими союзами рабочих железнодорожных мастерских. В общем, однако, положение этих организаций в их промышленности было непрочным. Для того, чтобы встретиться с сильными противниками на почве большего равенства, они начали в 1904 г. движение в пользу «системы федераций», т.-е. федерации всех организованных цехов на протяжении данной железнодорожной сети, например Пенсильванской железной дороги или Иллинойской центральной железной дороги. Но создание системы федераций еще более обострило их отношения с предпринимателями. Некоторые железнодорожные сети, вроде Иллинойской центральной, хотели заключить соглашение с отдельными профессиями, но отказались иметь дело с федерацией профессий. В 1912 г., под влиянием конфликта на Иллинойской центральной железной дороге и на гарримановских линиях вообще, в котором играл роль вопрос о системе федераций, была создана федерация сетевых федераций, образованная сорока железнодорожными сетями на основе наступательной программы. В 1908 г. Американская федерация труда основала слабый «департамент железнодорожных рабочих». Таким образом, федерация федераций представляла собою с точки зрения Американской федерации труда соперничающую организацию, т.-е. «нелегальную». Однако положение было слишком острым для того, чтобы в вопросе о вступлении можно было считаться с «законностью». Кое-как сговорились, и федерация федераций была узаконена путем слияния с «департаментом», который принял ее устав, должностных лиц и боевые задачи, и от которого она получила лишь одно имя. Это известный департамент железнодорожных рабочих Американской федерации труда, в состав которого входят все значительные национальные союзы железнодорожных рабочих, за исключением четырех братств.

3. Машиностроение и металлическая промышленность.

В отличие от углекопов и железнодорожных братств, профсоюзы в машиностроении и металлической промышленности имели слабый успех в своем стремлении к «признанию» и заключению коллективных договоров. Главными союзами этих отраслей промышленности являются Интернациональная ассоциация механиков и Интернациональный союз литейщиков. Последние объединили в своем составе как печных литейщиков, которые, как мы видели, были «признаны» в 1881 г., так и литейщиков, изготавливающих части машин и другое литье. Последним в своей борьбе за улучшение своего положения приходилось иметь дело с Национальной ассоциацией предпринимателей.

Промышленный под'ем, начавшийся в 1898 г., вместе с ростом тред-юнионистского движения и с успехом переговоров о междуштатном договоре в углепромышленности создал атмосферу, благоприятную для заключения договоров. Одно время «признание» казалось всем сторонам — предпринимателям, союзам и публике — чем-то вроде своего рода панацеи в экономических конфликтах. Согласно с этим в марте 1899 г. Национальная ассоциация предпринимателей литейного дела (организованная в предыдущем году и включавшая предпринимателей, занимавшихся, главным образом, производством машин) и Интернациональный союз литейщиков Северной Америки встретились на совещании и подписали следующее соглашение, ставшее известным под названием нью-йоркского договора:

«В случае возникновения конфликта между членами названных организаций, обе стороны должны употребить все усилия к тому, чтобы найти удовлетворительный выход из положения. Если это им не удастся, то каждая сторона имеет право передать свои требования в арбитражную комиссию, которая должна состоять из Национальной ассоциации предпринимателей литейного дела и председателя союза литейщиков или их представителей и двух других представителей от каждой организации, назначенных председателями этих организаций.

«Решение этой арбитражной комиссии, принятое большинством голосов, должно рассматриваться как окончательное, поскольку оно касается будущих выступлений названных организаций.

«Во время третейского разбирательства не должно быть приостановки работ. Арбитражная комиссия должна собраться в течение двух недель после подачи заявления одной из сторон».

Договор этот явился триумфом принципа непосредственного соглашения в отличие от арбитража при помощи третьей стороны. Обе стороны предпочли рисковать возможным застоём соглашательского аппарата, чем отдать право решения в руки постороннего лица, которое представляло бы собою неизвестную величину с точки зрения специальных вопросов литейной промышленности.

Первое собрание арбитражной комиссии происходило в Кливленде в мае 1899 г. Оно должно было рассмотреть требования, выставленные союзами Ворчестера (шт. Массачузетс) и Провиденса (шт. Род-Айланд), — требования об установлении минимальной заработной платы, которые были отклонены предпринимателями. В каждом из этих городов в этом конфликте был замешан один из членов Национальной ассоциации предпринимателей плавильного дела, и рабочие этих фирм пошли на работу во время третейского разбирательства, в то время, как рабочие других фирм продолжали бастовать.

Арбитраж закончился неудачно. Хозяева и рабочие как будто оказались не в состоянии уладить свои разногласия. Каждая сторона стояла твердо на почве принципов, и арбитражная комиссия очутилась на мертвой точке. Пункт о минимальной заработной плате был наиболее важным. С 1899 г. по 1912 г. состоялось несколько совместных совещаний для обсуждения вопроса о заработной плате. В 1899 году было заключено соглашение, действие которого оказалось, однако, непродолжительным. В ноябре 1902 г. представители обеих организаций встретились и сговорились о назначении подкомиссии, которая должна была собраться в марте 1903 г. Эта подкомиссия собралась, но не могла достигнуть соглашения. Организации разошлись также и по вопросу об учениках. Предприниматели указывали, что ввиду того, что не имеется достаточно литейщиков для выполнения соответствующего спроса, союзные ограничения в отношении работы учеников должны быть отменены. Союз доказывал, что отмена ограничений создаст неограниченную конкуренцию между литейщиками, и тогда предприниматели смогут при найме назначать, какую им захочется, плату. Они также разошлись в вопросе о классификации литейщиков.

Вследствие того, что арбитражный аппарат застопорился, возникло множество стачек, нарушавших дух договора. 1 июня 1901 г. литейщики забастовали в Кливленде, выставив требование об увеличении заработной платы. Были избраны арбитражные комиссии, но им не удалось выработать соглашения. По тем же причинам вспыхнули стачки также и в Чикаго и Сан-Франциско.

В конце концов стало ясным, что нью-йоркский договор плохо работает. Осенью 1903 г. расцвет промышленности достиг своего апогея, и тогда наступила острая депрессия, которая понизила спрос на литейщиков. В начале 1904 г. Национальная ассоциация предпринимателей плавильного дела использовала выгоды этой ситуации для того, чтобы понизить тарифные ставки и в конце концов фактически отклонила нью-йоркское соглашение. В апреле 1904 г. предприниматели и рабочие литейной промышленности попытались достигнуть соглашения относительно того, каким образом можно сделать договор действительным, но они отказались от этой мысли после совещания, которое длилось четверо суток. Предприниматели указывали, что рабочие нарушали договор в 54 конфликтах из 96, возникших в течение пятилетнего существования договора. Кроме этого, они оправдывали свое поведение на том основании, что союз постоянно отказывался подчиниться арбитражу беспартийного суда.

В 1900 г. между Национальной ассоциацией металлической промышленности и Интернациональной ассоциацией механиков был заключен договор, похожий на нью-йоркский. Национальная ассоциация металлической промышленности была организована в 1899 г. членами Национальной ассоциации предпринимателей плавильного дела, плавильни которых составляли лишь часть их предприятий. Толчок к действию был дан стачкой, объявленной механиками в Чикаго и других городах с целью установления 9-часового дня. После энергичной борьбы в течение восьми недель ассоциация заключила соглашение, гарантировавшее установление более короткого дня. Хотя этот договор был прославлен как один из величайших договоров в истории рабочего движения, его действие продолжалось лишь в течение одного года, и оно прекратилось на вопросе об общем введении 9-часового дня в мастерских ассоциации. Механики продолжали заключать множество договоров с отдельными фирмами, в особенности с небольшими, но общий договор никогда не был возобновлен. Национальная ассоциация металлической промышленности стала врагом организованных рабочих, не идущим ни на какие компромиссы.

В течение следующих десяти лет как литейщики, так и механики продолжали борьбу и устраивали стачки с большим или меньшим успехом. Но аппарат промышленности в целом никогда не приблизился опять в такой степени к идее сотрудничества между организованным капиталом и организованным трудом, как в 1900 году.

4. Реакция со стороны предпринимателей.

Самим прекращением действия договоров, заключенных в машиностроении и литейном деле, идее коллективных договоров и признанию тред-юнионов был нанесен удар. Враждебные отношения со стороны предпринимателей сильно возросли теперь. Однако, пока дела шли хорошо, и повышение спроса на труд благоприятствовало рабочим союзам, предприниматели соглашались на дальнейшее функционирование договоров. Поэтому функционирование договоров окончательно прекратилось лишь тогда, когда началась промышленная депрессия 1897—1898 годов. В 1905 г. ассоциация строителей зданий расторгла свой договор с союзом строительных рабочих, что вызвало конфликт, продолжавшийся в течение долгих лет. Во время этого конфликта союз отвечал на победоносные атаки со стороны предпринимателей тактикой насилия и убийств, которые закончились фатальным взрывом в здании газеты «Los Angeles Times» в 1911 г. В 1906 г. владельцы литографий расторгли свой национальный договор с союзом литографов. В 1907 г. союз владельцев типографий порвал договор с печатниками, а владельцы доменных печей порвали со своими рабочими. В 1908 году закончился договор, заключенный двумя пароходными компаниями «Больших озер» с союзами пароходных матросов и рабочих.

В функционировании этих не имевших успеха договоров наиболее серьезным препятствием были союзные «правила работы», т.е. ограничительные правила, которые союзы стремились наложить на предпринимателей при выполнении последними своей управительской власти в мастерской, и которые назывались предпринимателями коллективным наименованием «ограничение выработки».

Сильные тред-юнионы всегда заставляли предпринимателей признавать «правила работы». Уже в первое десятилетие XIX века профессиональные общества, существовавшие тогда, пытались заставить хозяев признать принцип закрытой мастерской и ограничения ученичества вместе с более высокой заработной платой и более коротким рабочим днем. По мере того, как союз превращается из эфемерной ассоциации в прочную организацию, центр внимания переносится с заработной платы на «правила работы». Юнионисты сделали то открытие, что в общем заработная плата является непостоянным фактором, что она то повышается, то понижается в зависимости от текущих экономических условий и от стоимости жизни, но что если они сумеют заставить предпринимателей принять их правила

работы, то высокие тарифные ставки последуют за этим своим порядком.

Эти правила работы редко являются импровизациями момента, но какой бы они ни имели иногда характер, они все же являются продуктом долгого трудового опыта, и потребовалось много лет для того, чтобы они были выработаны. Ввиду того, что их целью является охрана труда, они лучше всего могут быть классифицированы по отношению к тому отдельному явлению в жизни рабочего, которое они назначены охранять: уровень жизни данной профсоюзной группы, здоровье, обеспечение места за рабочими, одинаковое обращение со всеми в мастерской, одинаковые шансы с другими рабочими в продвижении вперед, договорная мощь профессиональной группы, как целого, и гарантирование союза от попытки предпринимателя взорвать его. Мы приведем лишь некоторые из этих правил для иллюстрации. Так, например, все правила, касающиеся методов выплаты заработной платы, вроде запрещения сдельной работы и системы бонов (включая те, которые связаны с научными системами управления), являются прежде всего мероприятиями для защиты расценков цеховых рабочих против понижения их предпринимателем, а также отчасти и для охраны его здоровья против слишком большого напряжения сил. Другие правила, вроде нормального (обыкновенно 8-часового) дня с более высоким расценком за сверхурочное время; правила, требующие гарантии постоянной работы на определенное время или гарантии минимальной заработной платы, независимо от количества работы, имеющейся в мастерской; против требования распределения работы во время застоя между всеми рабочими; далее, когда становится необходимым расчет части рабочих, требование о признании предпринимателем права на постоянную работу, основанную на «старшинстве» в мастерской, — все эти правила имеют своей главной целью охрану труда. Правила другого типа, вроде обструкции против раскалывания профессии и ограничения ученичества, имеют в виду охрану договорной мощи цеховой группы путем искусственно поддерживаемого спроса на квалифицированный труд, а также и путем уменьшения числа конкурентов настоящих и будущих на места. Охрана союза против злоупотреблений предпринимателя, уже существующих или возможных в будущем, проводится путем настаивания на принципе закрытой союзной мастерской, путем признания права апелляции в соответствующие комиссии в случае расчета, с целью предупреждения выступления против союза, и путем установления права старшинства при переводе на лучшие места, что скорее привязывает рабочих к его союзу, чем к предпринимателю.

С этими суровыми правилами, которые частью уже были навязаны предпринимателю путем стачки или угрозою стачки, а частью еще не были реализованы, но энергически проводились в жизнь, юнионизм вступает в стадию коллективного договора. Проблема индустриального управления становится тогда проблемой постоянного примирения противоречащих друг другу требований предпринимателя и союза в области управления мастерской, выдвинутых этими правилами работы.

Однако такого рода компромиссы представляют собой лишь эксперименты даже в настоящее время, т.-е. 15—20 лет после того, как эти договоры прекратили свое действие; и они, несомненно, требуют большей веры в управление путем договоров и больше терпения, чем можно было ожидать от участников этих более ранних договоров. Неудивительно поэтому, что краткий период договоров после 1898 г. во многих отраслях промышленности явился лишь прелюдией к движению под лозунгом «открытой мастерской».

После разрыва с союзом Национальная ассоциация предпринимателей плавильного дела и Национальная ассоциация предпринимателей металлической промышленности приступили к систематической борьбе с союзами. Они содержали так называемое «бюро труда», поставлявшее рабочих их членам, когда оказывалась необходимость в рабочей силе, и имевшее полную запись по карточной системе о поведении каждого рабочего, работающего у членов этих предпринимательских организаций. Благодаря этой системе была устранена необходимость для предпринимателей в связи с агентами различных союзов, когда им нужны были новые рабочие. Ассоциация имела в своем распоряжении большое число неорганизованных рабочих, или штрейкбрехеров, регулярно опрашиваемых, которые посылались на предприятия каждому члену ассоциации, у которого была объявлена забастовка.

Помимо этих и других национальных организаций, на тред-юнионы было произведено нападение обширным и важным классом местных предпринимательских организаций. Наиболее влиятельной ассоциацией такого сорта была ассоциация города Дейтона (шт. Огайо). Ассоциация эта имела постоянный стачечный комитет, который в целях борьбы со стачками имел право предоставлять вознаграждение рабочим, продолжавшим оставаться на работе, и даже компенсировать предпринимателя за убытки производства в размере одного доллара в день за каждого бастующего рабочего. Была также одобрена система раздачи карточек всем рабочим, которые в случае перемены места

были обязаны представить их новому предпринимателю, на этих карточках старый предприниматель писал свои рекомендации. Крайний антиюнионизм дейтонской ассоциации лучше всего характеризуется тем, что она имела в числе своих членов предпринимателей, которым угрожали стачки, несмотря на то, что это накладывало на нее тяжелые финансовые обязанности.

Другим видом местных ассоциаций были «альянсы граждан», которые не ограничивали свой состав одними предпринимателями, но допускали в свою среду всех граждан, от которых требовалось лишь, чтобы они не были кандидатами в члены каких-либо рабочих организаций. Эти организации часто основывались предпринимателями и обращались за сотрудничеством вообще к гражданам. В некоторых местах существовали две организации: предпринимательская и «альянс граждан». Хорошим примером этого является «альянс граждан» Денвера (Колорадо), организованный в 1903 году. Эти «альянсы граждан», будучи в качестве смешанной организации чем-то более широким, чем предпринимательские организации, в период стачки заявляли претензии на то, что они выражают чувство всей общины в целом.

Вот что мы скажем о контр-атаке предпринимателей на тред-юнионизм на строго экономическом фронте. Но, кроме того, существовали также юридические и политические фронты. В 1902 г. была организована Американская противобойкотная ассоциация — тайная организация, состоявшая главным образом из фабрикантов. Цель этой организации состояла в том, чтобы выступать путем возбуждения процессов против бойкотов, объявленных тред-юнионами, и добиваться судебных приговоров против бойкота. Энергия этой ассоциации была посвящена главным образом тому, чтобы доводить известные типические случаи до ведения судов, с целью создать таким образом юридические прецеденты. В знаменитом процессе города Денвери, в котором шермановский закон против трестов был применен к союзу шляпочников, в качестве истца выступала эта ассоциация.

Борьба предпринимателей на политическом фронте лежала на обязанности Национальной ассоциации фабрикантов. Эта ассоциация вначале была организована в 1895 г. с целью защиты чисто профессиональных интересов, но около 1903 г. под влиянием дейтонской группы предпринимателей она превратилась в организацию для борьбы с тред-юнионами. Она работала в тесном контакте с другими ассоциациями предпринимателей на экономическом и юридическом фронте,

но ее главные задачи лежали в политической или законодательной области, где ей удалось путем хитрой политики, проводимой в кулуарах законодательных учреждений, свести к нулю политическое влияние рабочих, в особенности в конгрессе. Национальная ассоциация фабрикантов смотрела за тем, чтобы конгресс и законодательные учреждения штатов не ослабляли влияния судебных приказов, запретов и решений по делам о бойкотах, «закрытой мастерской» и т. д.

Движение в пользу «открытой мастерской» в его различных видах, экономическом, юридическом и политическом, было очень сильным в период с 1903 г. до 1909 г. Тем не менее, несмотря на самые настоятельные усилия и на удобную обстановку, созданную промышленной депрессией, которая последовала за финансовой паникой 1907 г., его результаты не были особенно удачными. Правда, оно было одним из факторов, которые препятствовали юбириному развитию тред-юнионизма, но ему не удалось добиться оставления последним уже завоеванных им позиций. Достаточно указать, что профсоюзам удалось предупредить уменьшение заработной платы в организованных профессиях, несмотря на безработицу и депрессию 1907 — 1908 г.г. В общем тред-юнионы удержали свои позиции против атаки предпринимателей нетрестированной промышленности. Однако в тех отраслях промышленности, которые были монополизированы и полумонополизированы, исход был другой.

Наиболее ярким примером является стальная промышленность. Закончившаяся катастрофой хомстэдская стачка 1892 г. изгнала профсоюзы из сталелитейных заводов Питтсбурга. Однако сталелитейная компания Карнеги была весьма могущественной корпорацией, но не представляла собой «треста». Паника 1893 г. нанесла другой удар смешанной ассоциации рабочих железоделательной и сталелитейной промышленности. В сталелитейных заводах графства Аллегани, за исключением Питтсбурга, профсоюзы прекратили свою деятельность до 1900 г. В Питтсбурге профсоюзы были изгнаны из железоделательных заводов в период между 1890 и 1900 г.г. Здесь организация продолжала работать лишь на железоделательных заводах, находившихся к западу от Питтсбурга, на больших сталелитейных заводах Иллинойса и в значительной части мелких заводов, находившихся в этой области. В 1900 г. пошли слухи о предстоящем образовании гигантского концерна сталелитейной промышленности. Руководители смешанной ассоциации были встревожены этими слухами. Во всякой такой комбинации стальная компания Карнеги, старый враг тред-юнионизма, легко за-

няла бы первое место, и они опасались, что она настаивала бы на изгнании союза из всех заводов комбината. Тогда председателю смешанной ассоциации Шефферу и его помощникам показалось, что наступило подходящее время для того, чтобы выступить с требованием признания, пока новая корпорация находится еще в стадии формирования. Стремясь внушить доверие публике и распространить свои акции, компании не должны были бы желать возникновения конфликта с рабочими.

Соответственно с этим в июле 1901 г., когда должны были быть установлены новые скалы заработной платы, смешанная ассоциация потребовала от Американской компании жестяных пластинок подписания скалы не только тех заводов, в которых признавалась компетенция профсоюзов, но и для всех ее заводов. На это последовало согласие при условии, что Американская компания листовой стали также согласится на это. Последняя компания отклонила это предложение, и тогда началась стачка на заводах Американской компании жестяных пластинок, Американской компании листовой стали и Американской компании стальных обручей. На совещаниях, состоявшихся 11, 12 и 13 июля, эти компании предложили подписать договор за все жестяные заводы, за исключением одного, за все листовые заводы, за которые договор был подписан в предыдущем году, и за четыре другие завода, где не было организованных рабочих, а также за все обручные заводы, за которые договор был подписан в предыдущем году. Это в значительной степени выгодное предложение было неразумно отклонено представителями союза; они требовали, чтобы соглашение было или подписано за все заводы, или вовсе не было подписано. Тогда стачка приняла самые серьезные формы. В августе месяце председатель смешанной ассоциации Шеффер потребовал, чтобы все рабочие, работавшие на заводах стальной корпорации Соединенных Штатов, присоединились к стачке.

К середине августа стало очевидным, что ассоциация совершила ошибку. Вместо того, чтобы то обстоятельство, что корпорация только что образовалась, облегчило их задачу, оказалось, что корпорация готова направить свою огромную мощь против рабочей организации. Шеффер предложил рассмотреть весь вопрос на арбитражном суде, но его предложение было отклонено, и к концу августа стачка была объявлена законченной.

Стальная промышленность была, очевидно, закрыта для тред-юнионистского движения.

5. Законодательство, суды и политика.

В то время, как тред-юнионизм в общем удерживал свои позиции против нападения предпринимателей и даже добивался победы и признания, его влияние в национальном и штатном законодательстве в течение многих лет не отражало его растущей экономической мощи. Скупой успех в законодательной области объясняется, с одной стороны, расширением деятельности федерации на новые области, которое отняло почти все ее средства и энергию, но в еще большей степени он объясняется укреплением капиталистического влияния в республиканской партии и в конгрессе, против чего президент Рузвельт выступил со своей на шумевшей кампанией. Яркой иллюстрацией к этому может послужить и попытка Американской федерации добиться проведения на практике восьмичасового дня на государственных предприятиях.

В общем, лидеры федерации мало верили в действительность усилий, направленных к тому, чтобы добиться 8-часового дня законодательным путем. Движение в пользу установления более короткого дня законодательным путем для женщин, впервые достигшее некоторого значения в девяностых годах, не было результатом выступлений организованных рабочих, но результатом агитации гуманитаристов и общественных работников; само собою разумеется, что федерация оказывала поддержку законам в пользу женщин-работниц и детей, но поскольку речь шла о взрослых рабочих-мужчинах, всегда предпочитала оставить поле действия чистым для борьбы тред-юнионов. Исключением из этого правила являлся рабочий день на муниципалитетных предприятиях.

Федеральный закон о 8-часовом дне начал привлекать внимание федерации в конце восьмидесятых годов. К этому времени закон 1868 г., предписывавший 8-часовой день на предприятиях федерального правительства, был подвергнут сильным изменениям. В решении, вынесенном в 1887 г., верховный суд установил, что закон 1868 года о 8-часовом дне имел лишь общее значение указания для чиновников федерального правительства, но он не уничтожал действия заключенных ими контрактов, в которых не было параграфа о 8-часовом рабочем дне. В виде противоядия этому решению, в 1888 г. был проведен специальный закон при поддержке федерации, устанавливавший 8-часовой день в государственной типографии. В 1892 г. был проведен новый общий закон о 8-часовом дне, в котором предусматривалось, что рабочий день на всех общественных работах Соединенных Штатов не дол-

жен превышать 8 часов, независимо от того, руководились ли эти работы непосредственно правительством, или они производились подрядчиками или контрагентами. В течение ближайших нескольких лет толкование генеральных прокуроров Соединенных Штатов фактически сделало этот закон бесполезным.

В 1895 г. федерация начала производить серьезное давление на правительство в целях проведения удовлетворительного закона о 8-часовом дне. В 1896 году предложенный ею законопроект о 8-часовом дне был единогласно принят палатой представителей. В сенате он был внесен сенатором Кайлем, председателем комиссии по вопросам просвещения и труда. После его внесения, однако, заслушивание законопроекта было отложено на такой долгий срок, что его уже нельзя было обсудить в течение всей длинной сессии. В течение краткой сессии 1898 — 1899 года законопроект постигла жестокая участь, так как внесший его сенатор Кайль подчинился докладу меньшинства, высказавшегося против него. При таких обстоятельствах законопроект не мог быть даже поставлен на голосование в сенате. Во время следующей сессии конгресса 1899—1900 г.г. 8-часовой законопроект еще раз был проведен в палате представителей, но лишь с тем, чтобы потерпеть поражение в сенате, так как его не удалось поставить на голосование. В 1902 г. законопроект опять был принят единодушно палатой представителей, но сенатская комиссия даже не сделала доклада о нем. Во время заслушивания законопроекта о 8-часовом дне в этом году впервые проявилась оппозиция со стороны Национальной ассоциации фабрикантов. В 1904 году комиссия труда палаты представителей предложила подобный законопроект косвенным путем, указав, что министерство торговли и труда должно расследовать его положительные стороны. Но министр этого ведомства Медкаф заявил, что вопросы, представленные его министерству и относящиеся к законопроекту о 8-часовом дне, «совершенно не понятны». В 1906 г. комиссия труда палаты представителей в самом конце сессии сделала благоприятный доклад об этом законопроекте. Но в то же самое время все шансы законопроекта на проведение его исчезли, так как большинство членов комиссии не подписало сделанного им «благоприятно» доклада. Во время ближайших двух сессий конгрессу невозможно было получить доклад о 8-часовом дне от рабочих комиссий той или другой палаты, несмотря на тот факт, что президент Рузвельт, а впоследствии и президент Тафт высказывались в его пользу. В конце концов, в июне 1912 года законопроект о 8-часовом рабочем дне прошел через демократическую палату представителей и республиканский сенат при поддержке Американской федерации

труда, с некоторыми поправками, которые федерация не нашла серьезными, и президент Тафт подписал его.

Еще лучшим доказательством слабого влияния федерации на правительство являются неудачи в конгрессе ее законопроектов, направленных против судебных запрещений. Внимание федерации к этому вопросу было привлечено запрещением, вынесенным в процессе Дебса. Законопроект федерации, предусматривавший передачу таких дел в суд присяжных, и был принят сенатом в 1896 г., но отклонен палатою представителей. В 1900 г. палата приняла законопроект, по которому тред-юнионы исключались из сферы влияния шермановского закона против трестов, при чем всего лишь восемь голосов было подано против законопроекта. Но он провалился в сенате. В 1902 году законопроект, направленный против запрещений, прошел через палату представителей. После этого в течение десятилетия руководящие круги конгресса высказывались против уничтожения путем издания специального закона судебного вмешательства в использование рабочими их экономической мощи против предпринимателей.

Однако в промежутке, в результате новых судебных решений, положение становилось все более и более критическим. В феврале 1908 г. верховный суд вынес решение в процессе денберийских шляпочников, согласно которому члены рабочего союза могли привлекаться к финансовой ответственности в размере всего их личного имущества за убытки, причиненные предприятию путем объявления междуштатного бойкота. В противоположность этому верховный суд на той же неделе вынес решение, объявлявшее противоречащей конституции ту часть эрдмановского закона, которая запрещала преследование железнодорожными компаниями рабочих за их принадлежность к союзу. Год спустя по делу о бойкоте одной фирмы Гомперс, Митчель и Моррисон, три наиболее видных руководителя Американской федерации труда, были присуждены судом низшей инстанции в Колумбийском округе к долговому тюремному заключению за нарушение судебного постановления, запрещавшего всякое упоминание о том факте, что данная фирма когда-либо подвергалась бойкоту. И хотя ни эти, ни последующие судебные решения не оказали парализующего влияния на американское тред-юнионистское движение, на каковое надеялись его враги, и которого опасались его друзья, все же ситуация требовала изменения тактики. Это привело к тому, что федерация, которая, как мы видели, по основным принципам своей программы хотела оставить правительство в покое, так как она мало чего хорошего ожидала от правительства, — была вынуждена начать конкурировать с предпринимателями в оказании давления на

правительство. Это произошло потому, что одна из ветвей правительственной власти — юридическая — не хотела оставить в покое федерацию.

На целом ряде следовавших один за другим с'ездов принимались резолюции, показывавшие все возрастающее недовольство конгрессом. В 1902 г. с'езд дал полномочие исполнительному совету предпринимать такие «дальнейшие шаги, которые обеспечили бы выставление кандидатур и избрание лишь таких лиц, которые категорически обязались бы оказывать поддержку законопроектам, поборником которых является федерация». Согласно с этим исполнительный совет выработал ряд вопросов, которые должны были быть поставлены всем кандидатам в члены конгресса в 1904 г. локальными союзами каждого округа.

Федерация проявила большую активность во время выборов в конгресс в 1906 г. В начале этого года исполнительный совет заставлял входившие в федерацию союзы использовать свое влияние и не допускать выставления в первоначальных стадиях выборов кандидатур таких лиц, которые отказывались принять требования рабочих, и там, где обе партии (республиканская и демократическая) выставляли кандидатов, враждебных рабочим, проводить независимых рабочих кандидатов. Рабочая кампания была поставлена под руководство специального комитета, который использовал газетную рекламу и другие обычные средства. В округах, где были выставлены кандидатуры наиболее ярых врагов требований рабочих, посылались тред-юнионистские ораторы с целью добиться их поражения. Главная битва произошла с членом конгресса Литтлфельдом из Мэна. Дюжина профсоюзных лидеров, с Гомперсом во главе, явилась в его округ для того, чтобы рассказать избирателям об оскорблениях, нанесенных им организованным рабочим. Он был, однако, переизбран, хотя и получил меньшее число голосов, чем на прошлых выборах. Единственным положительным успехом федерации явились выборы Мак-Дермотта, члена союза торговых телеграфистов в Чикаго. Гомперс, однако, настаивал на том, что уменьшение числа голосов ярых врагов требований, выставляемых рабочими, дало ясное представление о том, чего «смогут достигнуть организованные рабочие, если они основательно будут подготовлены к использованию своей политической мощи». Тем не менее следующая сессия конгресса относилась к требованиям рабочих еще более враждебно, чем предыдущая. С'езд федерации, последовавший за выборами, одобрил новую тактику, но в то же время считал нужным заявить, что федерация не связана ни с какой политической партией и вместе с тем не имеет намерения образовать независимую рабочую партию.

Однако во время президентских выборов 1908 г. федерация фактически вступила в союз с демократами. На «конференции протеста», состоявшейся в марте 1908 г., на которой присутствовали лидеры большинства входивших в федерацию национальных союзов, а также и представители некоторых фермерских организаций, была высказана угроза, что организованные рабочие напрягут свои силы во время будущей кампании для того, чтобы нанести поражение своим врагам, независимо от того, являются ли они «кандидатами в президенты, в члены конгресса или на другие посты». Следующим шагом явилось представление требований федерации программным комиссиям съездов обеих партий.

Республиканцы обращали слабое внимание на платформу федерации. Их платформа просто повторяет признанный закон о предоставлении справедливой помощи; и как бы для того, чтобы не оставить дальнейшего сомнения в умах рабочих лидеров, республиканская партия наметила кандидатом на пост президента Вильяма Тафта, который, в качестве федерального судьи, в начале девяностых годов был ответственен за наиболее реакционные запрещения, какие были вынесены в процессах, возникших на почве конфликтов между трудом и капиталом. Годом позже Гомперс назвал Тафта невозможным кандидатом. С другой стороны, платформа демократической партии дословно повторяла платформу федерации по вопросу о судебных запрещениях и выставила кандидатуру Брайана.

После того, как партийные съезды закрылись, «American Federationist», орган Американской федерации труда, начал энергичное нападение на платформу и кандидата республиканской партии. Гомперс признал, что это было равносильным признанию кандидатуры Брайана своей, но доказывал, что, «выполнив торжественное обязательство на этот раз поддержать одну из политических партий, рабочие не становятся вместе с этим сторонниками этой партии, а сторонниками принципа». Почти все видные лидеры тред-юнионов последовали за Гомперсом по этому пути. Но что все-таки не все организованные рабочие голосовали за Брайана, видно из распределения голосов. С другой стороны, верно, что голоса, поданные за националистов в 1908 г. во всех почти центрах организованного рабочего движения, не превышали значительно число голосов, поданное за них в 1904 г., что заставляет думать, что Гомперс доставил Брайану не много голосов рабочих избирателей, которые иначе достались бы Дебсу.

Во время выборов в конгресс в 1910 г. федерация повторила тактику, выраженную в словах: «вознаграждайте ваших друзей и наказывайте ваших врагов». Однако она на этот раз сумела в большей мере

сохранить внешний нейтралитет. Многие прогрессивные республиканцы получили такую же поддержку со стороны федерации, как и демократические кандидаты. Тем не менее наличность демократического большинства в новой палате представителей означала, что федерация оказала большую поддержку демократам. Вдобавок пятнадцать членов тред-юнионов были избраны в конгресс, что представляло собою рекордное явление. Более того, Вильям Вильсон, бывший секретарь союза углекопов, был назначен председателем имевшей большое значение комиссии труда палаты представителей.

Конгресс, функционировавший с 1911 г. по 1913 г., со своей демократической палатой представителей провел значительную часть законов, принятия которых федерация добивалась в течение пятнадцати лет. Он принял закон о 8-часовом дне на государственных работах, сдаваемых подрядчикам, и закон о моряках, который предоставил матросам право заключать коллективные контракты, которыми уже пользовались другие рабочие. Он создал министерство труда, равноправное с другими министерствами. Во время президентской кампании 1912 г. Гомперс указывал на это благоприятное для рабочих законодательство, проведенное демократической палатой представителей, и предоставил рабочим сделать свои самостоятельные выводы. Угловой камень законодательной программы федерации — освобождение тред-юнионов от подведения под антитрестовские законы и от вмешательства судов в конфликты путем «запрещений» — должен был быть еще положен. Логическим выводом из всего этого являлась как будто необходимость избрания демократического правительства, которое могло бы положить конец этим вредным для тред-юнионов фактам.

С избранием в 1912 г. Вудро Вильсона в президенты демократического конгресса политические друзья федерации получили, наконец, в свои руки контроль над всеми частями государственного аппарата. Вильям Вильсон получил место министра труда. После этого федерация в течение семи лет была как бы неквалифицированным участником правительства Соединенных Штатов. Дорога как будто стала открытой для достижения освобождения тред-юнионов от судебного вмешательства в борьбу против предпринимателей. Казалось, что политическая программа, начало которой было положено в 1906 г., уже приносит плоды.

Стремление начать политическую деятельность, проявившееся с 1906 г., существенно отличалось от такового стремления в более ранние периоды. Это было движение, шедшее «сверху», а не из среды самих рабочих масс. Во всех прежних попытках начать политическую

деятельность инициатива принадлежала локальным союзам и городским объединениям, теперь же руководство движением взял на себя исполнительный комитет Американской федерации труда. Рядовые члены союзов проявляли в данном случае гораздо меньший интерес, чем лидеры; ибо члены, не занимавшие профсоюзных должностей, в меньшей степени чувствовали опасность судебных запрещений, чем должностные лица, которые могли быть приговорены к тюремному заключению за пренебрежительное отношение к судебным решениям. Вероятно, по этой именно причине «доставка» голосов рабочих федерацией носила в значительной мере проблематический характер. То обстоятельство, что лидеры федерации сумели принудить одну из политических партий к желательным для рабочих уступкам путем такого проблематического обещания, нужно приписать политической ловкости ее руководителей и является вместе с тем признаком неустойчивости общей политической группировки в стране.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЮНИОНИЗМ.

В течение десяти лет после 1904 г., когда она достигла максимума своего развития, Американская федерация труда была вынуждена придерживаться оборонительной тактики как в борьбе с теми предпринимателями, которые стремились сохранить систему «открытой мастерской», так и в борьбе против судебной власти. Даже ее периодические экскурсии в политическую область имели по существу оборонительный характер. Этот поворот в тактике федерации естественно отвлекал многих от того типа тред-юнионизма, главным представителем которого был Гомперс, и в силу контраста поднял акции радикальной оппозиции.

Оппозиция развивалась как внутри, так и вне федерации. Внутри действовали «индустриалисты» из социалистического лагеря, проповедывавшие создание патриотической рабочей партии на платформе социализма, т.-е. на такой, какую федерация отклонила, когда она высказалась против «программы 1893 г.», с добавлением еще плана организации по производству вместо организации по профессии. Вне федерации оппозиция выступала под знаменем «Промышленных рабочих мира», выброшенным социалистами, но вскоре попавшим в руки синдикалистов.

Однако для того, чтобы хорошо понять спор, ведущийся внутри федерации между консервативными и революционными элементами после 1905 г., необходимо бросить взгляд далеко назад.

Социалисты, после того, как им пришлось быть невольными свидетелями зарождения оппортунистического тред-юнионизма Штрассера и Гомперса, не исчезли, но оставались в течение восьмидесятих годов кучкой «интеллигентов» и «обинтеллигентившихся» рабочих, главным образом немцев. Они никогда не оставляли надежды на лучшие времена для социализма в рабочем движении. Имея в виду эту цель, они с энтузиазмом стали поддерживать «Рыцарей труда» и федерацию в их борьбе за повышение заработной платы, которую они сопровождали постоян-

ным, хотя и дружественным, «подталкиванием» в направлении к социализму. В течение большей части восьмидесятых годов социалисты стояли ближе к тред-юнионистам, чем к «Рыцарям труда», по той причине, что среди первых имелась значительно большая пропорция иностранцев, главным образом немцев, чем среди последних. Союзы выделывателей сигар, токарей, пивоваров и другие, преимущественно немецкие, отрасли промышленности насчитывали в своей среде множество социалистов, и, кроме того, социалисты находились также во главе городских федераций союзов в Нью-Йорке, Чикаго, Кливленде, Сент-Луисе, Мильвоки и других городах. Когда велась избирательная кампания в пользу кандидатуры Генри Джорджа в мэры Нью-Йорка в 1886 г., социалисты оказали поддержку ему и рабочим организациям. Однако, когда кампания прошла, они разошлись с Джорджем по вопросу о едином налоге, и тред-юнионисты оказались более солидарными с ними, чем с Джорджем. Нужно, впрочем, добавить, что внутренние дразги привели к тому, что тред-юнионисты потеряли интерес к обеим фракциям и ко всему политическому движению. Социалисты входили в состав социалистической рабочей партии, существовавшей с 1877 г. Число членов ее не превышало 10.000, и ее деятельность не носила парламентского характера (так как она воздерживалась от выставления на выборах собственных списков), но была исключительно агитационной и пропагандистской. Социалистическая печать выходила, главным образом, на немецком языке, и во главе ее стояла нью-йоркская ежедневная газета. Так продолжалось до тех пор, пока на сцене не появилась властная фигура человека, который, если бы он жил в стране, обладающей более благоприятными условиями для социализма, чем Соединенные Штаты, безусловно стал бы одним из самых выдающихся мировых революционных вождей. Этот человек был Даниэль Де-Леон.

Де-Леон происходил от родителей южно-американского происхождения, давно уже эмигрировавших в Нью-Йорк. Одно время он был преподавателем иностранных языков в колумбийском колледже; позднее он целиком посвятил себя социалистической пропаганде. Впервые он практически примкнул к рабочему движению во время избирательной кампании Генри Джорджа в 1886 г., и в 1890 г. мы находим его во главе социалистической организации. Де-Леон не признавал тактики медленного проникания, которую вели социалисты. Убежденный марксист, он стоял на той точке зрения, что американское рабочее движение, подобно рабочему движению других стран, должно по природе вещей стать социалистическим. Он выработал план внедрения социализма путем энергичной работы в ряды «Рыцарей труда» и федерации; после

неудачи которого должно было прибегнуть к другим, более решительным мероприятиям.

В 1895 г. он понял, что испытал поражение в обеих организациях, при чем, однако, ему все же удалось временно сместить руководящие группы. В 1894 г. Самуэль Гомперс единственный раз не прошел в председатели федерации, и это произошло по той причине, что социалисты, возмущенные его ролью в отклонении социалистической программы на съезде, присоединились к его врагам и провели другого на эту должность. Гомперс в следующем году был переизбран, и федерация окончательно закрыла двери перед социализмом. Де-Леон стал тогда врагом федерации. Если существовавшие тогда тред-юнионы отказались взять на себя роль проводников социализма, которая, как он верил, предназначена им логическим ходом истории, то тем хуже для этих тред-юнионов.

В результате всего этого возник «Социалистический альянс квалифицированных и неквалифицированных рабочих» в качестве смертельного врага федерации. С точки зрения интересов социализма не могло быть сделано более неудачного шага. Он немедленно наложил на социалистов клеймо разрушителей единого рабочего фронта. В глазах тред-юнионистов, недавно вышедших из того испытания, каким являлась борьба против «Рыцарей труда», действия социалистов представляли непростительную ошибку.

Социалистический альянс квалифицированных и неквалифицированных рабочих с самого начала оказался организацией, не имеющей почвы под ногами. Лишь небольшая часть даже социалистически настроенных тред-юнионистов захотела войти в новую организацию. Многие из тред-юнионистских лидеров, которые раньше шли рука об руку с социалистами, теперь открыто стали на сторону Гомперса.

В конце концов безнадёжность тактики Де-Леона стала очевидной. Одна из фракций социалистической рабочей партии, находившаяся в оппозиции с тех пор, как руководство перешло к нему, выступила в 1898 г. из партии. Эта фракция слилась с другой социалистической группой, во главе которой стояли Дебс и Бергер¹⁾, при чем новая организация получила название «Социал-демократической партии». Впоследствии

---

¹⁾ Юджин Дебс после выхода из тюрьмы, в которой он отбывал приговор по делу о пульмановской стачке 1894 г., стал социалистом. Говорят, что обратил его в социализм Виктор Бергер из Мильвоки. Бергеру удалось создать сильную партию в этом городе и в штате Висконсин на базе добрых отношений с тред-юнионами. Ему сильно помогло преобладание в этом штате говорящего по-немецки населения. В 1910 г. в Мильвоки был избран социалистический муниципалитет. Это был первый случай избрания социалистов в большом городе.

она на «объединительном с'езде» 1901 г. приняла название «Социалистической партии Америки». То, что отделяло ее от социалистической рабочей партии (продолжавшей свое существование, хотя она и потеряла первенство в социалистическом движении), хорошо выражено в резолюции, принятой на этом самом «объединительном с'езде»: «Мы признаем, что тред-юнионы в силу исторической необходимости должны быть организованы на нейтральном базисе, поскольку речь идет о политической принадлежности». С этой программой в руках социалисты имели большой успех в рядах Американской федерации труда, так что по временам они располагали одной третью голосов на с'ездах. Тем не менее консервативные элементы никогда не прощали социалистам их «оригинальных взглядов». В стране социализм делал постоянные успехи до 1912 года, когда за Юджина Дебса во время президентских выборов было подано около одного миллиона голосов, т.-е. около $\frac{1}{18}$ всех поданных голосов. После 1912 года, в особенности с 1916 г., когда социалисты были вовлечены в войну и в затруднения, порожденные войной, и их движение пошло на убыль.

В течение ряда лет неудача Де-Леона удерживала возможных подражателей его от выступления. Однако в 1905 г. была сделана попытка в лице «Промышленных рабочих мира». Эту организацию так же, как и ее предшественника, помогли создать нетерпеливые социалисты, но, в отличие от Альянса, она была в то же время порождением специальной ситуации в рабочем движении того периода, а именно — отчаянной борьбы, которую Западная федерация рудокопов вела со середины девяностых годов.

Начиная с сопровождавшего насилием конфликта между рудокопами и владельцами рудников в серебряной области Кер-д'Ален (шт. Айдахо) в начале девяностых годов, горнопромышленные штаты Запада стали ареной множества рабочих волнений, которые больше походили на гражданскую войну, чем на обычные стачки рабочих.

Западная федерация рудокопов представляла собой организацию рабочих, работавших в металлоносных рудниках и вокруг них. Она включала в своем составе также и плавильщиков. Первый с'езд ее состоялся в 1893 г. в Бютте (шт. Монтана). В 1894 г. рабочие, работавшие на западных россыпях в Крипл-Крике (шт. Колорадо), потребовали установления минимальной платы в три доллара за восьмичасовой день. Спустя четыре месяца стачка закончилась победой союза. Затем вспыхнули стачки в 1896 и 1897 г.г. в Лидвиле, в 1899 г. в горнопромышленном округе Кер-д'Ален и в 1901 году в Россленде и в Ферне, в Британской Колумбии, а также в Сен-Хуанском округе, в Калифорнии.

Но наиболее значительная стачка Западной федерации рудокопов началась в 1903 г. в городе Колорадо, где союз плавильщиков бросил работу с целью добиться лучших условий труда. Ввиду того, что стачка солидарности явилась признанной частью тактики Западной федерации рудокопов, все рудокопы Крипл-Крикского района были призваны к забастовке. Главным требованием было выставлено введение восьмичасового дня в плавильнях. В 1899 г. законодательные учреждения штата Колорадо приняли закон о восьмичасовом дне, который был признан верховным судом штата противоречащим конституции. Для того, чтобы обойти это препятствие, в 1902 году крупным большинством голосов была принята поправка к конституции штата, но законодательные палаты после того, как они получили таким образом прямое указание о введении восьмичасового дня, прервали свою сессию, не приняв необходимых мер. Значительную часть последующих волнений и кровопролитий в Крипл-Крикском районе следует отнести на счет этого бездействия со стороны законодательных учреждений в деле проведения в жизнь закона о восьмичасовом дне. Колорадский конфликт сильно содействовал укреплению в рудокопах, входивших в Западную федерацию, убеждения в ничтожном значении договоров с предпринимателями, а также в том, что поправки к конституции и парламентская тактика являются негодными средствами, и отсюда они сделали вывод, что единственными верными методами являются революционные методы. Вильям Д. Гейвуд, ставший центральной фигурой в революционном движении «Промышленных рабочих мира» со времени основания этой организации в 1905 году, был до того одним из руководителей Западной федерации рудокопов и участником колорадских событий.

Еще до 1905 г. Западная федерация рудокопов, не находившаяся в контакте с Американской федерацией труда вследствие географических условий, а также вследствие различия в тактике и программе обеих организаций, стремилась создать национальную рабочую федерацию, которая была бы проникнута ее духом. В 1902 г. был создан Американский рабочий союз, который к 1905 г. имел около 16.000 членов, кроме 27.000 членов федерации рудокопов. Этот союз был также предшественником «Промышленных рабочих мира». В рядах этой последней организации революционные рудокопы Запада встретились с радикальными социалистами Востока и среднего Запада, принадлежавшими к обеим социалистическим партиям — Социалистической партии Америки и де-леоновской Социалистической рабочей партии.

Мы вынуждены отказаться изложить здесь сложную внутреннюю историю «Промышленных рабочих мира», т.-е. тех трений, которые

вскоре возникли между сторонниками Де-Леона и другими социалистами, а впоследствии между социалистами и синдикалистски настроенными рабочими Запада. Достаточно будет сказать, что Западная федерация рудокопов, убедившись в безнадежности этой организации, выступила из нее в 1907 г. В 1911 году она вступила в Американскую федерацию труда и после ряда сопровождавшихся большими волнениями стачек в Мичигане в 1913 г. уподобилась по своей тактике другим союзам, входящим в Американскую федерацию труда.

Остальная часть «Промышленных рабочих мира» раскололась в 1908 г. на две соперничавшие между собою организации, каждая из которых сохранила за собой старое название. Первая, центр которой был в Детройте, стояла за революционно-парламентскую доктрину, вторая же, с центром в Чикаго, проповедывала «прямое действие». «Промышленные рабочие мира» не стали серьезным конкурентом Американской федерации труда, но они играли и долго будут еще играть роль оборонительной организации для иммигрантских рабочих Запада и будут напоминать федерации о ее обязанностях по отношению к неорганизованным и неквалифицированным, говорящим на иностранных языках, рабочим Востока.

И действительно, к 1912 г. казалось, будто «Промышленные рабочие мира» собираются повторить роль «Рыцарей труда», сыгранную последними в «великом под'еме» 1885—1887 г.г.. Их шумное появление на промышленном Востоке в ряде стачек говорящих на иностранных языках рабочих на текстильных фабриках Лауренса (штат Массачусетс), Патерсона (шт. Нью-Джерси) и Литтль-Фоллса (шт. Нью-Йорк), с одной стороны, и менее шумных, но носивших не менее злободневный характер стачек поденщиков, происходивших от времени до времени на Западе, создавало в глазах наблюдателя движение, весьма похожее на период «великого под'ема». Более того, опытный глаз лидеров федерации узрел в «Промышленных рабочих мира» нового соперника, с которым было бы лучше встретиться на собственной почве путем организации внутри федерации всех тех элементов, к которым «Промышленные рабочие мира» специально обращались со своей агитацией. Соответственно с этим на с'езде 1912 г. в Рочестере проблема организации неквалифицированных рабочих занимала в порядке дня одно из первых мест. Но после неудачи стачек на текстильных предприятиях в Патерсоне в 1912 г. и 1913 г. звезда «Промышленных рабочих мира» закатилась так же быстро, как и поднялась, и организация быстро стала таять. Число ее членов никогда не превышало 60.000, в то время, как число членов ордена «Рыцарей труда» достигало одно время 750.000.

Движение, выдвинутое «Промышленными рабочими мира» против федерации труда, носит двоякий характер; оно направлено против цели и против методов. Во введении к уставу «Промышленных рабочих мира» мы читаем: «Вместо консервативного лозунга «справедливая заработная плата за честную работу в течение дня» мы должны написать на нашем знамени революционный лозунг: «уничтожение системы заработной платы». Историческая миссия рабочего класса состоит в уничтожении капитализма. Производственная армия должна быть организована не только в целях повседневной борьбы с капиталистами, но и в целях продолжения производства, когда капитализм будет свергнут». Затем по поводу метода: «Мы находим, что концентрация управления промышленностью все в меньшем количестве рук делает тред-юнионы неспособными справиться со все возрастающей силой предпринимательского класса. Тред-юнионы порождают такое положение дел, при котором одна категория рабочих может быть направлена против другой категории рабочих в той же самой промышленности, что помогает капиталистам нанести поражение и тем и другим во время борьбы за заработную плату... Эти условия должны быть изменены, и интересы рабочего класса могут быть соблюдены лишь организацией, созданной таким образом, чтобы все ее члены в какой-либо одной отрасли промышленности или во всех отраслях промышленности, если это окажется необходимым, прекращали работу, когда начинается стачка или локаут в каком-либо из ее отделов, превращая таким образом обиду, нанесенную одному, в обиду, нанесенную всем». И наконец, «посредством производственной организации мы создаем структуру нового общества в скорлупе старого».

Это означает «индустриализм» — производственный принцип организации — против цеховой автономии федерации. Индустриализм был продуктом интенсивной рабочей борьбы девяностых годов: стачки на Пульмановской железной дороге в 1894 г., стачки углекопов в 1898 г. и продолжавшейся целое десятилетие упорной борьбы в пивоваренной отрасли промышленности. Индустриализм означает единый фронт против предпринимателей в какой-либо отрасли промышленности, независимо от цеха. Это означает, что следует отбросить все парализующие споры относительно юрисдикции между многими цеховыми союзами. Это означает также оказание помощи неквалифицированным рабочим. Но над этими изменениями в структуре носится новый дух, дух классовой борьбы и революционной солидарности, противоположный духу «делового юнионизма» типичного цехового союза. Индустриализм означает вызов старому руководству Гомперса и его сторонников, брошенный

более молодым поколением вождей, которые находились в большем согласии с социальными идеями революционных интеллигентов и с рабочим движением Европы, чем с традиционной программой федерации.

Но есть индустриализм и индустриализм, при чем каждый из них отвечает интересам специального слоя рабочего класса. Наиболее низко стоящий класс неквалифицированных и кочующих рабочих, интересы которых защищают «Промышленные рабочие мира», понимает индустриализм как идею о создании «единого великого союза», в котором игнорируются не только цеховые, но и производственные различия в вопросах борьбы с предпринимателями, если не игнорируются в организационном отношении. Природный кочевник на Западе и неквалифицированный иностранец на Востоке одинаково откликаются на призыв к штурму капитализма посредством следующих одно за другим восстаний под знаменем «единого великого союза». Об'единяя в своих рядах рабочих с минимальным опытом в организации и без всякого опыта в политических выступлениях, «единый великий союз» все свои надежды возлагает скорее на атаку, чем на тактику «вооруженного мира», на стачку без цехового договора и совершенно не верит в пользу политического или законодательного действия.

Другая форма индустриализма, это — индустриализм среднего слоя рабочего класса, обнимающего цехи, требующие рабочих со средней квалификацией и с небольшим организационным опытом, как, например, пивоварение, одежная и горная промышленность. Рабочие этого слоя понимают, что для того, чтобы стоять по своим силам наравне с предпринимателями, необходимо создать единый фронт, который мог бы противостоять предпринимательскому фронту. Это означает, что все цехи в какой-нибудь промышленности должны выступать под общим руководством. Поэтому они стремятся об'единить механиков и кочегаров, труд которых необходим для постоянного функционирования предприятия. Они таким образом воспроизводят попытку, сделанную «Рыцарями труда» в восьмидесятых годах, поглотить более квалифицированные цеховые союзы.

В то же самое время сравнительно непривилегированная позиция этих профессий делает их весьма чувствительными к опасности, идущей снизу, со стороны неквалифицированных рабочих, которыми предприниматель может их заменить в случае стачки. Они поэтому высказываются за принятие неквалифицированных в организацию. Их индустриализм объясняется, следовательно, быть может, больше их собственными цеховыми интересами, чем каким-либо альтруистическим желанием улучшить положение неквалифицированных, хотя они и понимают, что органи-

зация неквалифицированных требуется в более широких интересах рабочего класса. Однако их долгий опыт в вопросах организации учит их, что «единый великий союз» явился бы слабым орудием. Накопленный ими опыт производит также умеряющее влияние на их экономическую деятельность, и они поэтому являются энергичнейшими сторонниками цехового договора внутри Американской федерации труда. Тем не менее, хотя они и являются оппортунистами в экономической области, их положение не настолько лучше положения неквалифицированных, чтобы они могли быть довольны капиталистическим строем. Они большей частью находятся под руководством социалистов и решительно высказываются в пользу парламентского действия через посредство социалистической партии. Эту форму индустриализма можно поэтому назвать «социалистическим индустриализмом». На ежегодных с'ездах федерации индустриалисты являются фактически синонимом социалистов.

Лучший пример индустриализма «среднего слоя» представляет платяная промышленность. Восторженные поклонники об'явили эту промышленность инициатором «нового юнионизма» в Америке. Это, быть может, преувеличение, но было бы неправильным удерживаться от похвал по адресу организаций и их лидеров, которые, несмотря на наиболее хаотическое положение в их промышленности, добились таких блестящих успехов там, где многие ожидали одних лишь неудач. Однако, если оценить положение дела с более широкой точки зрения истории рабочего движения, то положительная роль этого так называемого «нового юнионизма» сводится главным образом, во-первых, к тому, что он обладает рационализированным и развитым экономическим управлением при заключении договоров в большей степени, чем какие бы то ни было другие формы юнионизма, и, во-вторых, к тому, что он проявил самое широкое радушное отношение ко всем рабочим платяной промышленности. Иначе говоря, его заслуга состоит в наилучшем использовании величайшего практического достижения Американской федерации труда, а именно цехового договора, при чем он дал последнему истолкование и применение в духе более широкой рабочей солидарности, чем «старый юнионизм» федерации. Таким образом рабочие одежной промышленности указывают путь всему остальному рабочему движению.

Первое успешное применение «нового юнионизма» в платяной промышленности было сделано в 1910 г. рабочими, изготовляющими верхнюю одежду и принадлежащими к Интернациональному союзу рабочих женского платья, входящему в состав Американской федерации труда. Они установили аппарат для выработки соглашений, начиная с мастерской и кончая всюю отраслью промышленности, который, по всей вероятности,

несмотря на ряд серьезных кризисов, будет существовать очень долгое время. Быть может, крупнейшим их достижением следует считать, что они вместе с предпринимателями, через посредство объединенного управления санитарного контроля, произвели революцию в гигиенических условиях мастерских.

Смешанный союз рабочих одежной промышленности добился большого значения в промышленности мужского платья благодаря наступательной энергии, но вместе с тем и творческой деятельности его руководителей. Ячейка, положившая основание союзу, откололась в 1914 г. от союза рабочих одежной промышленности, входившего в состав Американской федерации труда. Социалистические элементы численно преобладали и до сих пор еще преобладают в этой организации. Но в практическом процессе коллективной борьбы за лучшие условия работы эти революционные принципы союза служили больше в качестве связи, чем в качестве серьезного руководителя в их сношениях с предпринимателями. В результате смешанный союз одежной промышленности добился заключения цеховых договоров во всех больших центрах мужской платяной промышленности. Однако Американская федерация труда, несмотря на этот успех союза, упорно отказывает ему в приеме, ввиду его выхода в свое время из состава признанного федерацией Интернационального союза.

Союзы рабочих одежной промышленности показали, как успешно могут быть организованы иммигранты (большинство рабочих в этой промышленности составляют русские и польские евреи и итальянцы) на основе широко понимаемого индустриализма. В вопросе об индустриализме последнее слово в Американской федерации труда еще не сказано. Представляется, однако, вероятным, что этот вопрос медленно, но верно разрешается путем молчаливой «контр-реформации» старыми лидерами. Ибо индустриализм, или приспособление структуры союза к тому, чтобы выступать против предпринимателя сомкнутыми рядами на всем фронте целой промышленности, эта мысль не совсем новая даже для наиболее консервативной части федерации, несмотря на то, что она никогда не носила этого имени.

Задолго до того, как индустриализм выступил на национальной арене в качестве экономического верования социалистов, союзы квалифицированных рабочих начали творить свой собственный род индустриализма. Этот вид индустриализма можно лучше всего назвать «цеховым индустриализмом», так как он стремился просто объединить на практическом базисе боевую мощь союзов квалифицированных профессий путем нахождения метода для быстрого разрешения конфликтов между пере-

крещивающимися союзами о сферах их компетенции и посредством наилучшего использования стачек солидарности. Это движение впервые проявило себя в начале восьмидесятых годов в форме местных советов строительных цехов, которые больше всего посвящали себя проведению стачек солидарности. Этот локальный индустриализм в обратном виде получил в национальном масштабе форму Интернационального совета строительных цехов, организованного в Сент-Луисе в 1897 г. Этот совет, однако, оказался мертворожденным, ибо, имея в своей основе локальный совет строительных цехов, он неизбежно вступал в конфликт с национальными союзами строительных цехов. По этой же самой причине Американская федерация труда отказала ему в признании. Таким образом дата действительного зарождения цехового индустриализма в национальном масштабе была перенесена на 1903 г., когда был основан альянс строительных цехов. Организация альянса является событием очень большого значения, не только потому, что он объединил впервые в целях общего действия все значительные союзы строительной промышленности, но главным образом потому, что он выдвинул новый принцип, который, если бы он был повсюду принят, должен был бы очевидно революционизировать структуру американских рабочих организаций. Альянс ставил себе целью стать федерацией «основных» цехов промышленности, и он, действительно, представлял собою соглашение больших и боевых союзов. Последние стремились федерироваться не только в целях усиления борьбы против предпринимателей, но также и в целях собственного расширения на счет «неосновных» или слабых союзов.

Братство столяров, бывшее, по всей вероятности, самым боевым союзом во всей Американской федерации труда, стало во главе этого движения. С точки зрения федерации альянс строительных цехов был в лучшем случае внезаконной организацией, так как он не получил ее санкции, но федерация не могла себе позволить игнорировать его, как она игнорировала Интернациональный совет строительных цехов. Вследствие этого альянс получил в 1908 г. «легитимацию» и сделан «департаментом» Американской федерации труда, под названием «департамента строительных цехов», при чем на него, в качестве главной его функции, было возложено улаживание споров о компетенции союзов. В то же самое время были основаны департаменты металлических цехов, железнодорожных рабочих, рудокопов и департамент «лейбелей».

Не может быть, однако, сомнений в том, что этот департамент не стал особенно удачным хранителем принципа цеховой автономии. Споры о юрисдикции союзов происходили либо в результате технических изменений, смеющихся над официальной «юрисдикцией», либо из-за

стремления сильного союза вторгнуться в область ведения более слабого союза. Когда налицо был первый случай, и борьба возникала между одинаково сильными и влиятельными союзами, то дело обычно кончалось компромиссом. Но когда в качестве противников выступали союзы неодинаковой мощности, то обыкновенно брала верх доктрина превосходства «основных» союзов. Таков был, например, исход борьбы между столярами, с одной стороны, и деревообделочниками — с другой, а также в некоторых других однородных случаях. В каждом таком случае дело кончалось насильственным поглощением более сильным союзом более слабого, согласно с тем принципом, что в каждой «основной» профессии должен существовать лишь один союз. На с'езде в Рочестере в 1912 г. федерация дала как бы официальную санкцию этой новой доктрине об одном союзе в «основной» профессии.

Несмотря на эти официальные отступления от принципа цеховой автономии, социалистические индустриалисты все еще вынуждены подчиняться букве и духу цеховой автономии. Влияние этого положения вещей на будущий американский индустриализм можно выразить следующим образом: будущее развитие «департаментов» может заставить сильные «основные» союзы выступить объединенными силами против предпринимателей, при чем каждый из союзов может сохранять свою автономию. Таковым, например, было в действительности «объединенное движение» железнодорожных братств, которое с 1907 г. начало создавать форму цехового индустриализма. Возможно также, что большинство цеховых союзов в достаточной степени отступит от суровых условий для приема новых членов и включит в число цеховых рабочих помощников и неквалифицированных рабочих.

Наилучшей иллюстрацией того, как отвечает на требования социалистических индустриалистов молчаливая «контр-реформация» старых лидеров, является эволюция департамента железнодорожных рабочих в течение военного и послевоенного периода. Он состоит из всех организаций железнодорожных рабочих и служащих, за исключением машинистов, кочегаров, кондукторов, телеграфистов и некоторых более мелких организаций, которые в общем работали вместе с «департаментом». В нем имеется также место и для неквалифицированных рабочих, организованных в Объединенном братстве рабочих железнодорожных путей и мастерских. Департамент железнодорожных рабочих таким образом показывает, что при цеховом юнионизме неквалифицированные рабочие не должны обязательно оставаться на улице. Он отвечает также на обвинение в том, что цеховой юнионизм облегчает предпринимателям разгром каждого союза в одиночку, ибо этот департамент объединил составные

профессии в один руководящий повседневной и боевой работой союз фактически в такой же степени, в какой это мог бы сделать производственный союз. Наконец, департамент железнодорожных рабочих имеет то преимущество над производственными союзами, что многие из входящих в него союзов, как, например, союзы механиков, кузнецов, электриков и т. д., имеют множество членов вне железнодорожной промышленности, которые могут в случае стачки притти на помощь железнодорожным рабочим. Конечно, солидарность союзов, входящих в состав департамента, может быть поколеблена конфликтами по вопросу о юрисдикции, что надо принять во внимание. Однако, когда союзы пошли так далеко, что они федерировались в целях совместного заключения договоров, то они не допустят до того, чтобы эта опасность приняла когда-либо слишком серьезные размеры.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

Взрыв войны в Европе в августе 1914 г. застал американское рабочее движение переживающим период депрессии. Предыдущей зимой была большая безработица, и летом экономическое положение улучшилось лишь в слабой степени. В крупных городах почти ежедневно происходили большие демонстрации безработных. Долгая и кровопролитная борьба рабочих с капиталом в Колорадо, медленно приближавшаяся к неудачному концу, несмотря на самые тяжелые жертвы, как будто придавала лишь особенно выпуклые черты общему безнадежному виду. Однако рабочее движение могло, несомненно, найти утешение в политической ситуации. Благодаря поддержке, которую она оказала демократической партии во время президентской кампании в 1912 г., федерация могла потребовать, в свою очередь, благосклонного к себе отношения. Она потребовала от своих друзей, стоявших теперь у руля правления и в представительных учреждениях, чтобы было проведено изъятие работы союзов из сферы действия антитрестовских законов и сведено к минимуму вмешательство федеральных судов в рабочие конфликты путем вынесения «запрещений».

В течение 1914 г. законопроект против трестов, внесенный в палату представителей Клейтоном из Алабамы, прошел через стадии, обычно предшествующие принятию законопроекта; хотя он, в конце концов, не воплотил в себе всех тех коренных изменений, которых добивались ходатаи федерации в кулуарах конгресса, он был проведен в удовлетворительном для рабочих виде. Закон Клейтона начинается с заявления, что труд человеческого существа не является товаром или предметом торговли, «и точно указывает, что рабочие организации не могут рассматриваться в качестве противозаконных комбинаций или заговоров и подводиться под действие федеральных законов против трестов». Закон далее предписывает процедуру вынесения «запрещений» в процессах, возникающих на почве конфликтов между трудом и капиталом, ограни-

чивая, например, срок действия запрещений и т. д. Наиболее важным пунктом этого закона является секция 20-я: она гласит, что «никакой ограничивающий приказ или запрещение не должны запрещать какому бы то ни было лицу или каким бы то ни было лицам, независимо от того, будут ли они действовать каждое в отдельности или совместно, прекратить выполнять какую бы то ни было работу или советовать либо убеждать других мирным путем поступать так; или находиться в каком бы то ни было месте, где таковое лицо или лица имеют право находиться, с целью убеждения других мирным и законным путем поступить так; или выдавать какому то ни было лицу денежную поддержку во время стачки, либо получать от него деньги или ценные вещи; или мирно собираться законным образом и в законных целях, либо совершать какие бы то ни было поступки, которые могут быть совершены законным образом при отсутствии такового конфликта какой бы то ни было стороной; ни один из указанных в этом параграфе поступков не должен рассматриваться как нарушение какого бы то ни было закона Соединенных Штатов».

Правительство оказало также помощь организованным рабочим в другой форме. Оно учредило публичные опросы под руководством комиссии Соединенных Штатов для расследования экономических отношений. Учреждение этой комиссии было разрешено конгрессом в 1912 г., и целью ее было расследование рабочих волнений, возникших после взрыва бомбы в здании газеты «Los Angeles Times», подложенной по распоряжению некоторых из руководителей союза строительных рабочих, проводивших в то время стачку. Эти публичные опросы, которые велись способным и дипломатичным председателем Франком П. Уолшем, с нарочитым намерением сконцентрировать внимание общества вокруг жестокостей, совершавшихся в то время в Колорадо, усилили популярность тред-юнионистского движения среди населения всей страны. Доклад комиссии или, вернее, доклад ее меньшинства, подписанный председателем и тремя членами со стороны рабочих и известный под названием «штабного» доклада, назвал превосходным лекарством тред-юнизм и высказывался против принудительного арбитража, в пользу которого высказывались члены комиссии со стороны предпринимателей, а также против постоянной правительственной промышленной комиссии, предложенной экономистами комиссии. Непосредственные практические результаты расследования, произведенного комиссией, равнялись нулю, но в агитационном отношении ее работа принесла большую пользу рабочему движению. Впервые в истории Соединенных Штатов класс капиталистов был как бы посажен на скамью подсудимых перед лицом общественного

мнения. Также впервые комиссия, представляющая правительство, не только, не колеблясь, заявила, что тред-юнионистское движение не является опасным для страны, но пошла еще дальше, поднявши тред-юнионы на высоту основного и необходимого института.

Комиссия для расследования экономических отношений в общем отражала благосклонное отношение к тред-юнионам правительства пришедшего к власти в 1912 г. Американской федерации труда предоставлена была полная власть над министерством труда и решающее влияние во всех других министерствах по вопросам труда. Не располагая собственной политической партией, при помощи лишь своей тактики, состоявшей в том, чтобы договариваться со старыми партиями и в зависимости от этого отдавать им на выборах свои голоса организованных рабочих, Американская федерация труда как будто достигла положения, немногим уступающего тому положению, которого добились английские рабочие после независимого политического действия, продолжавшегося более десятилетия. Более того, к счастью для себя, американские рабочие вступили в политическую область в то время, когда страна находилась накануне начала новой эры, в течение которой правительству было предназначено стать арбитром в области экономических отношений.

Европейская война не сразу улучшила промышленное положение в Америке. Первыми почувствовали ее влияние те отрасли промышленности, которые были непосредственно заняты в производстве амуниции. Интернациональная ассоциация механиков, организация приобретших тогда наибольшее значение амуниционных рабочих, фактически утратила часть своих членов в 1915 г., но в следующем году число членов этого союза увеличилось на 50 %. Большая часть этих членов появилась из «амуниционных городов» вроде Бриджпорта (штат Коннектикут), где в ответ на ненасытный спрос антантовских государств выросли новые огромные заводы в течение 1915 г. и откуда в начале 1916 г. началась массовая отправка морем предметов военного снаряжения. Бриджпорт и окрестные города стали центром закончившегося успехом движения в пользу введения 8-часового дня, при чем инициатива этого движения принадлежала женщинам-работницам, впервые вступившим в эту отрасль промышленности. Федерация в целом утратила 3 % своих членов в 1915 г. и приобрела 7 % в течение 1916 г.

В своей военной политике федерация действовала в полной мере по указаниям правительства. В течение того периода, когда Соединенные Штаты соблюдали нейтралитет, она занимала позицию шокированного миролюбца, стремящегося сохранить строжайший полный нейтралитет, если воюющие стороны откажутся последовать разумным доводам. Для

предупреждения повторения подобных катастроф федерация предложила известное средство — открытую и демократизированную дипломатию, и она предложила некоторым национальным федерациям профсоюзов устроить международный рабочий конгресс по окончании войны для выработки мирных условий. Однако как англичане, так и немцы ответили отказом. Съезд 1915 г. осудил инспирированную немцами пропаганду наложения эмбарго на суда всех воюющих стран и агитацию за устройство стачек на амуниционных заводах, которую также вели германские агенты. Федерация отказалась от такого истолкования нейтралитета, которое привело бы к возвращению депрессии и безработицы, от которых американские рабочие только что избавились в результате огромных военных заказов со стороны антантовских правительств.

Во второй половине 1916 г. расцвет промышленности, возникший на почве войны, достиг своего апогея. Стоимость жизни возросла очень быстро, и повсюду начались движения в пользу увеличения заработной платы. Фактическое прекращение иммиграции сделало возможным для неквалифицированных рабочих получить большую долю, чем обычно, из общего обогащения страны. Многие предприниматели добровольно дали прибавки к заработной плате. Движение в пользу 8-часового дня перебросилось из чисто амуниционных отраслей промышленности в другие, где оно также встретило большой успех. Но 1916 г. был свидетелем самого яркого акта в пользу 8-часового дня в Америке — совместного требования, выставленного четырьмя железнодорожными братствами. Мошь, достигнутая тред-юнионистским движением, не нуждается в лучшем доказательстве, чем этот замечательный успех, с каким эти четыре организации, при полной поддержке со стороны всего рабочего движения и скорее дружественном отношении правительства, победили величайшую отрасль промышленности страны и преодолели оппозицию всего класса капиталистов.

В начале 1916 года четыре железнодорожных братства выставили совместное требование о введении восьмичасового дня. Железнодорожная администрация заявила, что требование об уменьшении рабочего дня до восьми часов с сохранением заработной платы, которая выдавалась за девять часов, и с полуторной оплатой сверхурочных не может считаться серьезным. Ввиду того, говорила она, что служащие знают, конечно, что железные дороги не могут функционировать при восьмичасовом рабочем дне, это требование является не чем иным, как скрытой попыткой добиться значительного повышения их заработной платы, которая и так стоит выше заработной платы каких бы то ни было квалифицированных рабочих. С другой стороны, братства как в своих непо-

средственных переговорах с железнодорожными компаниями, так и в общей прессе настаивали на том, что их требование носит серьезный характер, и что они полагают, что дела железнодорожных компаний допускают реорганизацию службы на основе восьмичасового дня. Железнодорожная администрация предложила передать на рассмотрение арбитражного суда требования служащих вместе с ее собственными требованиями. Однако братства, опасаясь пристрастного отношения со стороны судей и вспомнив о прошлых разочарованиях, отклонили это предложение, угрожая приостановить все железнодорожное движение в стране в «день труда».

Когда все попытки со стороны правительственного комитета посредничества и соглашения оказались неудачными, президент Вильсон пригласил в Вашингтон директоров всех железнодорожных линий и всех руководителей отделов братств и попытался выступить лично в качестве посредника. Он уговаривал директоров железных дорог принять восьмичасовой день и предложил, чтобы назначенная им самим комиссия расследовала требование о полуторной оплате сверхурочного времени. Служащие приняли это предложение, но директора отказывались удовлетворить требование о восьмичасовом дне до того, как будет произведено расследование. Тем временем братства издали свой приказ о стачке, который должен был войти в силу в «день труда», и кризис казался неминуемым. Чтобы избежать несчастья, каким являлась всеобщая стачка в такое время, когда стране угрожали осложнения на мексиканской границе и неразрешенный конфликт с Германией по вопросу о подводных лодках, президент обратился к конгрессу с предложением о спешном проведении закона о восьмичасовом дне для служащих железных дорог без уменьшения заработной платы, но и без увеличенной оплаты сверхурочных часов. Вместе с тем он предложил конгрессу дать разрешение на назначение специальной комиссии, которая должна будет составить доклад о результатах функционирования этого закона в течение шестимесячного периода, после которого вопрос может быть пересмотрен. И наконец, он предложил принять поправку к ньюландскому закону, согласно которой объявление стачек или локаута во время расследования, производимого правительственной комиссией, будет считаться противозаконным поступком. Страх перед предстоящей стачкой заставил конгресс немедленно приступить к проведению первых двух предложений президента и принять так называемый законопроект Адамсона. Последнее же предложение, осуществление которого ввело бы в Соединенных Штатах канадскую систему «принудительного расследования», конгресс игнорировал. Стачка была предотвращена, но в последовавшей непосред-

ственно за этими событиями президентской избирательной кампании тот факт, что правительство уступило под влиянием «угроз» со стороны рабочих, стал одним из главных козырей в руках кандидата республиканской партии.

Этот эпизод имел два последствия: ряд судебных процессов и заключение договора между железнодорожными компаниями и братствами. Железнодорожные компании возбудили целый ряд процессов против правительства и получили от одного суда низшей инстанции решение, согласно которому закон Адамсона противоречит конституции. Дело перешло тогда в верховный суд Соединенных Штатов, вынесший решение лишь весной 1917 г. Тем временем опять возникла опасность стачки. Однако в тот самый день, когда верховный суд объявил свое решение, железнодорожные компании и братства подписали, по настоянию национального совета обороны, договор о принятии условий закона Адамсона независимо от того или иного решения суда. Когда решение верховного суда стало известным, то оказалось, что оно благоприятно закону Адамсона. Спустя несколько дней последовало объявление Соединенными Штатами войны Германии, открывшее новую эру для американского рабочего движения.

Еще до этого события, 12 марта 1917 г., когда уже была ясна неизбежность войны, в Вашингтон собрались руководители всех важных союзов, входивших в федерацию, и выпустили декларацию о «позиции американских рабочих во время мира и войны». Они обещали предоставить рабочее движение и все влияние рабочих организаций безоговорочно в распоряжение правительства в случае войны. Принимая во внимание, заявляли они, что во всех предыдущих войнах «под маской национальной необходимости рабочие лишались своих средств защиты против внутренних врагов и у них отнимали все их преимущества и юридические гарантии, которых они добились в результате вековой борьбы»; что рабочие не имели представителей в советах, руководивших ведением войны, и поэтому «право, интересы и благосостояние рабочих автократически приносились в жертву под лозунгом национальной обороны», — в этой войне «правительство должно признать рабочие организации институтом, через посредство которого оно должно сотрудничать с рабочими». Такое признание предполагает, во-первых, «представительство во всех учреждениях, вырабатывающих программу национальной обороны», и «во всех учреждениях, на которых возложен контроль над печатью во время войны». Во-вторых, что работа на государственных фабриках и частных предприятиях, а также и на транспорте должна проходить согласно правилам, установленным тред-юнионами, и что

«все необходимые изменения в организации промышленности во время войны должны быть приведены в соответствие с планами, относительно которых представители правительства и тех, кто работает в промышленности, пришли к соглашению». В-третьих, что требование правительства о принесении в жертву их «рабочей силы, их тел и их жизни» должно сопровождаться «повышением гарантий и охранительных мероприятий», возложением расходов по этим статьям на предпринимателей и ограничением прибылей. В-четвертых, что организация промышленности и коммерческой службы «должна быть проведена на основах, отличающихся от тех, на которых организована военная служба», и что «в промышленных конфликтах следует проводить тщательное различие между военною службою и промышленною службою», так как «те же самые добровольно организованные промышленными, торговыми и транспортными работниками в мирное время институты лучше всего позаботятся о разрешении тех же самых проблем и в военное время». Ибо «тесно срослись с безопасностью нашей республики идеалы демократии, наследство, полученное народными массами от наших предков, боровшихся за торжество свободы в нашей стране, — наследство, которое должно сохраняться и передаваться из рук в руки каждому поколению в неуменьшенном виде».

Таким образом мы видим, что война, вместо того, чтобы стать испытанием для рабочих организаций, вывела тред-юнионистское движение из тупика, в котором оно находилось. Американская федерация труда, как мы видели, лишь медленно прогрессировала в организационном отношении после 1905 г. В течение этого периода она сделала успехи в организации квалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Дальнейшему прогрессу воспрепятствовали боровшиеся те предприниматели, которые были особенно рьяными противниками тред-юнионов, в особенности предприниматели тех отраслей промышленности, в которых господствовали «тресты». Ни в одной из трестируемых отраслей промышленности, за исключением антрацитной, рабочая организация не смогла за это время проложить себе широкий путь. И все-таки Американская федерация труда, несмотря на такое положение вещей, ставила все на карту, чтобы добиться права организации. Война дала ей это важнейшее право. Вскоре после того, как федеральное правительство стало арбитром в промышленных конфликтах — благодаря тому, что оно стало крупнейшим потребителем, а также благодаря тому, что общественное мнение ясно высказалось по этому вопросу, — мы видим, что комитет военного времени по вопросам труда Тафта—Уолша воплотил «право организации» в кодексе правил, который должен был

руководить отношениями между трудом и капиталом во время войны. Этот кодекс базировался на признании восьмичасового дня и права на достаточную для жизни заработную плату. И в обмен на эти подарки американские рабочие не жертвовали своими жизненными интересами, как это сделали британские рабочие в таком же положении. Право стачки не было затронуто, и оно осталось постоянной угрозой, висящей над неповоротливыми и упрямыми предпринимателями. Единственным ограничением, на которое согласились рабочие, было обещание самоограничения. Федерация не должна была бастовать до тех пор, пока не были испытаны все другие средства улаживания конфликта, и она не должна была начинать движение в пользу закрытой мастерской там, где закрытой мастерской не существовало до появления войны. Но в то же самое время ни один предприниматель не имел права воспрепятствовать распространению ее организации на те отрасли промышленности и округа, где таких организаций до того времени не существовало, а также ни один предприниматель не мог взыскивать с рабочего за то, что он вошел в союз или уговаривал других вступить в него.

В 1916 г., когда президент учредил национальный совет обороны, он назначил Самуэля Гомперса одним из семи членов, входивших в состав совещательной комиссии по делам труда и председателем комиссии труда. Среди первых актов совета обороны было категорическое заявление об охране мероприятий в защиту труда, вопреки дурным советам о прекращении их действия в военное время.

Федерации было предоставлено представительство в управлении спешного строительства, в нефтяном управлении, в женском управлении, в пищевом управлении и, наконец, в управлении военной промышленности. Последнее управление стало во время войны признанным арбитром в промышленных конфликтах страны. Министерство труда, которое могло во время войны вполне правильно считаться орудием федерации, получило верховную власть в общем управлении по вопросам труда. Федерация была представлена также и в окружных управлениях по воинской повинности, но, пожалуй, сильнейшее доказательство официального признания рабочего движения было дано Вильсоном, когда он нашел время, несмотря на неотложные дела в Вашингтоне, поехать в Буффало в ноябре 1917 г. и произнести речь на съезде Американской федерации труда.

Помимо представительства в различных управлениях и комиссиях, занимавшихся вопросами общей политики, правительство заключило с федерацией ряд договоров относительно условий непосредственной и косвенной работы у правительства. Во всех этих договорах полностью

были приняты условия, существовавшие для более сильных тред-юнионов, и в них имелись пункты о трехчленной примирительной камере, в которую должны были входить представитель соответственного правительственного ведомства, представитель пубрики и представитель рабочих. Такие договоры были заключены в военном и морском министерствах и корпорации американского флота. Судовое управление явилось поручителем в подобном же договоре, заключенном между судовыми компаниями и союзами матросов, а военное министерство явилось поручителем в договоре между предпринимателями кожевенной промышленности и союзом рабочих-кожевников. Когда правительство 1 января 1918 г. взяло в свои руки железные дороги, то оно создало три примирительных камеры на основе того же принципа полного признания рабочих организаций. Отношение правительства к рабочему вопросу проявилось также и в связи с принудительным проведением в жизнь закона о 8-часовом дне. Закон 1912 года предусматривает 8-часовой день в работах, выполняемых для правительства по контракту, но он разрешает исключение в случае нужды. В 1917 г. конгресс предоставил президенту право отсрочить применение закона, но при этом предусматривалось, что в таком случае заработная плата должна определяться, исходя из «основного» 8-часового дня. Военное и морское министерства провели эти пункты в жизнь не только в смысле буквы закона, но вообще дали им наиболее либеральные толкования. Переход железных дорог в руки правительства радикально изменил положение рабочих. При частном управлении, как мы видели, лишь одни четыре братства пользовались общим признанием, основным 8-часовым днем (с 1916 года) и высокой заработной платой. Другие организации железнодорожных рабочих (рабочие мастерских, рабочие путей, конторщики и телеграфисты) в лучшем случае были терпимы. При государственном управлении 8-часовой день был распространен на все категории рабочих, и заработная плата была доведена до минимума в 68 центов в час со значительным, хотя и непропорциональным увеличением ставок высших категорий. Всякие преследования против входивших в союзы рабочих были прекращены, так что в течение года в рабочую организацию железнодорожников вошли почти все рабочие.

Политику государственного управления железными дорогами, широко открывшую двери тред-юнионам и признанию условий, выработанных союзами, национальному управлению по вопросам труда в военное время удалось вполне успешно перенести на другие отрасли промышленности. 29 марта 1918 г. комиссия, состоявшая из пяти представителей федерации труда, пяти представителей от предприниматель-

ской ассоциации и двух председателей — Вильяма Тафта со стороны предпринимателей и Франка Уолша — со стороны рабочих, представила доклад министру труда о «принципах управления отношениями между рабочими и предпринимателями военной промышленности в течение войны». Эти принципы, которые должны бы быть проведены в жизнь постоянным военным управлением по вопросам труда, организованным на той же основе, как и комиссия, представившая доклад, включали добровольный отказ от права стачки и локаута со стороны предпринимателей и рабочих на следующих условиях. Во-первых, признавалось равное право рабочих и предпринимателей организовываться в ассоциации и профессиональные союзы и коллективно заключать договоры. Этим предусматривались обязательства предпринимателей не рассчитывать рабочих за вхождение в профсоюзы и за профсоюзную работу в законных рамках, что компенсировало обязательство со стороны рабочих «в пользовании своим правом организации» не прибегать «к каким бы то ни было принудительным мероприятиям, имеющим целью заставить других рабочих вступить в их организации или принудить заключить с ними договоры». Во-вторых, обе стороны пришли к соглашению относительно соблюдения *status quo ante bellum* в отношении к союзу или принципу открытой мастерской в данном предприятии, а также относительно завоеванного союзом уровня заработной платы, продолжительности рабочего дня и других условий труда. Это включало ясное указание, что право на организацию не должно быть чем-либо обусловленным и что управление военной промышленностью может гарантировать улучшение рабочих условий, как только это позволит ситуация. В-третьих, состоялось соглашение о том, что если женщины принимаются в промышленные предприятия, то им должна выдаваться одинаковая плата за одинаковую работу. В-четвертых, пришли к соглашению, что «должно быть признано применение 8-часового дня во всех случаях, в которых этого требуют существующие законы, во всех же других случаях вопрос о продолжительности рабочего дня должен разрешаться, учитывая нужды правительства, а также благосостояние, здоровье и удобства рабочих». В-пятых, ограничение выработки тред-юнионами должно прекратиться. В-шестых, в вопросе об установлении тарифных ставок и других условий труда следовало считаться с тем, что достигнуто профсоюзами, и наконец, признание «права всех рабочих, включая чернорабочих, на достаточную для жизни заработную плату».

Создание управления по вопросам труда в военное время не означало, что страна пришла к принципу принудительного арбитража, ибо управление не могло принудить какую бы то ни было сторону в кон-

фликте передать его на арбитраж или на решение постороннего лица по его назначению. Однако общее мнение настолько явно высказывалось за необходимость избежания перерыва в военной промышленности, и власть правительства над предпринимателями в качестве распределителя сырья и над рабочими в качестве администратора в области воинской повинности была так велика, что косвенная власть управления была достаточна для того, чтобы ее решение принималось во всех случаях.

Консервная промышленность представляла яркий пример нового курса в области экономических отношений. Эта отрасль промышленности успешно изгнала из своих рядов тред-юнионы со времени стачки 1904 года, окончившейся катастрофически для стачечников. В конце 1917 г. 60.000 рабочих консервных фирм забастовали, выставив требования признания союза и основного 8-часового дня. Вмешательство правительства привело к соглашению, по которому хотя и не давалось формального признания союзу, гарантировался основной 8-часовой день, достаточная заработная плата и право организации вместе со всеми теми преимуществами, которые оно включает, а также назначение постоянного арбитра для разбора конфликтов. Таким образом, отрасли промышленности, воспрещавшие в своих рядах рабочие организации в течение 14 лет, вынуждены были открыть свои двери тред-юнионизму. Другой пример вмешательства правительства представляет завоевание дровосеками Северо-Запада основного 8-часового дня.

Что означает помощь правительства в борьбе рабочих за право организации для усиления мощи тред-юнионов, — видно из следующих цифр. В течение двух лет, с 1917 по 1919 г., число членов организации рабочих-мясников увеличилось с 10.000 до 60.000; число организованных котельщиков и судостроителей увеличилось с 31.000 до 85.000; кузнецов с 12.000 до 28.000; железнодорожных конторщиков с 7.000 до 71.000; механиков со 112.000 до 255.000; рабочих железнодорожных путей с 10.000 до 54.000; рабочих вагоностроительной промышленности с 39.000 до 100.000; железнодорожных телеграфистов с 27.000 до 45.000; рабочих электрической промышленности с 42.000 до 131.000; перечисленные здесь профессии, относящиеся большей частью к судостроению и железной дороге, составили общее увеличение числа членов федерации с двух с половиною миллионов членов в 1917 году до трех и одной трети миллиона в 1919 г.

Важным проявлением сотрудничества федерации с правительством являлась поддержка, которую первая охотно оказывала иностранной политике правительства. Поддержка эта зашла так далеко, что федерация в этом отношении осталась одинокой в рабочем мире стран

Антанты. Американские рабочие питали безусловное доверие к национальному правительству, чего не было ни у английских, ни у французских рабочих. В то время, как рабочие других союзнических стран считали, что их правительства нуждаются в том, чтобы их толкали на правильный путь к демократическому миру посредством международного рабочего конгресса, который из'ял бы весь вопрос о войне и мире из дипломатических канцелярий и рассмотрел бы его на открытом совещании представителей рабочих, в это же самое время американские рабочие очень охотно следовали за руководством главы американской нации. Здесь, несомненно, играл роль обычный энтузиазм новообращенного и сильное недоверие к германскому социализму, которое развилось среди американских рабочих лидеров в течение их описанной выше борьбы с получившими немецкое воспитание социалистами внутри федерации. Когда 8 января 1918 г. президент Вильсон провозгласил свои знаменитые 14 пунктов, федерация встретила их, конечно, с большим энтузиазмом. Осенью 1918 г. Гомперс отправился в Европу и принял участие в международной рабочей конференции. Лидеры федерации отказались, однако, участвовать в первом международном рабочем и социальном конгрессе, созванном во время войны, который собрался в Берне, в Швейцарии, в марте 1918 г., так как они не хотели сидеть рядом с немцами в то время, когда их страна еще не заключила формального мира с Соединенными Штатами. Съезд федерации, состоявшийся в июне 1919 г., вполне одобрил версальский договор как по общим основаниям, так и на основании его специальных указаний о международном регулировании условий труда, задачей которого является уравнивать положение рабочих разных стран. Противоположной была позиция английских рабочих, смотревших на версальский договор критическими глазами и открыто сознававших в своем разочаровании, но соглашавшихся принять договор, учитывая будущую возможность пересмотра его при более либеральных и более демократических правительствах.

Контраст во взглядах между мягким эволюционизмом Американской федерации труда и социальным радикализмом английских рабочих никогда не проявился так ярко, как в их программах восстановления после войны. Главным требованием британской рабочей партии на общих выборах в декабре 1918 г. была ее хорошо продуманная программа восстановления, выставленная под много говорящим названием «труд и новый социальный строй». Эта программа была прежде всего законодательной программой. Она требовала глубокого правительственного контроля над промышленностью теми же средствами, какими

производится контроль над частными финансистами, над природными ресурсами, транспортом и над внешней торговлей. Для рабочих подобный контроль означал бы право на постоянную работу, право на достаточную для существования заработную плату и присвоение экономических прибылей государством, которое использовало бы их для общего блага, независимо от того, выражались ли бы они в форме ренты, сверх-прибылей, или опромных личных доходов. За этой программой минимум виднелось вдали социальное общество, в котором не было совершенно места частным капиталистам.

Такова была программа организованных рабочих. Какова же была программа восстановления у американских рабочих? Прежде всего американские рабочие считают «восстановление» такой программой, которая должна быть выполнена тред-юнионами, а не правительством. Более того, они не видели в «восстановлении» того великого разрыва с прошлым, какое представляется английским рабочим. Американская федерация труда применяла к идее восстановления ту же самую философию, которая лежит в основе ее обычной повседневной деятельности. Она занималась не широким планом социальной реорганизации, но мыслью о постоянном повышении уровня жизни рабочего и о расширении свободы профсоюзов. Американским эквивалентом гарантированного правительством права на труд и достаточной заработной платы было «право на организацию». По мнению американских рабочих, возвращение им этого права, освобождение тред-юнионов от судебного вмешательства в стачки и бойкоты, предупреждение излишнего вмешательства правительства в экономические отношения произведут гораздо лучшее переустройство, чем нынешние бумажные программы, какими красивыми они бы ни являлись. Так рассуждали лидеры Американской федерации труда. Во время войны они, конечно, с радостью принимали непосредственно из рук правительства основной 8-часовой день и высокие тарифные ставки, которые при других обстоятельствах они могли получить лишь после длительной и тяжелой стачечной борьбы. Но еще более приемлемым, чем эти непосредственно полученные подарки, было полученное косвенным путем право организации, свободное от преследований со стороны предпринимателей. Американская федерация труда, приостановленная в своем развитии, как мы видели, враждебной деятельностью предпринимателей и в особенности трестов, использовала военные ситуации для завоевания новой территории. Окопавшись в траншеях и держа крепко в своих руках бразды организации, она думала, что можно с доверием взирать на будущее.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ.

Перемирие с Германией наступило неожиданно. Организованные рабочие встретили эту новость с такой же радостью, как и другие граждане. Но если бы они посмотрели на дело специально с тред-юнионистской точки зрения, то они, вероятно, нашли бы, что дальнейшее продолжение войны не было бы совершенно дурным делом для них, ибо угольная промышленность была «юнионизирована» уже до войны, железные дороги впервые во время войны, но третья основная промышленность — стальная — не была затронута ни до, ни во время войны. Однако как раз в стальной промышленности находился центр оппозиции тред-юнионизму, не только юнионизму в одной лишь этой промышленности, но и юнионизму в родственных и вспомогательных отраслях промышленности.

Первые три месяца после перемирия все ждали упадка в делах в результате отмены огромных правительственных военных заказов. Предприниматели и тред-юнионы оказались в одинаково нерешительном положении. Когда, однако, вместо ожидаемого застоя наступил расцвет промышленности, какого не было во время войны, тред-юнионы возобновили свое наступление, не ограничивая себя теперь никакими другими, кроме чисто экономических, соображениями. В действительности тред-юнионы в своих действиях выступали вовсе не по своей воле, ибо их требования, как бы часты и значительны они ни были, еле достигали того, чтобы поддерживать заработную плату на уровне возрастающей дороговизны. В течение 1919 г. и первой половины 1920 г. прибыли и тарифные ставки поднимались скачками, и 44-часовая неделя — уже не простой 8-часовой день — стала общим лозунгом, а отчасти и реальностью. Особенно заметен был успех в одежной, строительной, типографской и металлической отраслях промышленности. Однако нельзя сказать то же самое относительно трех основных отраслей промышленности — стальной, угольной и железнодорожной. В стальной про-

мышленности приблизительно половина рабочих работала попрежнему 12 часов в день и 7 дней в неделю, и союзы готовились к битве со «стальным трестом». В то же время на железных дорогах и в угольной промышленности союзы стали теперь встречать оппозицию с неожиданной стороны, а именно — со стороны правительства.

Когда летом 1919 года рабочие железнодорожных мастерских потребовали увеличения их заработной платы, которая не поднималась с лета 1918 г., президент Вильсон фактически отказал в требовании, указывая на необходимость в понижении цен, но опасаясь в то же время использовать всю власть правительства немедленно в целях понижения стоимости жизни. Знаменитым инцидентом в этом положении была стихийная стачка рабочих железнодорожных мастерских на многих дорогах, не разрешенная руководителями Интернационального союза. Стачка эта вскоре прекратилась. Движение закончилось обратным возвращением на работу рабочих, с одной стороны, под давлением угрозы своих лидеров и, с другой стороны, под давлением просьб президента.

В сентябре 1918 г. государственное управление железными дорогами и союзы рабочих железнодорожных мастерских заключили ряд национальных договоров, которые воплотили в себе фактические условия работы, установившиеся при правительственном управлении дорогами, а также и те условия, которые были приняты наиболее либеральными дорогами до 1918 г., включая признание и целый ряд «правил работы». Эти «национальные договоры» стали в значительной мере под знаком вопроса годом позже, когда их уничтожения потребовали директора железных дорог и комитет по вопросам железнодорожного труда, учрежденный транспортным законом 1920 г.

Летом 1919 г. предприниматели некоторых отраслей промышленности, вроде одежной, почувствовали нужду в более «психологическом» отношении к рабочей силе, чем до сих пор, стремясь воспрепятствовать перекочевке высококвалифицированных рабочих и не менее дорого стоящей приостановке в работе. Это создало настоящее «эльдorado» для агентов по найму. Университеты и колледжи, до сих пор совершенно не интересовавшиеся вопросами труда или смотревшие на изучение этой проблемы лишь как на составную часть общего образования, теперь конкурировали друг с другом в учреждении курсов агентуры труда. Одна из фаз такой работы по посредничеству в найме рабочего персонала была скорее широким экспериментом, в котором проверялись планы «индустриальной демократии». Эти планы отличались друг от друга по форме и содержанию, от создания простых фабричных

комитетов для заключения договоров, из которых многие были уже созданы во время войны по распоряжению управления по вопросам труда, до весьма детально разработанных схем, из которых некоторые брали за образец конституцию Соединенных Штатов. Общая для всех их цель состояла в стремлении добиться заключения чего-то вроде коллективных договоров вне старых тред-юнионов.

Тред-юнионы также процветали в качестве организаций. Смешанный союз рабочих одежной промышленности укрепил свое положение путем заключения формального договора «на рынках» одежного труда в Чикаго, Рочестере, Балтиморе и Нью-Йорке. Число членов смешанного союза одежной промышленности понизилось до 175.000. Предприниматели в общем жаловались на усиление рабочих волнений, на падение производительности труда в мастерских и косо смотрели на быстрый рост организации рабочих масс. Тред-юнионы, со своей стороны, стремились использовать положение и получить окончательное признание в качестве института в промышленной области, способствовали неуверенности в вопросе о том, можно ли избежать борьбы, или вопрос должен быть разрешен резким столкновением между классами.

Частичное разъяснение вопроса наступило осенью 1919 г. Три крупных события, наступивших почти сразу, помогли выяснению положения: стачка стальной промышленности, промышленное совещание, устроенное президентом, и стачка углекопов. Большая стачка сталелитейной промышленности, подготовленная и руководимая комитетом, представлявшим 24 национальных и интернациональных союза, с Вильямом Фостером в качестве секретаря и идейного руководителя, пыталась в сентябре 1919 г. добиться от владельцев сталелитейных заводов того, чего рабочие железнодорожных мастерских добились в 1918 г. через посредство правительственного предложения, а именно — признания союзов и 8-часового дня. 300.000 рабочих забастовали по призыву комитета. Работа в сталелитейной промышленности фактически приостановилась. Но в данном случае 24 объединившихся союза имели дело не с правительством, доступным политическому давлению, а также не со слабо объединенной ассоциацией предпринимателей, конкурирующих друг с другом. Наоборот, они имели в настоящее время дело с сильнейшей капиталистической корпорацией в мире, и никто им не оказывал поддержки.

По просьбе президента Вильсона, Гомперс побуждал стачечный комитет отложить стачку до открытия заседаний национального промышленного совещания, созванного президентом на октябрь, но комитет заявил, что он не может удержать рабочих от стачки после того,

как все лето велась самая энергичная агитационная и организационная работа. Совещание, при устройстве которого президент взял за образец подобную же конференцию, созванную ранее в Великобритании, состояло из трех равных по числу представителей групп, из которых одна представляла интересы капиталистов, другая — интересы рабочих и третья — интересы страны. Для того, чтобы решения совещания были действительны, они должны были быть одобрены большинством голов в каждой группе. Представительство рабочих, во главе которого стоял, конечно, Гомперс, стремилось направить дискуссию на вопрос о стачке в сталелитейной промышленности. Группа эта предложила по этому вопросу резолюцию, которую поддержала и нейтральная группа, но из опасения перед тем, что резолюция будет, несомненно, отклонена предпринимательской группой, обсуждение резолюции было отложено. Вопросом, по которому было достигнуто соглашение, явился контроль над промышленностью и коллективный договор. Все три группы — предпринимательская, нейтральная и, конечно, рабочая группа — высказывались за коллективный договор, но с заметным различием. Рабочая группа настаивала на том, что коллективный договор останется фарсом, если рабочим не будет разрешено избирать своими доверенными при переговорах с предпринимателями представителей национальных тред-юнионов. При отсутствии могущественного защитника в лице национального союза, доказывали они, рабочие на фабрике не могут себя чувствовать на равном положении со своим предпринимателем, и, кроме того, они не смогут найти достаточно способного представителя для защиты своих интересов, если их выбор будет ограничен работающими на той же самой фабрике, что и они. «Предприниматели, уже более не проникнутые тем духом военного времени, который заставил их в 1917 г. терпеть распоряжения юниснизма, настаивали на том, что нельзя заставлять предпринимателей иметь дело по вопросу о заключении коллективного договора с кем бы то ни было, кроме рабочих их фабрик. Спустя две недели, в течение которых положение оставалось неопределенным, когда выяснилось, что совместная резолюция рабочей и нейтральной группы (последняя поддерживала позицию рабочих в несколько смягченной форме) будет, несомненно, отклонена предпринимательской группой, рабочая группа покинула совещание, и конференция закрылась. Период сотрудничества классов закончился.

Тем временем стачка в сталелитейной промышленности продолжалась. Федеральные войска охраняли сталелитейные округа, и насилий нигде не было. Тем не менее значительная часть печати изображала стачку рабочих сталелитейной промышленности, требовавших призна-

ния союза и нормального рабочего дня, чем-то вроде дубликата большевистской революции в России. Общественное мнение, выведенное из состояния равновесия и встревоженное водоворотом мировых событий, не было в силах оказывать сопротивление. Стачка закончилась неудачей.

Ничто в такой степени не показало тред-юнионистам, насколько положение изменилось со времени окончания войны, как стачка углекопов, начавшаяся 1 ноября. Углекопы заключили в октябре 1917 г. коллективный договор относительно заработной платы на все время войны. Ввиду того, что покупательная сила их тарифных ставок сильно уменьшилась вследствие постоянно увеличивающейся дороговизны, в союзе господствовало сильное недовольство. К этому присоединилось еще одно осложнение, вызванное неопределенным отношением Соединенных Штатов к вопросу о войне и мире, которое имело прямое отношение к данному вопросу. Углекопы доказывали, что перемирие означает, что война окончилась. Если же война окончилась, то это означает, что окончился и срок действия невыгодного договора. Углекопы требовали поэтому увеличения тоннажных расценок на 60 %, соответствующего увеличения заработной платы для поденно и почасно оплачиваемых рабочих и 30-часовой рабочей недели, для того, чтобы хватало работы на весь год. Шахтовладельцы настаивали на том, что договор все еще остается в силе, но выражали готовность пойти на уступки, если они получают разрешение перенести издержки на потребителей. Здесь вмешалось топливное управление, правительственное учреждение военного времени, находившееся уже накануне роспуска, и попыталось продиктовать соглашение на основе 14 %-го увеличения расценок заработной платы, что было совершенно неприемлемо для союза. Стачка продолжалась, и вместе с тем приближалась перспектива острого угольного голода. Для того, чтобы положить конец такому положению вещей, судья Андерсон, по инициативе генерального прокурора Пальмера, на основании изданного для военного времени закона Ливера, вынес постановление, запрещающее должностным лицам союза продолжать руководство стачкой. Стачка все-таки продолжалась, так как стачечники отказались возвратиться на работу. Угольная комиссия, назначенная президентом, в конце концов разрешила конфликт, вынеся постановление об увеличении расценок и заработной платы на 27 %. Но тот факт, что то самое правительство, которое предоставило рабочим столько преимуществ во время войны, применило теперь по отношению к ним закон военного времени, который считался уже фактически отмененным, — уже это одно служило ясным указанием на то, что времена изменились.

Стачки в сталелитейной и угольной промышленности дали повод печати повести сильную пропаганду против тред-юнионистского движения. Общественное мнение, долгое время настроенное благоприятно по отношению к рабочим, стало определенно враждебным. В Канзасе был принят закон о принудительном арбитраже, и был создан специальный суд для разбора промышленных конфликтов. Одновременно предпринятая по инициативе генерального прокурора Пальмера «кампания против красных» еще более подняла возбужденное состояние публики. Создалась атмосфера, настолько насыщенная подозрениями и страхом, что группа предпринимателей, под руководством Национальной ассоциации фабрикантов и некоторых местных предпринимательских организаций, начала движение в пользу открытой мастерской под лозунгом создания «американского плана» для мастерских и промышленности. Многие предприниматели, бывшие в мирное время противниками профсоюзов, но вынужденные во время войны терпеть развитие тред-юнионистского движения, пытались теперь отвоевать обратно утраченные ими позиции. Пример сталелитейной промышленности и фиаско созданного президентом промышленного совещания подействовали на них ободряющим образом и заставили их начать действовать активно.

Тем временем положение на железных дорогах оставалось неопределенным и угрожало опасностью. Этот вопрос находился в связи с общей проблемой относительно того, что делать с железными дорогами. Множество планов было представлено в конгресс, начиная с предложения о немедленном возвращении железных дорог их собственникам и кончая предложением о переходе их в вечную собственность государства и о государственном управлении ими. Железнодорожные рабочие организации, т.-е. четыре братства поездного персонала и 12 союзов, объединенных в департамент железнодорожных рабочих Американской федерации труда, представили конгрессу так называемый план Плумба, выработанный Гленом Плумбом — юридическим представителем братств. Этот план предлагал, чтобы правительство взяло в свои руки железные дороги, заплатив компенсацию владельцам, а затем доверило управление ими учреждению, составленному из высоких чиновников, представителей союза и представителей технических штабов. Это — что касается конечных планов. По более злободневному вопросу о заработной плате правительство не сдержало своего обещания, данного им рабочим железнодорожных мастерских в августе 1912 г., когда им было отказано в увеличении заработной платы и было обещано снижение цен на предметы первой необходимости. В начале 1920 г. президент Вильсон известил конгресс, что он возвратит собственникам дороги 1 марта.

1920 года. За несколько дней до этой даты был принят законопроект Эш-Куминса, под названием «транспортного закона 1920 г.». Были сделаны большие усилия для того, чтобы ввести в законопроект запрещение устраивать стачки и локауты. В такой форме он, конечно, прошел в сенате. В палате же представителей отсутствовал пункт о принудительном арбитраже, и закон в окончательном виде содержал указание на необходимость создания управления по делам железнодорожных рабочих, составленного из представителей железной дороги, союза и публики (последние должны были быть назначены президентом), с правом вести следствие и выносить решения, но вместе с тем сохранялось право устраивать стачки и локауты в течение или после периода расследования. Это было впервые назначенное управление такого рода, которое должно было дать ответ на громкие требования увеличения заработной платы, выставленные железнодорожными служащими.

Еще дороги не были возвращены собственникам, согласно новому закону, и управление не было даже назначено, как уже вспыхнула стачка стрелочников, терпение которых, очевидно, истощилось. Стачка эта являлась «незаконной» стачкой, предпринятой против желания национальных лидеров и руководившейся «бунтовщическими» случайными вождями. Долгое время стачка угрожала не только парализовать железнодорожную сеть страны, но также нанести большой вред организациям железнодорожных рабочих. В конце концов она была окончена благодаря усилиям лидеров национального союза, при чем сильное влияние на положение дела произвело заявление новообразовавшегося управления по делам железнодорожных рабочих, что ни одна «незаконная» организация не сможет делать ему заявлений. Управление вынесло решение 20 июля, согласно которому общая сумма заработной платы железных дорог за год увеличена на 600 миллионов долларов. Решение не удовлетворило союз, но все-таки водворило спокойствие.

Когда железнодорожные рабочие добились, наконец, увеличения жалованья, промышленность страны вообще, а в частности и железные дороги входили уже в период застоя. С начала депрессии движение в пользу открытой мастерской стало развиваться с большой силой. Благодаря быстрому росту безработицы предприниматели стали надеяться на скорое освобождение от профсоюзного контроля. Несколько месяцев спустя начался отлив также и в движении в пользу увеличения заработной платы. В течение года сталелитейная промышленность уменьшила заработную плату на 30%, а 12-часовой день и 7-дневная неделя, фигурировавшие в качестве главных причин стачки 1919 г., и из-за которых «Стальная корпорация» Соединенных Штатов была

строго осуждена в докладе комитета международного мирового движения, продолжали существовать, как и раньше. На нью-йоркском «рынке» промышленности мужского платья, где союз наталкивается на наиболее сложные и на наименее постоянные условия, главным образом благодаря разнородному характеру предпринимательской группы, предприниматели использовали благоприятную ситуацию для того, чтобы порвать со смешанным союзом рабочих одежной промышленности. К концу весны 1921 г. рабочие одежной промышленности победили, показав этим, что союз, построенный на новых основах, по меньшей мере настолько же пригоден в качестве боевого аппарата, как какой бы то ни было из более старых союзов. Этот же союз и некоторые местные секции упоминавшегося уже союза промышленности женского платья первые поняли необходимость обеспечить предпринимателю по крайней мере минимальную интенсивность труда, при условии, если вновь установленные ставки не будут понижены. Отсюда вытекает принятие принципа «стандартов производства», установленных при помощи научных управляющих, нанятых совместно предпринимателями и союзом.

Весна и лето 1921 г. были временем широкого распространения стачек, в особенности в строительной промышленности. Эти стачки имели в виду пересмотр договоров, если бы они были направлены на понижение заработной платы. Строительная промышленность проходила в течение 1921—1922 г.г. один из своих периодов восстания против тирании «кочующих делегатов» и против состояния морального разложения, ответственность за которое падала на некоторых из этих последних вместе с недобросовестной частью предпринимателей. В Сан-Франциско, где роль профсоюзов в промышленности была особенно значительной, предприниматели порвали с ними и стали проводить принцип «открытой мастерской», после того, как совет строительных цехов отказался принять решение арбитражной комиссии, назначенной по взаимному соглашению. Союз указывал, однако, в свое оправдание, что комиссия, вынеши решение об уменьшении заработной платы в пятнадцати профессиях в то время, как вопрос, представленный на ее разрешение, шел об увеличении заработной платы в этих профессиях, этим самым вышла из своих законных рамок. В городе Нью-Йорке расследование, произведенное специальной комиссией законодательных учреждений, вскрыло моральное разложение среди лидеров строительных цехов и среди некоторых элементов предпринимательской группы в связи со спешной попыткой установить фактическую местную монополию в строительной промышленности. Некоторые из наиболее провинившихся в продажности с обеих сторон получили судебный приговор,

и совет строительных цехов принял изменения в «правилах работы». В Чикаго создалось положение, во многих отношениях подобное положению в Сан-Франциско. В одном конфликте из-за заработной платы, представленном обеими сторонами на арбитражное рассмотрение федеральному судье Ландису, последним был вынесен приговор, разрешивший не только понижение заработной платы, но также и пересмотр «правил работы». Большинство членов союза отказалось подчиниться этому решению, и положение сильно обострилось. В Чикаго интересы предпринимателей поддерживал в агрессивной форме «комитет граждан», образовавшийся для того, чтобы провести решение Ландиса в жизнь. Комитет заявлял, что он ввез больше 10.000 квалифицированных строительных рабочих для замещения стачечников.

Осенью 1921 г. предприниматели консервной промышленности отказались от соглашения, согласно которому отношения между рабочими и предпринимателями должны были устанавливаться «администратором», судьей Альшулером из Чикаго, так как последний фактически ограничил контроль предпринимателей в мастерской. Некоторые из предпринимателей привели в исполнение свои старые планы. Это привело к стачке, и в конце концов союзы потеряли свою позицию в промышленности, приобретенную ими благодаря войне. В это время, однако, движение в пользу открытой мастерской, казалось, дошло до своего апогея, не причинив непоправимого вреда позиции организованных рабочих. Очевидно, долгие годы подготовки до войны и весьма благоприятная обстановка во время войны, — если и не смогли создать для тред-юнионов положения признанного национального института, — застраховали их, по крайней мере, от уничтожения предпринимателями, как бы искусно ни были задуманы атаки со стороны последних. В 1920 г. общее количество членов профсоюзов, включая союзы, входившие в Американскую федерацию труда, было немногим меньше 5.000.000, в самой же федерации было свыше 4.000.000 членов. В 1921 г. число членов федерации понизилось слегка, до 3.906.000, а общее количество организованных рабочих понизилось, по всей вероятности, в той же пропорции. В 1922 г. число членов федерации упало до 3.200.000, показав таким образом уменьшение на 800.000 по сравнению с самой высокой цифрой в 1920 г.

Положение профсоюзов продолжало оставаться в юридическом отношении столь же неопределенным и неудовлетворительным, как будто закон Клейтона не был принят. Принцип закрытой мастерской был осужден, как принудительный в отношении не входящих в профсоюзы рабочих. Уже в деле Коппеджа верховный суд Соединенных Шта-

тов вынес решение, согласно которому угроза со стороны предпринимателя рассчитать рабочего за принадлежность к профсоюзу не является принуждением. Равно является незаконным поступком со стороны агентов тред-юниона, если они пытаются организовать, даже путем убеждения, рабочих на такой фабрике, где рабочие подписали обязательство не вступать в профсоюз, как условие получения работы. Решение, поднимающее сильные сомнения относительно того, произвел ли закон Клейтона какие-либо изменения в положении тред-юнионов, было вынесено верховным судом в недавнем процессе типографии «Дуплекс» (1921 г.). В этом процессе тред-юнион построил свою защиту на праве иммунитета, гарантированного законом Клейтона. Несмотря на это, «запрещение» было подтверждено, и бойкот опять был объявлен незаконным, ибо суд стал на ту точку зрения, что слова «предприниматель» и «рабочие», имеющиеся в законе, касаются лишь тех рабочих, которые непосредственно замешаны в конфликте, и не касаются национального союза, который стремится заставить предпринимателя согласиться на его условия путем агитации среди всех своих членов за бойкот предметов производства предпринимателя.

Преобладающее юридическое толкование незаконных методов можно вкратце изложить следующим образом:

Стачки имеют незаконный характер, когда они включают клевету, мошенничество, физическое насилие, угрозы физическим насилием или подстрекательство к разрыву договора. Бойкоты имеют незаконный характер, когда они вовлекают посторонних в конфликт путем угрозы стачками или потерей имущества, публикации черных списков или путем вмешательства в международную торговлю. Уговаривание штрейкбрехеров незаконно, если оно сопровождается насилием, угрозами, терроризированием и принуждением.

В декабре 1921 г. верховный суд решил, что если уговаривающие штрейкбрехеров действуют целыми группами, то это является уже устрашением, и, допуская исключения в зависимости от обстоятельств, ограничил мирное уговаривание одним уговаривателем в каждом пункте, находящемся у входа в фабрику или выхода из нее. В июне 1922 г. в колорадском процессе верховный суд стал на ту точку зрения, что союзы во всех отношениях подобны корпорациям и поэтому ответственны за убытки, наносимые их деятельностью в качестве корпорации, включая тройные штрафы, предусмотренные антитрестовским законом Шермана, при чем эти штрафы могут быть уплачиваемы из собранных ими фондов.

Мы указали уже, что с того момента, как закончилась война, американское рабочее движение в общественном мнении стало связы-

ваться с революционным движением. Стачка в сталелитейной промышленности и стачка углекопов в 1919 г., бунт против национальных лидеров и «незаконные» стачки в типографской промышленности и на железных дорогах в 1920 г., защита организациями железнодорожников плана Плумба о национализации железных дорог и его повторное признание с'ездами Американской федерации труда, резолюции в пользу национализации угольных копей, принятые на с'ездах союза углекопов, сочувствие к Советской России, высказанное рядом союзов, в особенности союзами одежной промышленности, — все это убеждало многих, несмотря на возражения лидеров Американской федерации труда, в том, что имеется явная тенденция в рабочем движении в сторону революционных методов и даже возможность образования радикального большинства в федерации в довольно близком будущем.

Наиболее поразительная перемена произошла в организациях железнодорожников, перешедших от ясно выраженного консерватизма к защите социалистического плана владения и эксплуатации железных дорог — плана Плумба. План этот поднимает вопрос о социализме в его американской форме. В кратком изложении дело сводится к тому, что план этот предлагает приобретение правительством всех железных дорог по цене, исключающей признание прав и привилегий, не гарантированных специально железным дорогам в их чартерах, полученных ими от штатов. Правительство должно затем передать дороги в ведение частной корпорации, управляемой составленным из трех частей правлением директоров, в котором в равной мере будут представлены потребительская публика, служащие управления и классифицированные служащие. Автоматический план экономии был предназначен для обеспечения хорошей работы по низким расценкам, вычисленным так, чтобы обеспечить возвращение ценностей, отданных в жертву капиталистическим привилегиям.

Задача плана Плумба состоит в том, чтобы уравнивать положение труда и капитала путем использования экономических сил, с целью получить справедливое вознаграждение за оказываемые публике услуги. В этом отношении план этот сильно напоминает многие из земельных реформ и другие «панацеи», встречающиеся в истории рабочего движения. Отличается он от этих панацей тем, что он делает тред-юнионы жизненными и организованными представителями интересов производителей, которые должны принять участие в непосредственном руководстве промышленностью. Идеал работы у самих себя был бы таким образом достигнут, при чем он вышел из рамок самопомощи, которыми организованные рабочие ограничили самих себя в восьмидесятые годы.

Но не следует переоценить тенденцию в сторону революционных взглядов. План Плумба не стал обязательным пунктом программы американских рабочих. Хотя Американская федерация труда и признала принцип перехода железных дорог в руки государства на своих с'ездах 1910 и 1921 гг., Гомперс, высказавшийся против этого плана, был избран и вновь переизбран. И, повинуясь инструкциям о совместной работе с лидерами железнодорожных братств, он узнал, что они также считают несвоевременным вести энергичную кампанию за проведение плана Плумба. Поскольку дело касалось самих железнодорожных рабочих, то и после того, как было организовано управление по делам железнодорожных рабочих, и оно начало выносить решения, фактически понижавшие заработную плату и изменившие к худшему «правила работы»,—в их среде продолжало существовать настроение в пользу плана Плумба. Деятельность же организаций хотя мало уменьшилась в своей интенсивности, сконцентрировалась вокруг вопросов об условиях найма.

Тенденция к независимой рабочей политической деятельности, которую многие предвидят, остается в неопределенном состоянии. Фермерско-рабочая партия, идея которой была брошена в 1910 г. влиятельными лидерами в Чикаго (конечно, против желания национальных лидеров), собрала не более 350.000 голосов. И в той же самой избирательной комиссии, несмотря на широкое недовольство в рабочих кругах изменением в позиции правительства после окончания войны и очень сильным использованием запрещений в стачке углекопов, число голосов, поданных за социалистического кандидата в президенты, упало ниже миллиона, т.-е. ниже числа голосов 1912 г., несмотря на увеличение вдвое избирательного корпуса, благодаря предоставлению женщинам права голоса. Наконец, тот же самый с'езд Американской федерации труда, который обнаружил такое сочувственное отношение к плану Плумба, одобрил разрыв с Международной федерацией профсоюзов, центр которой находится в Амстердаме, ввиду революционного характера выпущенных последней манифеста.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЛОАФ, Т.

БОРЬБА УГЛЕКОПОВ В СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Стр. 88

Перев. А. А.

Ц. 40 к.

★

ЛОВСТОН, ДЖЕЙ

ТРУД И КАПИТАЛ В АМЕРИКЕ

Стр. 335

Издание второе

Ц. 1 р. 80 к.

★

АУСТИН, БЕРТРАМ и ЛЛОЙД, ФРЕНСИС

СЕКРЕТ ВЫСОКОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

★

ФАЙЛЕР, АРТУР

АМЕРИКА И ЕВРОПА

Перевод с немецкого Ф. Кипслюша и Н. Миркина. Предисловие Ю. Ларина

Стр. 174

Ц. 1 р. 25 к.

★

ФОРД, ГЕНРИ

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Перевод с американского издания Ст. Вольского. Предисловие П. Френка

Стр. 215

Ц. 1 р. 30 к.

...Страницы книги, говорящие о колоссальных достижениях техники и организации современных предприятий, интересны".

...Особо следует заметить, что П. Френк подробно останавливается на состоянии зарплат в предприятиях Форда и удачно разоблачает легенду о колоссальных заработках фордовских рабочих".

(„Правда № 268, 19/XI, 1926 г.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

МИРОВОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

СПРАВОЧНИК ПРОФИНТЕРНА

Под общей редакцией А. ЛОЗОВСКОГО

Редакционная коллегия: А. Геллер, М. Зеликман, И. Левин, А. Нин, М. Рубинштейн

Том I. Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания. Изд. 2-е, дополненное.
Стр. 496 + 3 стр. диагр. Ц. 5 р. 50 к.

Том II. Венгрия, Германия, Голландия, Греция, Дания, Ирландия. Стр. 328.
Ц. 3 р. 75 к.

Том III. Испания, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Турция, Финляндия. Стр. 408. Ц. 4 р. 50 к.

Том VII. Австралия, Алжир, Английские владения в Африке, Бельгийское Конго, Египет, Мадагаскар, Марокко, Новая Зеландия, Португальская Африка, Тунис, Южная Африка.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Том IV. С. С. С. Р.

Том V. Франция, Чехо-Словакия, Швейцария, Швеция, Юго-Славия, Эстония.

Том VI. Афганистан, Британская Индия, Индокитай, Индонезия, Китай, Месопотамия, Палестина, Персия, Сиам, Сирия, Филиппины, Цейлон, Япония.

Том VIII. Америка, Соединенные Штаты, Канада, Латинская Америка (Аргентина, Мексика, Чили, Бразилия, Уругвай, Парагвай, Перу, Боливия, Куба, Эквадор и др.).

Том IX. Интернационалы (Амстердам, Кр. Инт. Профсоюзов), Интернационалы по производствам, Международные Комитеты Пропаганды.

СТАМБЛЕР, М.

МИРОВОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Пособие для профкружков и курсов профдвижения и для самообразования. Под ред. Б. В. Аграна

Стр. 227

Ц. 1 р. 80 к.

ОПТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4; тел. 1-91-49, 3-71-37 и 5-04-56;

ЛЕНИНГРАД, "Дом книги", проспект 25 Октября, 28; тел. 5-34-18

И ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ ГОСИЗДАТА РСФСР

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ, "КНИГА ПОЧТОЙ" и ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ,

"КНИГА ПОЧТОЙ" высылают немедленно по получении заказа КНИГИ ВСЕХ

ИЗДАТЕЛЬСТВ, имеющиеся на книжном рынке

Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом.

При высылке денег вперед (до 1 руб. можно почтовыми марками) пересылка бесплатно

Исполнение заказов быстрое и аккуратное

Каталоги, проспекты и бюллетени высылаются по требованию бесплатно